

Историческая и социально-образовательная мысль

Historical and Social-Educational Idea

ТОМ 10 № 5 Часть 1 2018

Электронная версия: <http://www.hist-edu.ru>

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ № 26/15 от 17 июня 2011 г. журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» включен в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

С 1 января 2018 г. по группе специальностей 22.00.00 социологические науки под № 1072

В 2015 г. журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» стал членом международной ассоциации PILA (Publishers International Linking Association). Статьям журнала «Историческая и социально-образовательная мысль», начиная с № 6 2014 г., присваиваются уникальные буквенно-цифровые идентификаторы DOI (Digital Object Identifier).

Редакция журнала является членом
АССОЦИАЦИИ НАУЧНЫХ РЕДАКТОРОВ И ИЗДАТЕЛЕЙ (АНРИ)
Редакция журнала является членом Международного Комитета по публикационной этике COPE (Committee on Publication Ethics) с 2017 года.

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-37035
от 04.08.2009

ISSN 2075-9908 (Print)
ISSN 2219-6048 (Online)

Главный редактор

д. и. н., профессор
В.А. Штурба

Заместитель главного редактора - научный редактор

к. п. н. Т.А. Халилов

Заведующий редакцией

Н.В. Вавилкина

Редактор электронной версии

А.М. Литвинов

Редактор англоязычных текстов

к. п. н. Т.А. Халилов

Корректор

А.Ф. Мишина

Журнал размещается в национальной информационно-аналитической системе **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования) Российской научной электронной библиотеки
<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Выходит 6 раз в год

Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть занесена в память компьютера либо воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения издателя.

Рукописи рецензируются. Учредитель и издатель предупреждают авторов о юридической ответственности за несанкционированное использование чужих авторских прав.

АДРЕС РЕДАКЦИИ

350080, Россия, г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, д. 32, к. 301
Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»
Тел/факс: 8 (861) 237-62-19
E-mail: akademus07@rambler.ru

УЧРЕДИТЕЛИ

Кубанская многопрофильная Академия подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов;
Северо-Кубанский гуманитарно-технологический институт.

Historical and Social-Educational Idea

VOLUME 10 # 5 Part 1 2018

Web Version address: <http://www.hist-edu.ru>

The Academic Journal «Historical and Social-Educational Idea» has entered into the list of academic periodicals under review (those intended to publish the summaries on the study' outcomes, upon the theses nominated for Doctoral Degrees or the Candidate' standing), with the Resolution No 26/15 by the Supreme Attesting Commission Panel under the Russian Ministry of Education and Science, issued on June 17th, 2011.

From January 1, 2018 on the group of specialties 22.00.00 Sociological Sciences under № 1072

The journal «Historical and Social-Educational Idea» is member of the International Association PILA (Publishers International Linking Association). Unique alphabetic-digital identifiers DOI are assigned to the articles of the journal «Historical and Social-Educational Idea», starting from its issue N 6, 2014.

Editorial Board is a member of the Association of Science Editors and Publishers (ASEP)

The editorial board is a member of the COPE (Committee on Publication Ethics) since 2017.

Certificate of Incorporation:

PI No. FS77 - 37035
of August 4th, 2009

ISSN 2075-9908 (Print Copies)

ISSN 2219-6048 (Web Online Version)

Editor-in-Chief:

V.A. Shturba,
Doctor of Historical Sciences,
Professor

Deputy Editor-in-Chief - Scientific Editor:

T.A. Khalilov,
Candidate of Political Sciences

Head of Editorial Board:

N.V. Vavilkina

Web Layout Designer:

A.M. Litvinov

Editor for the English Wording:

T.A. Khalilov,
Candidate of Political Sciences

Proofreader:

A.F. Mishina

The Journal is located at the nationwide data analysis framework of the Russian Academic Citation Index operated by the E-Library.

<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

The Journal is issued 6 times a year

All rights reserved. No part to this publication may be stored at the outsider computer memory nor reproduced by any means, without the prior written permission by the publisher.

The author's copies shall be subject to review. Both the Promoters and the Publisher notify the authors about legal liability for unauthorized use of another author's rights.

OFFICE ADDRESS

32 Zavodskaya Str., Apt. 301, Pashkovsky micro-distr., Krasnodar city, 350080 RUSSIA
Editorial Office

Journal «Historical and Social-Educational Idea»

Phone/fax: 8 (861) 237-62-19

E-mail: akademus07@rambler.ru

INCORPORATORS

Kuban Region Multi-Sector Academy of Vocational Training and Upgrading and Advanced Training of Specialists;
Northern Kuban Region Institute for the Humanities and Technologies.

Редакционный Совет

Председатель Редакционного Совета

Волков Юрий Григорьевич, заслуженный деятель науки РФ, действительный член академии социальных наук России, доктор философских наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет Ростов на Дону. Россия

Бедерханова Вера Петровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета Краснодар. Россия

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, действительный государственный советник Российской Федерации III класса Москва. Россия

Бунимович-Мендражицкая Светлана Юрьевна, доктор философии, доктор математики, доктор биологии, профессор, кафедра компьютерных наук и математики, Ариэльский университет Тель-Авив. Израиль

Гребенникова Вероника Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, декан, факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский государственный университет Краснодар. Россия

Гомулка Кристина, доктор политических наук, профессор, Гданьский политехнический университет Гданьск. Польша

Грушевский Сергей Павлович, доктор педагогических наук, профессор, декан, факультет математики и компьютерных наук, заведующий кафедрой информационных образовательных технологий, Кубанский государственный университет Краснодар. Россия

Давидсон Аполлон Борисович, академик Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заведующий Центром африканских исследований Института всеобщей истории РАН Москва. Россия

Догнал Йосеф, доктор философии, доцент, кафедра русистики, философский факультет, Университет им. св. Кирилла и Мефодия (г. Трнава Словацкая Республика), Институт славистики, философский факультет, Университет им. Масарика (г. Брно Чешская Республика) Брно. Чешская Республика

Editorial Council

Editorial Board Chairman

Yuriy G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University Rostov-on-Don. Russia

Bederkhanova Vera Petrovna, Doctor of Pedagogics, Professor, Head of the Department of Social Work, Psychology and Higher Education Pedagogics of Kuban State University Krasnodar. Russia

Nikolay F. Bugay, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Full State Counselor of the Russian Federation - Class III Moscow. Russia

Svetlana Yu. Bunimovich-Mendrazitskaya, Doctor of Philosophy, Doctor of Mathematics, Doctor of Biology, Professor, Department of Computer Sciences and Mathematics, Ariel University Tel-Aviv. Israel

Veronika M. Grebennikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogy and Psychology, Dean, Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Studies, Kuban State University Krasnodar. Russia

Krystyna Gomolka, Doctor of Political Sciences, Professor, Gdansk Polytechnic University Gdansk. Poland

Sergey P. Grushevsky, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean, Faculty of Mathematical and Computer Sciences, Head of Department of Information Technology in Education Sphere, Kuban State University Krasnodar. Russia

Apollon B. Davidson, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the National Research University Higher School of Economics, Head of the Center for African Studies of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences Moscow. Russia

Josef Dohnal, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Russian Studies, Faculty of Philosophy, St. Cyril and Methodius University (Trnava, Slovak Republic), Institute of Slavic Studies, Faculty of Philosophy, Masaryk University (Brno, Czech Republic) Brno. Czech Republic

Икэда Ёсиро, доктор философии (история), доцент, кафедра истории стран Запада, Высшая школа гуманитарных наук и социологии, Токийский университет Токио. Япония

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кубанский государственный университет Краснодар. Россия

Кислицын Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Ростов-на-Дону. Россия

Ларин Виктор Лаврентьевич, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук Владивосток. Россия

Позднякова Оксана Константиновна, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Самарский государственный социально-педагогический университет Самара. Россия

Ратушняк Валерий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный деятель науки Кубани, действительный член Академии социальных наук, член-корреспондент Международной Академии высшей школы, кафедра истории России, Кубанский государственный университет, член диссертационного совета по историческим наукам при Кубанском государственном университете Краснодар. Россия

Спалбер Диана, доктор философии (методология исследований в психологии и педагогике), научный советник, кафедра ЮНЕСКО, университет Генуи, преподаватель, Link Campus University в Риме Генуя. Италия

Токтосунова Адаш Искандеровна, доктор политических наук, профессор, Восточный университет им. Махмуда Кашгари, консультант-эксперт, Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ от Кыргызской Республики Бишкек. Кыргызстан

Цыганков Андрей Павлович, доктор философских наук, профессор международных отношений и политических наук. Университет Сан-Франциско Сан-Франциско. США

Yoshiro Ikeda, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Occidental History, Graduate School of Humanities and Sociology, University of Tokyo Tokyo. Japan

Valeriy V. Kasyanov, Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Russian History, Kuban State University Krasnodar. Russia

Sergey A. Kislitsin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of Department of Political Science and Ethnic Policy, South-Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Rostov-on-Don. Russia

Victor L. Larin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences Vladivostok, Russia

Oksana K. Pozdnyakova, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Samara State Social Pedagogical University Samara. Russia

Valery N. Ratushnyak, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honoured Science Worker of the Kuban, Honored Science Worker of the Russian Federation, Member of the Academy of Social Sciences, Member-Correspondent of the International Academy of Higher School, Department of Russian History, Kuban State University, Member of Dissertation Council for Historical Sciences of Kuban State University Krasnodar. Russia

Diana Spulber, Doctor of Philosophy (Methodology of Research in Psychology and Pedagogy), Scientific Advisor, Unesco Department, University of Genoa, Lecturer, Link Campus University Rome Genoa. Italy

Adash I. Toktosunova, Doctor of Political Sciences, Professor, Mahmud Kashgari Eastern University, Expert-Consultant, Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of CIS Member States from the Kyrgyz Republic Bishkek. Kyrgyzstan

Andrei P. Tsygankov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of International Relations and Political Science, San Francisco State University San Francisco. USA

Хон Ун Хо, кандидат исторических наук, профессор истории, Центр восточных исследований, факультет международных отношений, Государственный университет Донгук
Сеул. Республика Корея

Hong Vung Ho, Candidat of Historical Sciences, Professor of History, Center for Oriental Studies, Faculty of International Relations, Donguk State University
Seoul. Republic of Korea

Чекалева Надежда Викторовна, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, директор Института инновационного и инклюзивного образования Омского государственного педагогического университета, заведующая кафедрой педагогики, председатель диссертационного совета при Омском государственном педагогическом университете
Омск. Россия

Nadezhda V. Chekaleva, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Institute of Innovative and Inclusive Education of the Omsk State Pedagogical University, Head of the Department of Pedagogy, Chairman of the Dissertation Council at the Omsk State Pedagogical University
Omsk. Russia

Чепель Татьяна Леонидовна, действительный член Академии прогнозирования, российское отделение Международной академии исследования будущего, кандидат психологических наук, профессор, кафедра психологии и педагогики, Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск. Россия

Tatyana L. Chepel, Member of Academy of Forecasting, Russian Branch of International Academy of Researches of Future, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk. Russia

Шанин Теодор, доктор философии, профессор социологии, Манчестерский университет (г. Манчестер, Великобритания), президент, Московская высшая школа социальных и экономических наук (г. Москва, Россия), почётный член Российской академии сельскохозяйственных наук
Манчестер. Великобритания

Teodor Shanin, Doctor of Philosophy, Professor of Sociology, University of Manchester (Manchester, UK), President, Moscow School of Social and Economic Sciences (Moscow, Russia), Honorary Member of Russian Academy of Agricultural Sciences
Manchester. UK

Штурба Евгений Викторович, доктор исторических наук, профессор, кафедра педагогики и психологии, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Evgeny V. Sturba, Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Юн Сан Вон, доктор исторических наук, профессор истории Кореи, Государственный университет Чонджу, директор Исследовательского центра Корё сарам Чонджу, Республика Корея

Yoon Sang Won, Doctor of Historical Sciences, Professor of Korean History, Jeonju State University, Director of the Koryo Saram Research Center
Chonju, Republic of Korea

Редакционная коллегия**Главный редактор**

Штурба Виктор Александрович, член-корреспондент Российской академии естественных наук, член Ассоциации научных редакторов и издателей, Отличник Народного Просвещения РСФСР, Отличник Образования Высшей Школы, доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет Краснодар. Россия

Халилов Тимур Александрович, заместитель главного редактора - научный редактор журнала "Историческая и социально-образовательная мысль", кандидат политических наук, доцент, Кубанский государственный университет Краснодар. Россия

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии, факультет социологии, Ереванский государственный университет Ереван. Армения

Быкасова Лариса Владимировна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры общей педагогики, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Таганрог. Россия

Вашук Ангелина Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом социально-политических исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук Владивосток. Россия

Верещагина Анна Владимировна, доктор социологических наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет Ростов-на-Дону. Россия

Козодой Виктор Иванович, доктор исторических наук, профессор, временно исполняющий обязанности директора Института истории Сибирского отделения РАН Новосибирск. Россия

Нефедов Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии, Уральское отделение Российской академии наук Екатеринбург. Россия

Патюкова Регина Валерьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью КубГУ, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук Краснодар. Россия

Песцов Сергей Константинович, доктор политических наук, доцент, заведующий отделом международных отношений и региональной безопасности, Центр азиатско-тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук Владивосток. Россия

Факторович Александр Львович, доктор филологических наук, профессор, кафедра истории и правового регулирования массовых коммуникаций, Кубанский государственный университет Краснодар. Россия

Editorial board**Editor-in-Chief**

Viktor A. Sturba, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Member of Association of Science Editors and Publishers, Excellent Specialist of Public Education of RSFSR, Excellent Specialist of Graduate School Education, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kuban State University Krasnodar. Russia

Timur A. Khalilov, Deputy Editor-in-Chief - Scientific Editor of the Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea", Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Kuban State University Krasnodar. Russia

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Applied Sociology Department, Faculty of Sociology, Yerevan State University Yerevan. Armenia

Larisa V. Bykasova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of General Pedagogic Department, Rostov State Economic University (RINE), Chekhov Taganrog Institute (branch) Taganrog. Russia

Angelina S. Vashchuk, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Social and Political Studies Department, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences Vladivostok. Russia

Anna V. Vereshchagina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University Rostov-on-Don. Russia

Viktor I. Kozodoi, Doctor of Historical Sciences, Professor, Acting Director of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Novosibirsk. Russia

Sergei A. Nefedov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences Yekaterinburg. Russia

Regina V. Patyukova, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University, Corresponding Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences Krasnodar. Russia

Sergey K. Pestsov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of International Relations and Regional Security Department, Center for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences Vladivostok. Russia

Alexander L. Faktorovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of History and Legal Regulation of Mass Communications, Kuban State University Krasnodar. Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ	HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY
Бугай Н. Ф. г. Москва, Россия Международный исследовательский центр по изучению корё-сарам - это уже реальность... г. Чонджу, Республика Корея	N.F. Bugai Moscow, Russia The international research center for the study of koryo-saram is already a reality... Chonju, Republic of Korea
Гарбузарова Е. Г. г. Бишкек, Киргизская Республика «Мягкая сила» как инструмент блокирования фальсификации российской истории за рубежом	E.G. Garbuzarova Bishkek, Kyrgyz Republic “Soft power” as a tool to block falsification of Russian history abroad
Кушнерёв В.В. г. Краснодар, Россия Вклад краснодарских оборонцев в подготовку авиационных кадров перед войной	V.V. Kushneryov Krasnodar, Russia Contribution of the Krasnodar oboronets to preparation aviation shots before war
T. Rocchi Toronto, Canada Terrorism in the Russian empire: lessons of history for today's war on terrorism. Part I: posing the questions for studying terrorism in Russia	Рокки Т. г. Торонто, Канада Терроризм в Российской империи: уроки истории для сегодняшней войны против терроризма. Часть I: постановка вопросов к изучению терроризма в России
Хромова Е. Б. г. Пермь, Россия Из истории становления исторической антропологии в России: вклад истории ментальностей.	Khromova E.B. Perm, Russia From background of historical anthropology formation in Russia: contribution of history of mentalities.
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ <i>Исторический, социологический и психологический аспекты</i>	SOCIOLOGICAL AND HUMANITIES SCIENCES <i>Historical, Sociological and Psychologica Aspects</i>
Борок И.Г. г. Санкт-Петербург, Россия Телесно-физическая культура как ресурс социализации, самореализации и реабилитации личности на примере КШВСМ, Санкт-Петербург	I.G. Borok St. Petersburg, Russia The bodily-physical culture as a resource of the socialization, self-realization and rehabilitation of the individuals based on the example of the (KSHWSM)
Великий П.П. г. Саратов, Россия Репродукционные круги в жизненном пространстве села	P.P. Velikiy Saratov, Russia Reproduction circles in the village living space
Жабчик С. В. г. Краснодар, Россия Интеллигенция и власть в России: некоторые аспекты	S.V. Zhabchik Krasnodar, Russia Intellectuals and Power in Russia: some aspects
Кодола В. Г. Московская область, Россия Трансцендентального материализма предмет живого	V. G. Kodola Moscow Region, Russia Transcendental materialism of the subject of live
Кузьмина В.М. г. Курск, Россия Российская и китайская общественная дипломатия как инструмент реализации государственных интересов	V.M. Kuzmina Kursk, Russia Russian and Chinese public diplomacy as an instrument of realization of national interests

Хаджиев С. М. г. Грозный, Россия Нюдюрмагомедов А. Н г. Махачкала, Россия Динамика развития поликультурного воспитания в Северокавказском регионе	111	S.M. Khadzhiev Grozny, Russia A.N. Nyudyurmagomedov Makhachkala, Russia Dynamics of the development of multicultural education in the north Caucasus region
Чеберда М. А. г. Москва, Россия Международный опыт в разрешении конфликтных ситуаций в трудовой деятельности	119	M.A. Cheberda Lomonosov Moscow State University Moscow, Russia International experience in resolving conflict situations in labor activity
Щедрин В. А. г. Москва, Россия Россия и ЕС: построение системы европейской безопасности в 2000-е гг.	125	V.A. Shchedrin Moscow, Russia Russia and the EU: building a european security system in the 2000s.
Юрченко И.В. г. Краснодар, Россия Донцова М.В. г. Ростов-на-Дону, Россия Юрченко Н.Н. г. Краснодар, Россия Субрегиональные модели конфликтного процесса: методология исследования	131	I.V. Yurchenko Krasnodar, Russia M.V. Dontsova Rostov-on-Don, Russia N.N. Yurchenko Krasnodar, Russia Subregional models of the conflict process: research methodology
ИНФОРМАЦИЯ	142	INFORMATION

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» приглашает всех желающих опубликовать свои научные статьи в специальном разделе **«Фальсификация истории как угроза национальной безопасности России»**.

Набор статей для раздела осуществляется в течение всего 2018 года.

По всем вопросам можно обращаться по электронному адресу: akademus07@rambler.ru.

Приглашаются аспиранты, соискатели, преподаватели вузов, научная общественность. Редакция будет благодарен Вам за распространение данной информации среди заинтересованных персон.

Статьи в разделе **«Фальсификация истории как угроза национальной безопасности России»** будут публиковаться на безвозмездной основе. Авторы статей должны будут оплатить только стоимость журнала (300 руб.), почтовые расходы (200 руб. – по России или 750 руб. – страны СНГ и ближнего зарубежья) и заплатить за присвоение DOI (1000 руб.)

С уважением,
главный редактор журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»,
доктор исторических наук, профессор
В.А. Штурба

DEAR COLLEAGUES!

The editorial board of Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea" invites everyone to participate in the special section **"Falsification of History as a Threat to Russia's National Security"**.

A set of articles is carried out during 2018.

All questions possible to address to: akademus07@rambler.ru.

Postgraduate students, candidates of sciences, university professors, representatives of scientific community are invited. The editorial board will be grateful if you would circulate this information among the scientific community.

The articles in the section **"Falsification of History as a Threat to Russia's National Security"** will be published on a free basis. The authors of the articles will have to pay only the cost of the journal (300 rubles), postal expenses (200 rubles for Russia or 750 rubles for the CIS countries and near abroad) and pay for the DOI assignment (1000 rubles).

Sincerely,
Chief Editor of the Academic Journal
"Historical and Social-Educational Idea",
Doctor of Historical Sciences, Professor
V.A. Shturba

Исторические науки и археология

Historical Sciences and Archaeology

УДК 930.01

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-13-23

БУГАЙ Николай Федорович
Институт российской истории Российской
академии наук
г. Москва, Россия
nikolay401@yandex.ru

Nikolai F. BUGAI
Institute of Russian History of the Russian
Academy of Sciences
Moscow, Russia
nikolay401@yandex.ru

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ КОРЁ-САРАМ - ЭТО УЖЕ
РЕАЛЬНОСТЬ... г. ЧОНЧЖУ¹, РЕСПУБЛИКА
КОРЕЯ**

**THE INTERNATIONAL RESEARCH CENTER FOR
THE STUDY OF KORYO-SARAM IS ALREADY A
REALITY... CHONJU, REPUBLIC OF KOREA**

В предлагаемом читателю обзоре кратко изложены точки зрения ученых России, Узбекистана, Казахстана, Таджикистана, Киргизстана, Австрии, США по вопросу о роли и месте корейцев, подвергшихся деструктивным воздействиям со стороны партийных и советских органов власти еще в 30-е годы прошлого столетия в ходе государственных процессов современных преобразований. Однако и в настоящее время проявляется отзвук тех времен в жизни корейцев России и других государств СНГ. В основе - отношение ученых к понятию идентичности, классификация которой включает уже более 20 видов. Тем не менее научная разработанность этих видов неравнозначна. По нашему мнению, слабо изученной остается как вид территориальная идентичность, которая по своей природе может быть как позитивной, так и негативной. Именно об этом сделали вывод ученые Дальнего Востока А.С. Вашук и Г.Г. Ермак [1; 2]. Множество отрицательных примеров остаются характерными и для северокавказского региона России, и для Крыма. Поэтому непреложен тот вывод, что территориальная идентичность сплачивает и консолидирует народы. И это положение будет занимать все больше разработчиков этого социального явления. Проблема по своей сути актуальная, и не случайно к ней проявляется повышенный интерес. Разумеется, не обходится и без острых научных дискуссий по разным аспектам этнической принадлежности. В центре обсуждения - повышенное внимание идентичности корейской общности России и других государств СНГ. Эта тема стала приоритетной и на состоявшейся Международной научной конференции, заседании круглого стола редакторов корейских СМИ в Университете Чончжу. Она обсуждалась в рамках событий, приуроченных к открытию Международного исследовательского центра по изучению истории Корё-сарам. Церемония, проходившая в Университете Чончжу 28 сентября 2018 г., как раз и завершилась созданием

The review presented to the reader summarizes the points of view of Russian scientists, Uzbekistan, Kazakhstan, Tajikistan, Kyrgyzstan, Austria, the United States on the role and place of Koreans who were subjected to destructive influences by the party and Soviet authorities back in the 30s of the last century in the state processes of modern transformations. However, the echo of those times in the life of the Koreans of Russia and other CIS countries is now also manifest. The basis of the attitude of scientists to the concept of identity, the classification of which already includes more than 20 species. Nevertheless, the scientific development of these types is uneven. In our opinion, the kind of territorial identity remains poorly studied, which by its nature can be both positive and negative. This was the conclusion drawn by the scientists of the Far East A.S. Vashchuk and G.G. Yermak [1; 2]. Many negative examples remain characteristic of the North Caucasus region of Russia and the Crimea. Therefore, the conclusion that territorial identity unites and consolidates peoples is immutable. And this position will occupy an increasing part of the developers of this social phenomenon. The problem is inherently relevant and it is no coincidence that there is a heightened interest in it. Of course, it does not do without sharp scientific discussions on various aspects of ethnicity. The discussion focuses on the identity of the Korean community in Russia and other CIS countries. This topic became a priority at the International Scientific Conference, a meeting of the "round table" of editors of Korean media at Chonju University. It was discussed in the framework of events dedicated to the opening of the International Research Center for the Study of the History of Koryo-Saram. The ceremony, held at Chonju University on September 28, 2018, ended with the creation of a new International Research Center, which was headed by a famous scientist, Doctor of Historical Sciences, Professor

¹ **Чонджэу** (Chonju), Чончжу, город в Южной Корее, в 280 км к югу от Сеула, на р. Мангёнган. 571 тыс. жителей (2003). Основан в 57 г. до н.э., был военным и административным центром (на окрестных холмах возведены замки).

нового Международного исследовательского центра, который возглавил известный ученый, д.и.н., профессор Юн Сан Вон. Формирование нового центра по истории Корё-сарам стало знаковым событием и реальностью.

Yong Sang Won. The formation of a new center on the history of Koryo-Saram became a landmark event and a reality.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, международная составляющая, консолидация, сплочение, национальная политика, виды идентичности

Keywords: identity, identification, international component, consolidation, cohesion, national policy, types of identity

Для цитирования: Бугай Н.Ф. Международный исследовательский центр по изучению корё-сарам - это уже реальность... г. Чонджу*, Республика Корея. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 5 -1 . с.13-23. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-13-23.

For citation: Bugai N.F. The international research center for the study of koryo-saram is already a reality... Chonju, Republic of Korea. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no.5 -1. Pp. 13-23. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-13-23. (in Russ)

28-30 сентября 2018 г. в городе Чонджу (Республика Корея) состоялась Международная научная конференция по теме «Идентичность Корё-сарам», приуроченная к открытию «Международного исследовательского центра Корё-сарам», который будет действовать при Университете Чонджу.

Конференция проходила на базе университета. В ее работе приняли участие ученые из вузов и научных центров России, Республики Корея, Узбекистана, Казахстана, Киргизстана, Таджикистана, Австрии, США. На конференции присутствовало более ста слушателей, среди которых преподаватели вузов Республики Корея, работники административного государственного аппарата управления г. Чонджу, музеев городов Инчхона и Чонджу, Института военной истории Министерства обороны Республики Корея.

Перед участниками конференции выступили главным образом ученые, которые или конкретно занимались разработкой темы, или частично касались ее составных частей.

В целом научная конференция характеризовалась конструктивным подходом и позитивным настроем, поддержанными модератором конференции Университета в Сеуле, к.и.н., профессор Хон Ун Хо. Большую помощь в проведении конференции оказали волонтеры университетского движения. С российской стороны ощутимую организаторскую поддержку оказала к.и.н. Ж.Г. Сон (НИУ ВШЭ).

Многогранной и насыщенной была работа конференции. После заслушанных 15 научных докладов, сообщений по различным проблемам рассматриваемой темы развязалась дискуссия по таким аспектам, как употребление самих понятий, выражающих тему исследования, об институтах гражданского общества в реалиях времени, а также по вопросам, вызвавшим бурный всплеск выступлений участников. В частности, предпринималась попытка дать ответ на вопрос о роли и месте сахалинских корейцев на территории одноименной области, их топонимике, исторических названиях, идентичности, отличной от других контингентов корейцев, населяющих Россию. Не остались без внимания и толкование таких понятий, как «депортация», «принудительное переселение», итоги обсуждения этого вопроса в ходе Международной конференции, приуроченной к 80-летию принудительного переселения (Владивосток), юридическая база переселявшихся сахалинских корейцев в Республику Корея, их социальное положение.

На пленарном заседании выступил д.и.н., профессор Института российской истории РАН Н.Ф. Бугай. Его доклад посвящен теме «Территориальная идентификация Корё-сарам: приоритетные составляющие понятия, исторический смысл», в котором на богатом фактическом материале с привлечением анализа практик, социальных технологий регулирования национальных отношений были раскрыты многие процессы формирования территориальной идентичности, ее органичное единство с другими составляющими классификации этого научного направления, государственной национальной политики, национальной этничности.

На конкретных примерах работы Правительства Москвы была раскрыта практическая деятельность по анализу идентичности в Москве как городе, на территории которого проживают представители 152 этнических общностей.

Автором сделан вывод, который сводится к следующему: проблема территориальной идентичности слабо разработана исторической наукой. Тем не менее констатировалось, что территориальная идентичность позволяет точно раскрыть историческую связь поколений, обращаясь при этом к истории прошлого. В современном мире идентификация с территорией становится инструментом, мобилизующим население, и осознанием важности этого в жизни народов.

Содержательный информационный и познавательный доклад о патриоте Цой Чже Хёне был сделан госпожой Мун Ен Сук (Фонд памяти патриота). Повествование направлено в целом на неразрывную связь Цой Чже Хёна с Корё-сарам, особенно рабочими. Всю свою жизнь патриот посвятил борьбе за улучшение жизненных условий людей, проводил большую работу с рабочими по защите их прав, выступая в качестве адвоката. Где бы ни находился Цой Чже Хён, он помнил о Корее.

Будучи в Китае, построил школу для молодых. Вернувшись в Приморье, он вновь проявляет заботу не только о рабочих, занятых на строительстве железной дороги, но и о молодых людях, в частности о создании сети школ, организации сети образования. С этой целью в Приморье создавалась сеть обучения молодежи из 32 школ. В будущем образованном обществе он видел и успешное будущее страны. Японская оккупация помешала осуществлению задуманных планов. В 1921 г. Цой Чже Хёна не стало. Его дело продолжала супруга и соратники по борьбе.

В центре внимания к.и.н. Ж.Г. Сон (НИУ ВШЭ, Россия) было рассмотрено Постановление Верховного Совета Российской Федерации «О реабилитации российских корейцев», опубликованное 1 апреля 1993 г. за подписью председателя Верховного Совета Р.И. Хасбулатова [6, с. 192-193]. Автор при этом обратился к такому социальному явлению, как *доверие*. Ж.Г. Сон рассматривает его как один из ингредиентов этнической идентификации, характеризующейся комплексом факторов. Автором предпринималась попытка проследить проявление этого фактора в деятельности корейцев, представлявших элиту народа в прошлом.

Этот контингент населения представлен докладчиком в трех временных срезах как в досоветском, так и советском периоде, а также в новых рыночных условиях России. В связи с этим Ж.Г. Сон обращает внимание на тот факт, что в русском истеблишменте, особенно в современный период развития государственности, проявилась и дает о себе знать часть представителей корейской этнической общности.

Несомненно, определенный расклад в плане формирования идентичности был представлен корейским населением, проживавшим в разных субъектах Российской Федерации, в части Среднего и Нижнего Поволжья, южно-российских регионов (к.и.н., доцент Игорь Ким, Волгоградский социально-педагогический ун-т). Что касается названных регионов, то И.К. Ким приходит к выводу, что ментальность старшего поколения является симбиотической на основе советского воспитания и базового конфуцианского мышления. Он также полагает, что в целом симбиоз патриотического мышления как явления советской эпохи с конфуцианским мышлением становится двигателем всей советской и постсоветской позитивной этнической идентичности.

Под разными углами развивалась идентичность и на других этапах обустройства корейцев как на Юге России (Ильгиза Ким), а также в условиях постмиграционной адаптации. Автор стремится выявить особенности, которые были характерными в условиях проходивших миграций корейцев в России. Конечно, каждый из миграционных периодов отличался своей особенностью, требовал определенных адаптационных процессов.

Автор приводит интересные сведения о коллективном авторитете корейцев, проявляя тем самым не только их восприятие, но и доверие к корейцам, в частности в южно-российском регионе.

Особое внимание привлекает проведенный И. Ким анализ положения русского народа, русских, проживавших совместно с российскими корейцами, их взаимодействие,

проявление в связи с этим самой идентификации, этнической и гражданской идентичности как в масштабе своей страны, так и государств СНГ.

К.и.н. Е.Н. Закирова в своем выступлении рассматривала вопрос о месте и роли социобиологических и социометрических методов, преследуя при этом цель - выявление национально-культурной идентичности и наполнение этого понятия применительно к российским корейцам. При этом автор пытался раскрыть эту тему на примере корейцев Сибири и Урала, для чего ею были проведены опросы представителей корейского населения названных регионов. Выводы автора позволяют заявить о продолжении комплексного изучения проблемы.

В этом же ключе проработал изучаемую проблему и д.и.н. В.С. Бойко (Алтайская Республика, г. Барнаул). Его интересы касались корейцев, проживающих в Сибири, особенно в поселениях Горного Алтая. При этом В. Бойко придает особое значение институтам гражданского общества - корейским НКА, которые, по его мнению, «являются мотором инициатив» в плане формирования и изучения менталитета современных корейцев, а также анализа их контактов с исторической родиной, что можно рассматривать в качестве самостоятельного ингредиента национальной идентичности корейского сообщества в России.

Как заявляла к.и.н. Т.Г. Троякова, автор доклада «Корейская диаспора на российском Дальнем Востоке: состояние и перспективы», в центре внимания которой выступала международная составляющая, она «приоритетная в качестве основы для демонстрации разных сторон корейской диаспоры и ее идентификации». Автор полагает, что при всестороннем анализе проблем развития отношений между Россией и государствами Корейского полуострова следует все же опираться на корейское сообщество Дальнего Востока.

В связи с этим важным аспектом в ее исследовании выступает и развитие отношений между государствами-соседями - Республикой Корея и КНДР, а соответственно этому, и вопрос о формировании идентичности корейцев. И автор делает основной упор на базу самоидентификации российских корейцев с учетом «расположения исхода корейцев, развития связей с материнским этносом». Конечно, в данном случае отметим, что все же речь идет не о материнском этносе (сменились десятки поколений в самой Корее), а об исторической родине, территории проживавших предков. Ее научный доклад вызвал интерес со стороны аудитории и определенную постановку дискуссионных вопросов.

В связи с этим автором была представлена и такая форма идентичности, как региональная гражданская идентичность, идентичности с россиянами, проживающими в регионах совместного обитания. Т. Троякова глубоко анализировала международный аспект проблемы с целью раскрыть, тем самым, роль и место корейцев России в этих процессах.

Из российских ученых к сложной научной проблеме обращалась к.и.н. Ю. Дин (Сахалинский областной краеведческий музей). Объектом ее внимания в докладе «Идентичность Корё-сарам на Сахалине и Я» «были потомки насильственно мобилизованных или завербованных рабочих (корейцев. - Н.Б.) периода японского правления на Сахалине».

Ю. Дин, опираясь на архивную базу, делает вывод, что корейцы Сахалина идентифицируют себя как «потомки переселенцев японского периода в южной части Корейского полуострова». Более того, по мнению ученого, именно приведенное название направлено на то, чтобы отделить себя от других субэтнических групп корейского населения. Ю. Дин обосновывает свой вывод демонстрацией отношения корейцев Сахалина к этому сложному вопросу. При этом автор опирается и на свои собственные наблюдения, что позволяет ей выработать отношение к изучаемой теме, сложной по своему содержанию и направленности.

Тема Ю. Дин явилась основой для дискуссии между учеными и практиками сферы политики межэтнических отношений и непосредственно жителями республики Корея (г. Ансан, где проживает большая группа русскоговорящих корейцев). Центр корейской культуры в г. Ансане помогает также в решении многих спорных вопросов жилищной проблемы, налоговой политики, обустройства, воспитании детей.

На перспективу определена и цель по формированию на территории Республики Корея движения русскоговорящих корейцев. Отмечалась необходимость изучения бога-

того в этом плане накопленного Израилем и Германией опыта, где также образованы подобные формы движения русскоговорящих российских евреев и немцев.

Из ученых других стран СНГ выступал с докладом «Судьба Корё-сарам в культурном многообразии в Казахстане» д.и.н. Д.В. Мен. В основе сообщения автор предпринял попытку выяснить роль и место корейцев стран СНГ в глобализационных процессах, в формировании экономического сектора в государствах проживания, в ходе процесса адаптации корейцев из государств СНГ в Республике Корея, взаимодействия с другими этническими общностями. По мнению автора, и экономика, и культура органичны. Их сбалансированному развитию придается особое значение, они содействуют и идентификации членов сообщества.

Расширенное научное представление идентичности корейцев в философском плане рассмотрел в своем выступлении по теме «Дивергенция идентичности (на примере корейцев Узбекистана)» к.ф.н. В.С. Хан (Узбекистан). Последовательное изучение этой темы позволило автору рассматривать вопрос с разных точек зрения.

На убедительных примерах он показал значение причин, направленность самого исхода корейцев. У В.С. Хана возникают обоснованные им опасения в том, что корейцы в условиях современного разделения и проживания в разных государствах могут создать ситуацию, в которой произойдет процесс трансформации в новое субэтническое образование, то есть может быть сконструирована и новая идентичность. В этой ситуации автор опирается на имеющуюся реальность, что позволяет ему сделать подобный прогноз.

Что касается Корё-сарам, то, по мнению В. Хана, «несмотря на все различия, Корё-сарам, все-таки, представляет единую... общность - один язык (русский), традициями, сформированными в Союзе ССР общим советским прошлым для стран СНГ» [5, с. 100].

По-разному подошли к рассмотрению темы идентичности Стелла Пак (КГУ, Киргизия, г. Фрунзе) и В. Ким (Институт изучения проблем стран Азии и Европы). При этом С. Пак раскрывает тему посредством исторического портрета представителя Кыргызстана, прибегая при этом к просопографическому методу исследования. Это позволило ей как выяснить картину условий, происходящего, формирования идентичности, ее эволюции на примере юноши, проживавшего как в семье, так и вне ее, в частности в детском доме, в армии. Предложенная новация, несомненно, воспринимается свежо.

В.М. Ким решает проблему путем исследования эволюции корё-сарам на советском пространстве с теми трансформациями, которые пришлось пережить корейскому сообществу и в 1937 г., и в последующее время. В связи с этим автором создан и этнический портрет корейцев Таджикистана, перечислены все те меры, которые помогли сформировать идентичность самой этнической общности и ее составляющих, раскрыть условия для прохождения названных этапов. Долг ученых, по мнению автора, сохранить самобытную культуру, традиции, все необходимое для формирования идентичности Корё-сарам.

Светлана Ким (Университет, г. Вена, Австрия) обратилась в своем выступлении к слабо представленному в историографии стран СНГ вопросу об идентичности Корё-сарам в Европе. Что касается Европы, то известен историографический анализ проблемы, проведенный учеными Турции, Германии (один из авторов кореец), но они не касались идентичности [3]. К этой стороне в 1970-е годы обращался ученый из США Эриксон. Он базировался в своих выводах главным образом на примерах формирования идентичности у молодого, а также старшего поколений. Затем вопрос получил развитие в трудах таких социологов, как Аллардт, Хаарман и др.

С. Ким, опираясь на итоги проведенных социологических исследований (Германия, Дания, Австрия, Республика Корея), приходит к собственным выводам и открывает для себя другой мир: восприятие корейцев в Европе, оценка их осознания себя этническим меньшинством.

По мнению С. Ким, в формировании идентичности корейцев в Европе основная роль принадлежит языку в процессе интеграции. Он формируется, как заключает С. Ким, прежде всего, «принадлежностью к определенной группе через коммуникативную связь между ее членами» [5, с. 123]. Важную роль приобретают и межэтнические контакты. В

ходе изучения проблемы С. Ким приходит к выводу, что, «несмотря на активную и позитивную интеграцию, корейцы не следуют по пути полной ассимиляции в принимающей стране».

В ходе дискуссии по изучаемой теме выступили ученые к.и.н. Сим Хонг Ён (Институт военной истории), д.и.н. Им Ён Сан (Институт иностранных языков РК). Они обращались к проблеме иностранных рабочих (гастарбайтеры) и к такой категории рабочих, как соотечественники. Сим Хонг Ён поставил перед аудиторией вопрос: иностранные рабочие, кто они? И проанализировал это понятие. По его мнению, в данном случае отношение к ним в государстве, куда они прибыли, должно регулироваться нормативно-правовыми актами в трудовой сфере. Одновременно необходим и учет государственных интересов, рациональность применения этой рабочей силы. Если потребность в ней существует, то и государство должно проявлять заботу об условиях их пребывания.

Подобная позиция получила поддержку и со стороны д.и.н. Им Ен Сана, который выступил как сторонник усиления внимания к своим соотечественникам. Он также выразил несогласие с заниженными количественными характеристиками по пребыванию соотечественников в РК. Данные о 17 тыс. соотечественников не соответствуют действительности. В настоящее время, по его сведениям, на территории РК трудятся 50 тыс. русскоговорящих корейцев. Им был сделан вывод и о полезности изучения этой проблемы.

Свое отношение к проблеме излагалось также и практиками сферы политики межэтнических отношений применительно к корейцам Приморья, Сахалина В.Н. Ким (исполнительный директор ООК, Россия), редакторы интернет-сайтов Д. Шин («Ариран», Россия), Валерия Ким и др. Их призыв сводился к содействию формированию и консолидации единства корейской общности, информационного пространства. Вл.С. Хан (интернет-портал «Корё-сарам», Узбекистан) изложил приоритетные направления проживания корейцев в странах СНГ. Участниками четко излагалась собственная позиция по этим аспектам темы.

Детализировались отдельные аспекты и в ходе работы круглого стола представителей корейских СМИ государств СНГ [4]. Руководители издаваемых газет представляли свое видение проблемы идентичности, ее возможности трансляции в широкую аудиторию. Кроме организационных вопросов работы, сотрудники редакций проявили живой интерес и к разработке проблем идентичности. Об этом говорили в выступлениях редакторы газет «Российские корейцы» В.С. Чен (Россия), В. Ким (Уссурийск), В. Бя (Южный Сахалин), Ким Брут (Узбекистан), Лариса Ли (Киргизстан), Е. Ким (НКА Приморского края).

Ярко выступила Э. Бажора («Российские корейцы», г. Москва). Она призвала коллективы национальных газет расширить границы информации на газетных полосах о жизни других общественных объединений на территории стран, не замыкаться в одном поле проблемы, проявлять интерес к жизни других народов, не забывая о главной стратегической задаче - формировании самосознания и национального сознания населения государств.

* * *

Важным событием в ходе конференции явилась церемония открытия в Университете Чончжу «Международного исследовательского центра по изучению Корё-сарам». На импровизированной площадке во дворе университета собрались многочисленные группы ученых, участники Международной научной конференции, студенты, ученые из других научных центров Республики Корея, ведущие исследования обозначенной конференцией темы.

Перед собравшимися с клятвенной речью выступил ректор Университета господин Ли Нам Хо [Lee Nam Ho], затем будущий директор Центра, известный ученый, д.и.н., профессор Юн Сан Вон, специалисты по истории России, а также многие коллеги по вузам, представители ректората.

Будущий директор Центра Юн Сан Вон также зачитал клятву на верность служения науке. Церемония проходила по строго установленным традициям проведения подобных

мероприятий. Это действительно было знаковое событие, когда проблема истории корейцев приобретает особое значение в международном масштабе. После клятвы состоялись денежные подношения в качестве первоначального капитала для деятельности Центра. Прозвучали приветствия от Департамента истории Администрации провинции Чонджу, руководителя делегации Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Казахстана, России.

* * *

Самостоятельной частью мероприятий явилось посещение Центра корейской культуры в Ансане. Он был создан инициативной группой сахалинских корейцев уже в условиях проживания на территории Республики Корея (г. Ансан) накануне 150-летия добровольного переселения корейцев в Россию (2014). Был не только открыт Центр, но и организована в нем вечерняя переходящая школа. Организаторы и возглавили общественную организацию, призванную сохранять самобытную корейскую культуру и традиции. Было положено начало массово-политической работе среди корейского населения, переселенцев с о. Сахалин.

В современных условиях под влиянием Центра, по приблизительным данным, уже значится около 80 тыс. корейцев (в Ансане - 15 тыс. корейцев), прибывших как из России, так и других государств СНГ. Вокруг Центра функционирует также волонтерское движение, набирающее силу. Между корейскими общинами, сформированными из сахалинских корейцев в других городах Республики Корея (Инчхон и др.), поддерживаются тесные контакты. Как информировали Александр Но, Игорь Лим, другие активисты Центра, движения русскоговорящих корейцев, на базе Центра проводится работа с детьми школьного возраста и молодежью, организованы секции по интересам.

* * *

Увлекательной была и культурная программа для участников конференции. Она проходила в корейской деревне в окрестностях Чонджу с ночевкой в доме янбана (дворянина), простоявшем 130 лет. После церемонии приема хозяевами гостей (одновременно и обучения этому ремеслу) состоялось угощение водкой, грецкими орехами, строганиной. Затем гости в одеждах корейских янбанов обучались стрельбе их лука, а после были устроены соревнования в стрельбе между командами: с одной стороны - «хозяева», а с другой - гости. Победила дружба.

Надо полагать, что созданный Международный исследовательский центр по изучению Корё-сарам - это прочная основа для изучения жизни корейцев, проживающих в разных странах. Это основа и для консолидации ученых, научной молодежи вокруг центра, более тесных контактов между учеными разных стран. Все эти усилия направлены и на решение задачи по воссоединению государств Корейского полуострова, превращения его в зону мира и благополучия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ващук А.С. Дальневосточная политика постсоветской России в конце XX - начале XXI в.: концепции, экспертные мнения и точки зрения публицистов. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 3-1 . с.30-45.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-30-45.
Available at: <https://www.hist-edu.ru/hist/article/view/3041/2889>
2. Ващук А.С., Ермак Г.Г. Принимающее сообщество и трудовые мигранты на российском Дальнем Востоке: междисциплинарный анализ исторической ситуации начала XXI в. // Региональные проблемы. Биробиджан, ИКАРП ДВО РАН, 2016. Т. 19. № 4. С. 117-124.
3. Динер А. Казахстанские корейцы и немцы: компаративистское исследование «принадлежности» // Известия корееведения в Центральной Азии. - Алматы, 2007. - Вып. 5 (123).
4. Круглый стол редакторов корейских газет и интернет-порталов стран СНГ. - Чонджу, 2018.

5. Международная научная конференция «Идентичность Корё-сарам». - Чончжу, 2018. - С. 100.
6. Реабилитация народов России. Сб. документов. - М., 2000. - С. 192-193.

REFERENCES

1. Vashchuk A. S. Far Eastern policy of the post-soviet Russia in the end of the XX century and the beginning of the 21st century: concepts, expert opinions and publicists' viewpoints. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. no.3-1. Pp. 30-45.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-30-45. (in Russ) Available at: <https://www.hist-edu.ru/hist/article/view/3041/2889>
2. Vashchuk A.S., Ermak G.G. Host society and labor migrants in the Russian Far East: an interdisciplinary analysis of the historical situation of the beginning of the 21st century. // *Regional problems*. Birobidzhan. 2016. Vol. 19, Vol. 4. Pp. 117-124.
3. Diener A. Kazakhstan's Koreans and Germans: A Comparative Study of "Affiliation" // *News of Korean Studies in Central Asia*. Almaty, 2007. Vol. 5 (123).
4. Round table of editors of Korean newspapers and Internet portals of the CIS countries. Jeonju, 2018.
5. International Scientific Conference "Identity of Koryo Saram". Jeonju, 2018. P. 100.
6. Rehabilitation of the peoples of Russia. Sat documents. M., 2000. Pp. 192-193.

ФОТОДНЕВНИК УЧАСТНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ. РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ. ЧОНЧЖУ. 27-30 СЕНТЯБРЯ 2018 г.

Группа ученых из Москвы прибыла на Корейский полуостров. Аэропорт Инчхон. Далее предстоит преодолеть путь до г. Чончжу

Наше «жилье» на 9 часов полета по маршруту Внуково - Инчхон. Расстояние - около 38 тыс. миль. Высота полета - около 12 тыс. м.
Особая благодарность компании «Кореан Эйр»

Суэта в аэропорту Инчхон. Подготовка к отправлению автобусом до г. Чончжу

Участники Международной конференции (г. Чончжу). Сентябрь 2018 г.
Д.и.н. Д.В. Мен (Казахстан),
В.С. Чен (редактор газеты «Российские корейцы», Москва), В.Н. Ким (Исполнительный директор Общественного объединения корейцев Российской Федерации, Москва)

Ожидание самолетов из республик Средней Азии и Австрии. Встреча в аэропорту Инчхон с профессором университета в Сеуле, к.и.н. профессор Хон Ун Хо (первый слева)

29 сентября 2018 г. Университет г. Чончжу. Пленарное заседание. Выступление на Международной конференции «Идентичность Корё-сарам» д.и.н., гл.н.с., профессора Института российской истории РАН Н.Ф. Бугая

Модератор Международной конференции «Идентичность Корё-сарам» к.и.н., профессор Хон Ун Хо. Руководитель интернет-портала «Корё-сарам» (Узбекистан) Вадислав Хан (в центре), руководитель интернет-портала «Корё-сарам» Дмитрий Шин (слева)

29 сентября 2018 г. Чончжу, РК. Участники Международной конференции к.и.н. Светлана Ким (Университет, г. Вена, Австрия), к.и.н. Игорь Ким, к.и.н. Ильгиза Ким (Волгоград. университет). Все выступали с научными докладами

Университет Чонбок (г. Чончжу). Церемония открытия Международного исследовательского центра по изучению Корё-сарам с участием ректора университета, господина Ли Нам Хо (5-й слева)

Известный ученый, д.и.н., профессор Юн Сан Вон утвержден директором Международного исследовательского центра по изучению Корё-сарам 29 сентября 2018 г. на церемонии создания в Университете Чончжу

Культурная программа конференции. Выезд в корейскую деревню с ночевкой. Прием гостей. Угощения. Обучение церемонии. В заключение уроки по стрельбе из лука

Участники конференции ощутили себя корейскими дворянами. Янбаны на протяжении столетий были образованной правящей элитой страны. В конце позапрошлого века все сословные привилегии в Корее были упразднены. Однако янбаны стараются жить так, как жили их предки, и даже зарабатывают на этом деньги... Янбаны не кичатся своим дворянским происхождением - они им с тихим достоинством гордятся. Как гордятся янбанами и большинство корейцев, для которых они - живое культурное наследие страны

Информация об авторе:

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук, действительный государственный советник Российской Федерации III класса,
г. Москва, Россия
nikolay401@yandex.ru

Получена: 30.09.2018

Information about the author:

Nikolai F. Bugai, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Scientific Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, State Class III Counselor of the Russian Federation, Moscow, Russia
nikolay401@yandex.ru

Received: 30.09.2018

УДК 94; 327

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-24-30

ГАРБУЗАРОВА Елена Геннадьевна
Кыргызско-Российский Славянский
университет
г. Бишкек, Киргизская Республика
play_elenag@mail.ru

Elena G. GARBUZAROVA
Kyrgyz-Russian Slavic University
Bishkek, Kyrgyz Republic
play_elenag@mail.ru

**«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ИНСТРУМЕНТ
БЛОКИРОВАНИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИИ
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ЗА РУБЕЖОМ**

**“SOFT POWER” AS A TOOL TO BLOCK
FALSIFICATION OF RUSSIAN HISTORY ABROAD**

В статье рассматриваются факторы, под воздействием которых искажается история России, и определяются инструменты противодействия искажениям исторических событий. Развитие информационно-коммуникационных технологий способствовало появлению новых инструментов геополитической борьбы. Фальсификация истории выступает одним из таких инструментов, конечная цель которой - изменить историческое сознание российской молодежи, подорвать основы национальной государственности. Автор анализирует вопросы, связанные с фальсификацией истории России и оценкой ее победы во Второй мировой войне. Показывает, как намеренно уменьшается значение важных исторических событий, таких, например, как Сталинградская битва. Искажение итогов Второй мировой войны наносит колоссальный удар по «историческому капиталу» России и ее международному авторитету. Эффективным инструментом, способным торпедировать исторические фальсификации, являются механизмы «мягкой силы». «Мягкая сила» предполагает использование комплекса мер, направленных на создание позитивного образа России за рубежом, на распространение тех ценностей, которые укоренились в самой России и составляют основу ее международного статуса. Сегодня в формировании позитивного имиджа России участвуют такие общественные институты, как Россотрудничество, телеканал Russia Today, Фонд Горчакова и т.д. Однако до сих пор еще не создан единый центр координации их деятельности. В 2009 г. на государственном уровне было принято решение создать Комиссию по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, однако по ряду причин деятельность Комиссии была приостановлена. В статье сделан вывод о том, что большое внимание в продвижении имиджа России необходимо уделять работе с неправительственными организациями, представителями академических кругов и бизнес-сообществ, которые умеют создавать благоприятные условия для сотрудничества и адаптировать государственные обращения к общественности. Большим успехом в деле реализации «мягкой силы» России за рубежом было бы ис-

The article considers the factors under the influence of which the history of Russia is distorted and the tools to counter the falsification of historical events are marked. The development of information and communication technologies has contributed to the emergence of new tools of geopolitical struggle. Falsification of history is one of these tools, the ultimate goal of which is to change the historical consciousness of the Russian youth, to undermine the foundations of national statehood. The author analyzes the issues related to the falsification of the history of Russia and the assessment of its victory in the Second World War. The author shows how deliberately the importance of historical events such as the battle of Stalingrad is underestimated. The falsification of the results of the Second World War causes a huge impact to the "historical fund" of Russia and its international authority. "Soft power" is an effective tool capable of torpedoing historical falsifications. "Soft power" involves the use of a set of measures aimed at creating a positive image of Russia abroad, at spreading the values that are rooted in Russia itself and form the basis of its international status. Today such public institutions as Rossotrudnichestvo, Russia Today TV channel, Gorchakov Fund, etc. participate in the formation of a positive image of Russia. However a single center for coordination of their activities has not yet been created. In 2009 at the state level it was decided to create a Commission to counter attempts to falsify history to the detriment of Russia's interests, but for a number of reasons, the Commission's activity was stopped. The article concludes that much attention in promoting the image of Russia should be paid to work with non-governmental organizations, representatives of academia and business communities who are able to create favorable conditions for cooperation and adapt public appeals. A great success in the implementation of Russia's "soft power" abroad would be the use of foreign languages to provide a deep understanding of Russian history to a foreign audience.

пользование иностранных языков для обеспечения глубокого понимания иностранной аудиторией российской истории.

Ключевые слова: фальсификация истории, Россия, СССР, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, Сталинградская битва, постсоветское пространство, «мягкая сила», общественная дипломатия

Для цитирования: Гарбузарова Е.Г. «Мягкая сила» как инструмент блокирования фальсификации российской истории за рубежом. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 5 -1. с.24-30.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-24-30.

Keywords: falsification of history, Russia, USSR, World War II, Great Patriotic war, Stalingrad battle, post-Soviet space, “soft power”, public diplomacy

For citation: Garbuzarova E.G. “Soft power” as a tool to block falsification of Russian history abroad. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no.5 -1. Pp. 24-30.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-24-30. (in Russ)

В последнее время в борьбе за геополитическое влияние мировые державы все больше используют такой инструмент, как фальсификация истории. Речь идет о сознательном искажении исторических фактов, которые не только подрывают авторитет того государства, чья история переписывается, но и угрожают его исторической памяти и национальной безопасности. В эпоху развития информационных технологий фальсификация истории стала оружием информационной борьбы между государствами. В современном постмодернистском мире человеку сложно сориентироваться в потоке размытой и неопределенной информации. Кроме того, сам человек в условиях постмодерна разочаровался в идеалах и ценностях, в нем все больше и отчетливее видно стремление к нигилизму. В таких условиях большое значение должно уделяться воспитанию подрастающего поколения, изучению фундаментальных исторических истин.

При широком рассмотрении понятия «история» можно определить, что это не только совокупность событий, происходивших в определенное время и в особом пространстве, но и система ценностей и идеалов, без которых невозможно себе представить идеологию современного государства. Идеология, в основе которой лежит историческая самоидентификация, определяет траекторию развития государства и открывает ему путь в будущее. Сила государства основывается как на его военно-политической мощи, экономических и технологических достижениях, так и на его ценностях и идеологии. В основе российских ценностей лежит уважительное отношение к историческим событиям и почитание выдающихся личностей, отдавших свою жизнь за Родину. Память об исторических событиях составляет духовно-нравственную основу патриотизма. В свою очередь, патриотизм является базой для общенациональной идеологии.

Сегодня политическим спекуляциям подвергается такое историческое событие, как Вторая мировая война, ее итоги, сравниваются политические режимы Гитлера и Сталина, ведутся разговоры об «оккупации» СССР стран Балтии и т.д. Однако в центре всех этих дискуссий стоит вопрос о роли СССР во Второй мировой войне, которую геополитические противники современной России стараются приуменьшить. Министр иностранных дел России С.В. Лавров отмечает: «Сегодня мы сталкиваемся с неприкрытым стремлением фальсифицировать историю войны, уравнивать жертв и палачей. Все это не только оскорбляет наши народы (России и Китая. - *Авт.*), но и расшатывает основы закрепленного в Уставе ООН современного миропорядка» [1]. Кроме того, после распада СССР на постсоветском пространстве идет процесс нациестроительства, при создании которого используют историческое обоснование. Российский ученый С.В. Перевезенцев выделяет несколько методов осмысления исторической действительности: «интерпретация», «мифологизация», «фальсификация» [2, с. 66-67].

Великая Отечественная война занимает особое место в истории современной России, в сознании ее граждан, потому что победа советского народа в этой войне предоставила возможность нынешнему поколению жить свободно, а не под властью фашистского агрессора. Нет сомнения в том, что именно Советский Союз вынес на своих плечах всю

тяжесть Второй мировой войны. Борьба СССР с фашистской Германией основывалась на проявлении высшей доблести, высоких моральных качеств советского народа.

США и ряд европейских государств стремятся по-новому осветить Вторую мировую войну, не только ставя под сомнение героизм Советской армии, переписывая итоги войны, но и приуменьшая значение великих сражений. Так, например, битву за Сталинград считают «...завершающим из трех великих сражений, переломивших ход Второй мировой войны» [3]. Речь идет не только о Сталинградской битве, но и о сражениях при Эль-Аламейн и у атолла Мидуэй. У. Черчилль утверждал, что вторжение союзников в Северную Африку и сражение у Эль-Аламейн в октябре-ноябре 1942 г. было столь же важным, как битва за Сталинград [4]. Впоследствии, однако, У. Черчилль все же признавал несоизмеримый вклад советских солдат в войну. В контексте англо-американских операций в Северной Африке и действий советских солдат на европейском фронте он писал в 1943 г.: «Я думаю, это ужасно, когда в апреле, мае и июне ни один американский и ни один английский солдат не убьет ни одного германского или итальянского солдата, в то время как русские преследуют по пятам отступающие 185 дивизий противника» [5, с. 409]. На сегодняшний день достоверно известно, что победа Красной Армии под Сталинградом в корне изменила ход войны. Быстрый рост авторитета СССР на международной арене и укрепление его военно-стратегических позиций настораживало влиятельные круги США и Великобритании. Последние, в свою очередь, испытывая недоверие и неприязнь к СССР, изобретали и распространяли мифы о якобы имеющихся у советского руководства планах завоевания Европы. Раскручивание подобных мифов было на руку США и Великобритании, которые, используя этот «моральный предлог», отсрочивали вопрос об открытии второго фронта и оказании материальной помощи СССР. Американский дипломат и ближайший соратник американского президента Ф.Д. Рузвельта Г. Гопкинс отмечал, что «победа советского оружия, тот решающий и уже общепризнанный вклад, который внес советский народ в разгром главных сил врага, менял всю расстановку сил в рамках антигитлеровской коалиции» [5, с. 410]. Ведущую роль СССР во Второй мировой войне признавал в 1943 г. и Ф.Д. Рузвельт. В своем послании к американскому народу президент отмечал «великую ударную мощь русских армий. Под руководством маршала И. Сталина русский народ показал такой пример любви к родине, твердости духа и самопожертвования, какого еще не знал мир» [6, с. 364]. Но, несмотря на все имеющиеся в настоящее время исторические документы о решающей роли СССР во Второй мировой войне, 45-й американский президент Д. Трамп в декабре 2017 г. назвал американцев «нацией, ... которая выиграла две мировые войны, отправила человека на Луну и поставила на колени коммунизм». Подобного рода утверждения наносят колоссальный удар по авторитету России, как правопреемницы СССР, стремятся нивелировать укоренившиеся в общественном сознании российских граждан такие понятия, как мужество, подвиг, героизм.

В 60-70-е годы в западной историографии все-таки стали отмечать большие заслуги СССР в борьбе с гитлеровской Германией. Были объективно признаны следующие исторические события: 1) Сталинградская битва как переломный момент в ходе войны и весомый вклад в борьбе с гитлеровской Германией; 2) заслуги военных и политических лидеров СССР, отмечалась и особая роль И. Сталина как верховного главнокомандующего; 3) советская коммунистическая система оказалась способной мобилизовать не только экономические ресурсы страны, но и воодушевить народ на борьбу с фашистским агрессором [4].

После распада СССР широкую популярность на Западе получила идея о том, что тоталитарный режим в СССР помог выиграть войну, а Сталинградская битва рассматривалась как один из эпизодов в варварской битве между тоталитарными режимами Германии и СССР. Искажение российской истории советского периода особенно заметно на Украине, в Польше и в странах Балтии. Так, например, 1 февраля 2018 г. в Латвии вступил в силу беспрецедентный закон, уравнивающий статус ветеранов Второй мировой войны, воевавших как на стороне СССР, так и на стороне нацистской Германии. Данный закон носит не только антироссийский характер, но и стремится унижить истинных победителей Второй мировой войны. На Украине дискурс о Второй мировой войне строится на от-

четливом искажении событий и героизации Украинской повстанческой армии (УПА). Для пропаганды своей версии Второй мировой войны украинскими историками был создан интернет-сайт «Украинская вторая мировая». Например, на сайте отмечается, что для Украины война началась 1 сентября 1939 г. и закончилась 2 сентября 1945 г. При том что в большинстве стран постсоветского пространства День победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. празднуют 9 мая. Для Азербайджана и Армении 9 мая имеет большое историческое значение, в Узбекистане этот день считают «чем-то очень важным и святым» [7], в Таджикистане выступают против «пересмотра итогов Второй мировой войны» [8], в Киргизии чтут память о Великой Отечественной войне и ее героях. Однако на Украине 9 мая отмечается как День победы над нацизмом во Второй мировой войне в соответствии с законом Верховной рады Украины от 9 апреля 2015 г. «Об увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939-1945 гг.». Украинские историки любыми способами пытаются выставить СССР агрессором во Второй мировой войне, искажая истинный факт того, что 22 июня 1941 г. немецкие войска без объявления войны перешли границу СССР. Директор Украинского института национальной памяти В. Вятрович делает фантастические заявления, утверждая, что «СССР вместе с Третьим рейхом начинал Вторую мировую» [9]. Наряду с фальсификацией истории происходит демонтаж исторических памятников. В Грузии в период президентства С. Саакашвили взрывали памятники грузинам, погибшим в Великой Отечественной войне, а сам президент заявлял, что «грузины участвовали не в Великой Отечественной войне советского народа, а во Второй мировой войне человечества против нацизма» [10]. В свою очередь, в грузинской художественной литературе времен Великой Отечественной войны воспеваются героизм и беспрецедентный подвиг грузинского народа. В стихотворении «Песнь о Давиде Гурамишвили» С. Чиковани «нарисовал неувядаемый образ и полную трагизма жизнь великого грузинского поэта Д. Гурамишвили, на фоне которой мастерски изображено героическое историческое прошлое грузинского народа и традиционная дружба русского, украинского и грузинского народов» [11]. Бесспорный факт дружбы между всеми этносами многонационального народа СССР в Великой Отечественной войне должен сегодня стать объединяющей, а не разъединяющей платформой для полноценного сотрудничества в XXI в. между суверенными постсоветскими государствами. Примером тому служит общая позиция России и Китая по вопросу Второй мировой войны. Справедливо подчеркивает министр иностранных дел Китая Ван И: «Народы Китая и СССР объединились перед лицом ненавистного врага для борьбы плечом к плечу против японских милитаристов и немецко-фашистских захватчиков» [1].

Первая попытка борьбы с фальсификациями истории России была предпринята на государственном уровне в 2009 г. Тогда указом президента Д.А. Медведева была создана Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, идейным вдохновителем которой стал С. Нарышкин. В задачи Комиссии входил сбор информации о фальсификации исторических событий, разработка стратегии противодействия ей, выработка предложений по адекватному реагированию на попытки фальсификации исторических фактов. В 2012 г. Комиссия прекратила свое существование. Российские эксперты считают, что название этой структуры было слишком конфронтационным, а ее деятельность была направлена не только на проверку и подтверждение подлинности исторических проблем, но и на борьбу с инакомыслием. Однако создание этой Комиссии было достаточно своевременным и необходимым шагом: ею внесен существенный вклад в борьбу с искажением истории России.

После распада СССР на постсоветском пространстве произошла трансформация взглядов относительно событий Второй мировой войны. Переписываются учебники истории, широкое распространение получает литература с альтернативными взглядами на историю, совершенно оторванными от подлинных исторических фактов. Все это оказывает негативное влияние на формирование сознания молодежи, которой историческая информация преподносится односторонне, изолированно от других исторических событий.

Эффективным механизмом противодействия фальсификации истории является общественная, или «публичная», дипломатия в рамках концепции «мягкой силы». В меж-

дународных отношениях, опираясь на силу, можно привлечь внимание других государств и заставить их действовать в интересах того государства, которое применяет эту силу. Напротив, «мягкая сила» основывается не на понятии «заставлять», а на понятии «привлекать». Речь идет о том, что государство за рубежом должно транслировать свои ценности, культуру, реализовывать образовательные, социальные программы и тем самым культивировать у социума иностранных государств симпатию и позитивное отношение к государству-транслятору. «Мягкая сила» - это возможность создать позитивный образ государства, сформировавшийся у других государств благодаря целенаправленному информационному воздействию на них [12, с. 122-123]. В информационно-коммуникационную эпоху успех будет на стороне того государства, у которого не только есть сильная армия, но и сформировались навыки хорошего позиционирования себя на международной арене. Например, основоположник концепции «мягкой силы» американский политолог Дж. Най считает, что «при оценке влияния в информационную эпоху значение технологий, образования и институциональной гибкости возросло, тогда как значение географии, населения, сырья снизилось» [13]. В современном мире развернулась информационная война, когда информация не только является объектом боевых действий, но и рассматривается как эффективное оружие в борьбе за власть и влияние. Таким образом, государства, использующие методы фальсификации истории, укрепляют свое влияние за счет искажения уже документально подтвержденной информации и внедрения ложных историко-политических конструкторов.

Большую роль в формировании привлекательного образа России на постсоветском пространстве играет Россотрудничество (Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом), Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова. В сферу деятельности Россотрудничества входит популяризация русской культуры в мире, укрепление позиций русского языка, сохранение историко-материальных памятников и мест погребения. Особое место в деятельности Россотрудничества занимает использование «мягкой силы» в целях обеспечения для России благоприятного окружения. В 2017 г. во время празднования столетия Октябрьской революции агентство подготовило и провело специальные мероприятия, посвященные Российской революции с целью «донести объективный подход к историческим событиям до зарубежной общественности» [14]. Фонд Горчакова организует научно-образовательные программы для молодых исследователей, активно работает с гражданским сектором. Но при этом в одном из филиалов данного Фонда, расположенном на Украине, полностью заменили его название, игнорируя российскую принадлежность и специфику этой структуры. Теперь Фонд именуется центром международных отношений.

Реализуя инструменты «мягкой силы» за рубежом, Россия сталкивается с вопиющими нарушениями. Например, российский информационный канал Russia Today, который с 2005 г. ведет вещание на английском языке, прекратил свое вещание 1 апреля 2018 г. в Вашингтоне. Стоит отметить, что еженедельная аудитория телеканала Russia Today составляла почти 2 млн человек. Популярность телеканала, содействующая укреплению имиджа России в глазах иностранной аудитории и формированию ее положительной репутации, с каждым годом возрастала.

К сожалению, в России еще не создан государственный центр координации и контроля за публичной дипломатией. Тогда как в США такая структура была создана еще в 1948 г. и названа Консультативной комиссией США по публичной дипломатии. В задачи Комиссии входит работа с иностранной общественностью через механизмы понимания, информирования и влияния. Комиссия подготавливает исследования и проводит симпозиумы, обеспечивает эффективными результатами и объективной оценкой американское правительство по вопросам публичной дипломатии. Комиссией готовятся доклады для Президента, Государственного Секретаря и Конгресса. Например, Консультативная комиссия США по публичной дипломатии подчеркивает, что «международная дипломатия в XXI веке будет носить все более неправительственный характер, благодаря распространению неправительственных организаций; росту благотворительной деятельности фондов и отдельных лиц; растущей роли научных кругов и частного бизнеса. Привлечение

новых участников в те сферы, которые раньше считались исключительно прерогативой правительства, создает множество возможностей для инновационного сотрудничества в развитии мира» [15, р. 15]. Следовательно, к реализации принципов «публичной дипломатии» необходимо привлекать новых участников международных отношений: неправительственные организации, представителей академических кругов и бизнес-сообществ, которые сумеют адаптировать государственные обращения к общественности. Последовательная работа с общественностью позволит создать доверительную атмосферу, в которой можно будет убедительно разъяснить, что является правдивой информацией по тем или иным историческим вопросам, а что необходимо воспринимать как политическую пропаганду.

В целом совершенно ясно, что сегодня наблюдается тенденция фальсифицировать российскую историю. Это подрывает авторитет и влияние России за рубежом, наносит удар по историческому сознанию российских граждан, разрушает ценностные ориентиры и веру у молодого поколения в значимость великих исторических событий. Поэтому России надо использовать положительный опыт общественной дипломатии других стран, уметь координировать работу в этом отношении, привлекать многоязычие для обеспечения глубокого понимания российской истории у иностранной аудитории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Лавров С. Уроки истории и новые рубежи; Ван И. Вместе за мир // Российская газета. - 2015. - № 187 (6758).
2. Перевезенцев С. Линия фронта - прошлое // Россия в глобальной политике. - 2018. - № 2-3. Март-июнь. - С. 66-82.
3. Священные цифры Сталинграда. Кому нужны спекуляции на истории // Российская газета: Неделя. - 2018. 15 фев.
4. Roberts G. The Battle of Stalingrad in Western Historical Perspective [Электронный ресурс]. URL: https://histrf.ru/uploads/media/artworks_object/0001/02/073ee6e5b1c6666c6ef8845d54c5df633de23a1c.pdf (дата обращения: 12.09.2018).
5. Мальков В.Л. Великий Рузвельт. «Лис в львиной шкуре». - М., 2012. - 560 с.
6. Голль Ш. де. Сталин. Маршал, победивший в войне. - М., 2012. - 368 с.
7. Как отмечают День Победы на постсоветском пространстве [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kabar.kg/news/evraziia.ekspert-kak-otmechaiut-den-pobedy-na-postsovetskom-prostranstve/> (дата обращения: 12.09.2018).
8. Таджикистан против пересмотра итогов Второй мировой войны [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.sputnik-tj.com/politics/20150402/1015015055.html> (дата обращения: 12.09.2018).
9. Вятрович назвал отменение начала ВОВ опасным для Украины [Электронный ресурс]. URL: <https://www.obozrevatel.com/society/vyatrovich-nazval-otmechanie-nachala-vov-opasnyim-dlya-ukrainyi.htm> (дата обращения: 12.09.2018).
10. Грузины в Великой Отечественной войне [Электронный ресурс]. URL: <http://pcsu.ru> (дата обращения: 15.09.2018).
11. Российско-грузинские отношения. Грузинский акцент во Второй мировой войне [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/georgia/31471/> (дата обращения: 12.09.2018).
12. Казанцев А.А., Меркушев В.М. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. Политические исследования. - 2008. - № 2. - С. 122-135.
13. Nye J.S, Jr., Owens W.A. America's Information Age [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1996-03-01/americas-information-edge> (дата обращения: 15.09.2018).
14. Официальный сайт Россотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <http://rs.gov.ru/ru/activities/4/projects/1162> (дата обращения: 12.09.2018).
15. Lord M. Kristin. Voices of America. U.S. Public Diplomacy for the 21st century. - Washington, 2008. - 57 p.

REFERENCES

1. Lavrov S. Uroki istorii i novye rubezhi, Van I. Vmeste za mir [The lessons of history and new frontiers, Together for peace]. Rossijskaya gazeta. 2015, № 187 (6758). (in Russ.).
2. Perevezencev S. Liniya fronta - proshloe [The front line - the past]. Rossiya v global'noj politike. 2018, № 2-3, Mart-iyun', Pp. 66-82. (in Russ.).
3. Svyashchennye cifry Stalingrada. Komu nuzhny spekulyatsii na istorii [Sacred figures of Stalingrad. Who needs speculation on history]. Rossijskaya gazeta nedelya. 2018, 15 fev. (in Russ.).
4. Roberts G. The Battle of Stalingrad in Western Historical Perspective. Available at: https://histrf.ru/uploads/media/artworks_object/0001/02/073ee6e5b1c6666c6ef8845d54c5df633de23a1c.pdf (accessed: 12 September 2018). (in Russ.).
5. Mal'kov V.L. Velikij Ruzvel't. «Lis v l'vinoy shkure». [The Great Roosevelt. "Fox in lion's clothing"]. Moscow, 2012, 560 p. (in Russ.).
6. Goll' SH. de. Stalin. Marshal, pobedivshij v vojne. [Stalin. The Marshal who won the war]. Moscow, 2012, 368 p. (in Russ.).
7. Kak otmechayut Den' Pobedy na postsovetском prostranstve [How to celebrate Victory Day in the post-Soviet space]. Available at: <http://www.kabar.kg/news/evraziia.ekspert-kak-otmechayut-den-pobedy-na-postsovetском-prostranstve/> (accessed: 12 September 2018). (in Russ.).
8. Tadzhikistan protiv peresmotra itogov Vtoroj mirovoj vojny [Tajikistan against revision of the results of the Second world war]. Available at: <https://ru.sputnik-tj.com/politics/20150402/1015015055.html> (accessed: 12 September 2018).
9. Vyatrovich nazval otmechanie nachala VOV opasnym dlya Ukrainy [Vyatrovych called the celebration of the beginning of WWII dangerous for Ukraine]. Available at: <https://www.obozrevatel.com/society/vyatrovich-nazval-otmechanie-nachala-vov-opasnym-dlya-ukrainyi.htm> (accessed: 12 September 2018).
10. Gruziny v Velikoj Otechestvennoj vojne [Georgians in the great Patriotic war]. Available at: <http://pcsu.ru> (accessed: 15 September 2018).
11. Rossijsko-gruzinskie otnosheniya. Gruzinskij akcent vo Vtoroj mirovoj vojne [Russian-Georgian relations. Georgian accent in world war II]. Available at: <http://russiancouncil.ru/blogs/georgia/31471/> (accessed: 12 September 2018).
12. Kazancev A.A., Merkushev V.M. Rossiya i postsovetское prostranstvo: perspektivy ispol'zovaniya «myagkoj sily» [Russia and the post-Soviet space: prospects for the use of "soft power"] // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2008, № 2, Pp. 122-135. (in Russ.).
13. Nye J.S. Jr., Owens W.A. America's Information Age. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1996-03-01/americas-information-edge> (accessed: 15 September 2018).
14. Oficial'nyj sajt Rossotrudnichestva [Official website of Rossotrudnichestvo]. Available at: <http://rs.gov.ru/ru/activities/4/projects/1162> (accessed: 12 September 2018). (in Russ.).
15. Lord M. Kristin. Voices of America. U.S. Public Diplomacy for the 21st century. Washington, 2008, 57 p. (in Eng.).

Информация об авторе:

Гарбузарова Елена Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии, Кыргызско-Российский Славянский университет,
г. Бишкек, Киргизская Республика
play_elenag@mail.ru

Information about the author:

Elena G. Garbuzarova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, Kyrgyz-Russian Slavic University,
Bishkek, Kyrgyz Republic
play_elenag@mail.ru

Получена: 17.09.2018

Received: 17.09.2018

УДК 94.

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-31-35

КУШНЕРЁВ Валерий Владимирович
Краснодарское высшее военное авиационное
училище летчиков им. Героя Советского
Союза А.К. Серова
г. Краснодар, Россия
kvv830@mail.ru

Valery V. KUSHNERYOV
Krasnodar Highest Military Aviation School of
Pilots of a Name of the Hero of the Soviet Union
A.K. Serov
Krasnodar, Russia
kvv830@mail.ru

**ВКЛАД КРАСНОДАРСКИХ ОБОРОНЦЕВ В
ПОДГОТОВКУ АВИАЦИОННЫХ КАДРОВ ПЕРЕД
ВОЙНОЙ**

**CONTRIBUTION OF THE KRASNODAR
OBORONETS TO PREPARATION AVIATION
SHOTS BEFORE WAR**

Автор на основе архивных данных и периодической печати довоенного времени вводит в оборот исторический материал о возникновении и развитии добровольного общества молодежи освоения авиационной техники в Краснодаре. Все началось в 1918 г., когда руководство Советского государства приняло решение о борьбе с безграмотностью населения. Особое внимание было обращено на молодое поколение. Для практического применения полученных знаний и готовности к защите государства были созданы молодежные военно-спортивные общества. Миллионы молодых юношей и девушек прошли обучение в технических кружках и получили навыки первичной военной подготовки и обращения с животными. Для многих выпускников это начальное образование стало профессией, кто-то стал спортсменом, кто-то - военным, кто-то - конструктором и т.п. На примере Краснодарского аэроклуба показан организационный труд руководства города, представлены известные кубанцы клуба и достигнутые ими успехи. Статья представлена не только как историческая информация, но и для сохранения семейного наследия.

The author on the basis of contemporary records and periodicals of pre-war time introduces into circulation historical material about emergence and development of volunteer society of youth of development of the aircraft equipment in Krasnodar. Everything has begun in 1918 when the leaders of the Soviet state have made the decision on fight against illiteracy of the population. Special attention has been paid on the younger generation. Millions of young men and girls were trained in technical circles and have received skills of primary military preparation and treatment of animals. For many graduates it primary education became a profession, someone became an athlete, someone - a military, someone - a designer, etc. On the example of the Krasnodar aero club organizational work of the management of the city is shown, the famous Kuban residents of club and success achieved by them are presented. Article is submitted not only as historical information, but also for maintaining family inheritance.

Ключевые слова: Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ), Краснодар, аэроклуб

Keywords: Society of assistance to defense, aviation and chemical construction (OSOAVIAHIM), Krasnodar, aero club

Для цитирования: Кушнерёв В.В. Вклад краснодарских оборонцев в подготовку авиационных кадров перед войной. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 5 -1. с.31-35.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-31-35.

For citation: Kushneryov V.V. Contribution of the Krasnodar oboronets to preparation aviation shots before war. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no.5 -1. Pp. 31-35.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-31-35. (in Russ)

В данной статье мы продолжим знакомиться с историческими фактами дальнейшего освоения крылатых машин в Краснодаре. Истоки оборонной организации Кубани можно считать с 1918 г., с введением в Кубано-Черноморской республике Всеобуча. И уже созданное в 1923 г. Общество друзей воздушного флота (ОДВФ) в Новороссийске стало прототипом Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ) в регионе. В марте того же года в Краснодаре бывшие военный летчик Сергей Исаев, авиационный механик Фёдор Жицкий и военлет Константин Роганович организовали Кубано-Черноморский авиамодельный кружок [1]. Он располагался в Доме пионеров города, где школьники изучали авиационное дело и проводили соревнования по авиамоделлизму. Так, в 6 часов вечера на первом конкурсе 15 июля 1924 г. в городском парке на спортив-

ной площадке прошли соревнования 18 изготовленных в авиакружке летающих авиамоделей. Здесь модель Жицкого установила всесоюзный рекорд, достигнув скорости 16 м/с. В этом году в городе открывается музей «Авиахим», где в экспонатах были выставлены аэропланы «Ньюпорт», «Лебедь» и другие [2].

Наряду с авиамоделизмом развивался и планеризм. На I Всесоюзных соревнованиях в Крыму по планерному спорту на планерах конструктора В. Хейфица в 1923 г. С.Г. Исаев стал рекордсменом страны, здесь же на следующий год краснодарские планеры «Порыв» и «Беркут» на II Всесоюзных соревнованиях по планерному спорту заняли призовые места.

В решении объединенного собрания Темрюкской городской организации РКП(б) 6 августа 1924 г. записано: «...мы, объединившись в одно мощное ОДВФ, войдя всеми членами в его ряды, создадим свой мощный воздушный флот, который сможет противостоять капиталу и защитить завоевания нашей социалистической революции» [3, Оп.1. Д.992. Л.1].

Для контроля качества деятельности молодежных организаций Краснодарский Горрайком ВЛКСМ 17 апреля 1926 г. принимает решение о шефской работе в Армии [4, Оп.1. Д.6. Л.6], в 1927 г. - над добровольными обществами [4, Д.16. Л.9], а 20 декабря 1928 г. - в ОСОАВИАХИМе и о вовлечении сюда 100% комсомольцев-краснодарцев [4, Д.31. Л.14].

Созданный в январе 1927 г. ОСОАВИАХИМ стал обеспечивать начальную авиационную подготовку будущим военным и гражданским летчикам. Они стали носить свою военную форму: френчи, блузы-юнгштурмовки со знаками различия в петлицах и ремнями [5, с. 34]. К концу 1927 г. в городе было уже два планерных кружка. На созданном совместно с членами ОСОАВИАХИМа и комсомольской ячейки депо станции Краснодар планере «Кубань» начались полеты.

С 5 ноября 1930 г. Краснодарский Городской Совет ОСОАВИАХИМа на основании воинской директивы N проводит «Декаду обороны», посвященную 10-летию окончания Гражданской войны, памяти М.В. Фрунзе и дальнейшему укреплению обороноспособности страны. 15 и 16 ноября проведены митинги, совместно с гарнизоном воинских частей в Доме пролетарской культуры имени тов. Сталина была организована военная выставка, где были и экспонаты авиационной и дирижаблестроительной тематики, которую посетило 5030 трудящихся. Проведенные мероприятия в Зимнем театре позволили собрать денежных средств на дирижаблестроение 15 299 руб. 59 коп. Активисты совершили агитпоездку в станицу Елизаветинскую на глассере [6, Оп.1. Д.78. Л.123-126].

29 марта 1932 г. на базе авиакружка в городе открывается Краснодарская планерная школа, начальником школы был назначен С.Г. Исаев. В апрельском номере газеты «Красное знамя» 1932 г. объявлялся набор курсантов. 50 молодых рабочих по вечерам изучали теорию, а по выходным дням проходили летную практику. В школе было построено 14 планеров, из них 10 - конструкции Хейфица и Хейфица-Исаева, глассер и аэросани.

23 августа 1933 г. руководство Краснодарского комсомола приняло решение о сборе средств на постройку именного самолета «Им. 10 съезда ВЛКСМ» [7, Оп.1. Д.16. Л.4]. А уже в январе 1934 г. в Краснодаре открывается Кубано-Адыгейский аэроклуб (руководитель С.Г. Исаев, комиссар П.К. Игнатов). Здание аэроклуба находилось на пересечении улиц Чапаева и Красноармейской, а летное поле - на территории микрорайона Фестивальный. Краснодарский горком ВЛКСМ на подготовку авиационных кадров и на развитие материальной базы клуба внес в фонд аэроклуба 3 тыс. руб., редакция газеты «Красное знамя» - 1 тыс. руб.; на постройку именного самолета «Краснодарский профсоюз» низовыми организациями ВЛКСМ собрано 25 тыс. рублей. В марте аэроклубу отводится место для аэродрома между хутором Красным и стадионом «Динамо», где начали работать три школы: планерная, парашютная и летчиков.

В июле 1935 г. Краснодар посетил Герой Советского Союза М.В. Водопьянов, участник легендарного спасения челюскинцев в 1934 г., имя которого было присвоено Краснодарскому аэроклубу. М.В. Водопьянов писал: «...Вместе с вами, трудящимися Краснодара, радуюсь ростом аэроклуба моего имени. Он теперь один из лучших в стране. Авиамодели-

сты имеют бесспорное право на первое место в Советском Союзе. Меня волнует и радует то, что Ваш аэроклуб вокруг себя сумел организовать трудящихся города и колхозников района...» [8].

По итогам 1934/35 года обучения аэроклуб подготовил по планеру (пилотов) - 181 человек, по мотору (техники) - 108, парашютистов - 59. Еще 51 человек окончили школу пилотов, из них одна девушка - Шапошникова Анна Александровна, с оценкой «отлично». Выпускники-отличники - Нижник, Трубников, Шаповалов, Афанасьев, Невкипелов, Шаленко и другие - были переданы в Военно-Воздушный флот. Лучшими выпускниками-парашютистами стали: Борис Скрытников, Лидия Белякова, Александр Швец, Мария Коженикова, Галина Червинская, Мамаенко [7, Д.39. Л.13].

Причиной слабых показателей в ОСОАВИХИМЕ Краснодара, в котором состояло 8700 членов, было отсутствие порядка и организации, все было в хаотическом состоянии. Кроме того, об отсутствии подготовленных специалистов в Аэроклубе (в наличии всего 15) и слабом использовании базы клуба в оборонной работе для подготовки парашютистов говорилось в докладах тов. Сафонова и Агафонова на V Городской конференции комсомола 5 февраля 1936 г. [7, Д.38. Л.63, 84]. Проводимая работа среди молодежи по разъяснению роли авиации в оборонно-хозяйственном строительстве страны, отбор кандидатов через комитеты комсомола позволили руководству в 1936 г. с предприятий города в Аэроклуб делегировать 211 кандидатов [7, Д.16. Л.97]. Кроме того, под контролем были комплектование лётно-планерной школы Аэроклуба, проведение всесоюзных авиамodelных соревнований в Краснодаре 28-30 июля, проведение Дня авиации 18 августа, строительство парашютной вышки [7, Д.93. Л.148, 188].

В декабре 1936 г. комсомольская организация города и района поддержала инициативу обращения менжинцев о подготовке в стране 150 тыс. лётчиков, на что была увеличена разрядка набора курсантов в Аэроклуб, в школу морских лётчиков-штурманов приобретение в каждом районе именного самолета [7, Д.41. Л.246, 313].

В Краснодарском аэроклубе в период с 1936 по 1938 г. служил военным техником второго ранга А.И. Покрышкин [9]. Во время отпуска зимой 1938 г. втайне от начальства он прошел годовую программу гражданского пилота за 17 дней. Окончив лётное училище, Александр Иванович с высшими оценками в 1939 г. в звании лейтенанта был распределен в 55-й истребительный авиационный полк.

За нарушения и недостатки в работе Аэроклуба руководство несло ответственность, так: за задержку постройки именного самолета тов. Сусин снят с должности (1933 г.); за нарушения в десантировании парашютистов снят с должности тов. Бахтадзе (1936 г.); на неудовлетворительную работу в отборе кандидатов указано секретарю Сталинского РК (11.1936 г.); за невыполнение плана укомплектования кандидатами секретарю Кагановичского РК тов. Суконину поставлено на вид; увольнение в запас тов. Карпович (выступление на 6-й Горконференции ВЛКСМ 1 октября 1937 г.) [7, Д.446. Л.158-159]; за неудовлетворительную работу и злоупотребления руководство Аэроклуба - Исаев, Проказин, Лазаров, Брасевич - отстранены от должностей, дела переданы в прокуратуру [7, Д.48. Л.84].

Только в 1938 г. в Краснодарский аэроклуб по комсомольским путевкам были зачислены: Алексеенко Владимир, Богачёв Александр, Иваненко Виктор, Казаков Михаил, Ковалёв Анатолий, Козлов Михаил, Кнут Николай, Лаухин Александр, Лень Дмитрий, Макаревич Александр, Найдыш Александр, Нефёдов Валентин, Падалко Борис, Сердюк Борис. Под руководством опытных лётчиков-инструкторов Котельникова, Мариничева, Нижника они успешно его окончили в 1939 г. и поступили в авиационные школы.

18 августа 1939 г. страна праздновала День авиации под лозунгом «Да здравствуют советские лётчики - гордые соколы нашей Родины». На аэродроме Краснодарского аэроклуба состоялась «авиамассовка», на которой собралось около 40 тысяч жителей города. На празднике прошел парад лётного и технического состава и курсантов аэроклуба и были представлены к осмотру пассажирские самолеты «Сталь-2», «Я-6», тяжелый и легкий бомбардировщики, самолет-разведчик. С аэродрома в воздух поднимались звенья самолетов, демонстрируя «строй девятки», высший пилотаж, искусство воздушного боя. Са-

молет сельскохозяйственной авиации показал работу по опылению полей. К концу праздника на большой высоте пролетел из Майкопа воздушный поезд из двух планеров «Г-9» на буксире самолета «Р-5». Над аэродромом планеры отцепились и показали воздушный пилотаж. Вечером в парке М. Горького состоялись массовые гуляния, где были представлены учебные самолеты «УТ-1» и «У-2», модели авиационных бомб и авианавигационных приборов. Силами курсантов Краснодарского авиационного училища был дан концерт [10].

С началом войны 22 июня 1941 г. в Краснодарском аэроклубе им. Водопьянова состоялся митинг, призывающий выступить с оружием в руках на защиту завоеваний Великого Октября... [11]. Организация города Краснодара перестроила свою работу на режим военного времени. 16 июля на бюро Краснодарского крайкома ВКП(б) было утверждено решение о дополнительном наборе 115 курсантов в Краснодарский аэроклуб. Добровольно за последующие 10 дней в клуб было зачислено 152 желающих (из них 78 комсомольцев) [12, Оп.1 доп. Д.19. Л.166-167; Оп.2. Д.19. Л.168; Д.277. Л.12-19].

Трехсоттысячная краевая организация ОСОАВИАХИМ Краснодара вступила в войну. За ратный подвиг на фронтах войны 289 наших земляков-кубанцев удостоены звания Героя Советского Союза, из них 66 летчиков (5 человек - дважды), а также первый в истории Великой Отечественной войны летчик Николай Лошаков, выпускник Краснодарского аэроклуба и местной военно-авиационной школы пилотов, выполнивший 11 августа 1943 г. побег из немецкого плена на вражеском самолете «Шторх» [13, с. 11].

На основе представленных материалов можно сказать, что большая часть молодежи Краснодара, вовлеченная в начальные организации ДОСААФ перед Великой Отечественной войной, под руководством энтузиастов и руководства города, развивающих авиационное дело в Краснодарском крае в тяжелых экономических условиях, создала мощную добровольческую организацию, прошла начальную военизированную подготовку и стала защитниками Родины и края в 1941-1942 гг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Красное знамя. 1932 г., 2 апр.
2. Красное знамя. 1924 г., 20 июля; Кубань и Черноморье: Путеводитель. - С. 24.
3. Государственный архив Краснодарского края. Ф.585.
4. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее - ЦДНИКК). Ф.1994. Краснодарский Горрайком ВЛКСМ.
5. Липатов П. Униформа Воздушного флота // Техника молодежи. - М., 2000.
6. ЦДНИКК. Ф.1072. Краснодарский ГК КПСС.
7. ЦДНИКК. Ф.2013. Краснодарский горком ВЛКСМ.
8. Красное знамя. 1935 г., 22 июня.
9. Красное знамя. 1935 г., 22 июля; 1936 г., 9 янв.
10. Большевик. 1939 г., 20 авг.
11. Большевик. 1941 г., 22 июня.
12. ЦДНИКК. Ф.1774-А. Краснодарский крайком КПСС.
13. Красное знамя Севера. 19.04.2012. № 41.

REFERENCES

1. Red banner, 1932, on April 2.
2. Red banner, 1924, on July 20; Kuban and Black Sea Coast: Guide. P. 24.
3. State archive of Krasnodar Krai. F.585.
4. Center of Documentation of the Contemporary History of Krasnodar Krai (CDCHKK). F. 1994. Krasnodar Gorrayky All-Union Leninist Young Communist League.
5. Lipatov P. Uniform of the Air fleet. Equipment of youth. M, 2000.
6. TsDNIKK. F. 1072. Krasnodar CPSU Group.
7. TsDNIKK. F. 2013. Krasnodar city town committee of the All-Union Leninist Young Communist League.
8. Red banner, 1935, on June 22.

9. Red banner, 1935, on July 22; 1936, on January 9.
10. Bolshevik, 1939, on August 20.
11. Bolshevik, 1941, on June 22.
12. TsDNIKK. F. 1774-A. Krasnodar regional committee of the CPSU.
13. Red banner of the North, 19.04.2012, No. 41.

Информация об авторе:

Кушнерёв Валерий Владимирович, доцент,
Краснодарское высшее военное авиационное
училище летчиков им. Героя Советского Союза
А.К. Серова,
г. Краснодар, Россия
kvv830@mail.ru

Получена: 24.08.2018

Information about the author:

Valery V. Kushneryov, Associate Professor, Krasnodar Highest Military Aviation School of Pilots of a Name of the Hero of the SOVIET UNION
A.K. Serov,
Krasnodar, Russia
kvv830@mail.ru

Received: 24.08.2018

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-36-52

Tony ROCCHI
Toronto Reference Library
Toronto, Canada
tony.rocchi@gmail.com

РОККИ Тони
Справочная библиотека Торонто
г. Торонто, Канада
tony.rocchi@gmail.com

**TERRORISM IN THE RUSSIAN EMPIRE: LESSONS
OF HISTORY FOR TODAY'S WAR ON TERRORISM
Part I: posing the questions for studying terror-
ism in Russia**

**ТЕРРОРИЗМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ:
УРОКИ ИСТОРИИ ДЛЯ СЕГОДНЯШНЕЙ ВОЙНЫ
ПРОТИВ ТЕРРОРИЗМА
Часть I: постановка вопросов к изучению тер-
роризма в России**

This article is the first in a proposed series of articles in English about different aspects of the causes, development, and consequences of political terrorism in the post-reform Russian Empire. The challenges of studying the history of terrorism in Russia are examined in this article. In many ways, Russia was the birthplace of mass political terrorism in the modern world. In the course of 50 years between 1866 and 1916, terrorists, mostly from leftist organizations, committed thousands of terrorist acts against members of the government and society and killed or wounded 17,000 people. The epoch of terrorism in Russia corresponds to the European «epoch of dynamite» before the First World War, when several individuals, mostly anarchists, killed several dozen people, mostly monarchs, presidents and other state figures. Through a comparative analysis of the history of terrorism in Russia and Europe, one can speak about a unique path of the development of terrorism in the Russian Empire. Despite the abundance of primary sources and academic literature on this topic, the fact remains that in the study of terrorism in Russia, many aspects of this prerevolutionary phenomenon even today are still controversial and painful. In both Russian and foreign historiography, from the beginning of terrorism to the present, there are both positive and negative stereotypes about the terrorists, their supporters and opponents along with significant elements of myth making, distortion of facts, and huge blank spots. The topic also has a huge contemporary relevance. Despite the assertion of today's mass media and politicians, terrorism and government wars against terrorism did not begin with the terrorist attacks committed on September 11, 2001 in the United States. Many tendencies in terrorism and government wars against terrorism first emerged in prerevolutionary Russia.

Данная статья является первой из предполагаемой серии авторских публикаций на английском языке о разных аспектах предпосылок, развития и последствий политического терроризма в пореформенной Российской империи. В этой статье приведены результаты анализа главных вызовов при изучении терроризма в России. Во многом Россия была местом рождения массового политического терроризма современного толка. На протяжении полувека (между 1866 и 1916 годами) террористы, главным образом, из левых организаций, совершали тысячи терактов против представителей правительства и общества и убили или ранили около 17 000 человек. Период терроризма в России соответствует европейской «эпохе динамита» перед Первой мировой войной, когда некоторые индивиды, главным образом анархисты, убили несколько десятков человек, преимущественно монархов, президентов и других видных государственных деятелей. При помощи компаративного анализа истории терроризма в России и Европе можно уверенно говорить об особом пути развития терроризма в Российской империи. Несмотря на изобилие первоисточников и научной литературы по данной теме, в изучении терроризма в России многие аспекты данного дореволюционного явления до сих пор являются спорными и болезненными. В отечественной и зарубежной историографии с момента возникновения терроризма и до наших дней продолжается острая полемика, существуют как позитивные, так и негативные стереотипы о террористах, об их сторонниках и противниках, наличествуют значительные элементы мифотворчества, искажение фактов и огромные «белые пятна». Значимость научной проблемы не вызывает сомнений. Наперекор утверждениям современных медиа и политиков, терроризм и правительственные войны с терроризмом начались не с терактов, совершенных в США 11 сентября 2001 года. Многие течения в терроризме и в правительственных войнах против терроризма возникли впервые в дореволюционной России.

Keywords: terrorism, terror, terrorism in Russia, terrorism in Russian Empire, political terrorism

Ключевые слова: терроризм, террор, терроризм в России, терроризм в Российской империи, полити-

in Russia, terrorists in Russia, political violence in Russia, state security policy of Russia, state crimes in Russia, political crimes in Russia

For citation: Rocchi T. Terrorism in the Russian empire: lessons of history for today's war on terrorism. Part I: posing the questions for studying terrorism in Russia. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no.5 -1. Pp. 36-52.

doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-36-52.
(in English)

ческий терроризм в России, террористы в России, политическое насилие в России, охранительная политика России, государственные преступления в России, политические преступления в России

Для цитирования: Рокки Т. Терроризм в Российской империи: уроки истории для сегодняшней войны против терроризма. Часть I: постановка вопросов к изучению терроризма в России. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 5 -1 . с.36-52.

doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-36-52.

The history of political terrorism in the last decades of the Russian Empire is the history of the origins of mass terrorism in the modern world. This article is the first of a proposed series in English about different aspects of the causes, development, and consequences of terrorism in Russia in a 50-year period between 1866 and 1916. Challenges to the study of terrorism are the focus of this article. Several long-term and short-term factors came together to create virtually ideal conditions for the emergence of terrorism in Russia as a mass phenomenon and virtually impossible conditions for the autocracy to crush terrorism and other oppositional activity. These factors are still relevant today for governments and societies involved in the war against terrorism that began after terrorist attacks in the United States on September 11, 2001.

The sheer massive scale of terrorism, the diversity of its practitioners, supporters, and opponents, and the longevity of terrorism in Russia merit extensive study. An epoch of terrorism begins on April 4, 1866 with the attempted assassination of Tsar Alexander II by Dmitriy Karakozov, a member of the radical group Organization, and ends on September 24, 1911 with the assassination of Premier Petr Stolypin by Dmitriy Bogrov, an anarchist and double agent for the Department of Police [1]. Terrorism occurred during the reigns of Russia's last three tsars – Alexander II (1855-1881), Alexander III (1881-1894), and Nicholas II (1894-1917). The assassination of Alexander II on March 1, 1881 by members of the populist revolutionary organization The People's Will [*Narodnaya Volya*] was the most spectacular terrorist act of the Russian era of terrorism. The last major political assassination in pre-revolutionary Russia was the killing of Grigorii Rasputin on December 17, 1916 by Prince Feliks Yusupov, Grand Duke Dmitrii Pavlovich, V. M. Purishkevich, a founder of the Union of the Russian People, and several others. The murder of Rasputin was an attempt by certain members of the Imperial family and far right politicians to save the dynasty from being overthrown in a revolution or palace coup and had no connection with organized terrorism.

Political terrorism in Russia passed through three distinct periods with huge elements of continuity in tactics and aims. This is yet another phenomenon that requires intensive study. Although there are many monographs and studies about different periods of terrorism, to the best of the author's knowledge, there is no comprehensive monograph about terrorism in Russia between 1866 and 1911 [2].

A preliminary stage from 1866 to 1869 included two terrorist acts committed by the Organization, founded by N. I. Ishutin, the cousin of Dmitrii Karakozov, who attempted to assassinate Tsar Alexander II, and the People's Vengeance [*Narodnaya Rasprava*], founded by S. G. Nechaev. Nechaev and several other members of the group murdered fellow group member I. I. Ivanov, suspected of treason. The story of the People's Vengeance served as the basis for Fyodor Dostoevskij's novel "Demons" [*Besy*]. Particularly horrifying to generations of radicals and historians was the publication at the trial of Nechaev's followers of the program document "The Catechism of the Revolutionary" [*Katekhizis revolyutsionera*], authored by Nechaev and possibly co-authored by anarchist Mikhail A. Bakunin. Not only did the catechism call for revolutionaries to be cold and calculating with each other, it also called for the division of society, including liberals and other socialists, into various categories whose members could either be killed, provoked into becoming more reactionary or morally compromised according to the needs of the revolution [3].

Two major waves of terrorism took place from 1878 to 1894 and from 1894 to 1916. The overwhelming majority of terrorist incidents occurred between January, 1878 and March, 1881 in the first wave and between October, 1905 and September, 1911 in the second wave.

The first wave of terrorism began on January 24, 1878 when revolutionary Vera Zasulich attempted to assassinate St. Petersburg Governor General F. F. Trepov (a jury acquitted her in March, 1878) and culminated in the assassination of Tsar Alexander II on March 1, 1881. The People's Will and groups acting in its name dominated terrorism from 1879-1894. Even though the Executive Committee of the organization had been wiped out by 1883, many radicals right up to 1894 identified themselves as members of the People's Will and made repeated attempts to restore the organization. The period was also characterized by liberal support of the terrorists as a means to force the government to grant concessions and by the formation of Russia's first major right-wing anti-revolutionary organization "The Sacred Brotherhood" [*"Svyashhennaya Druzhina"*]. Also significant was the government's evolution of its policies in using judicial and administrative measures in combating its political opponents. Specific historical conditions shaped this first period of terrorism and strongly influenced actions and goals of political parties across the political spectrum and government policies during the second wave of terrorism. Most importantly, this first wave of terrorism delayed Russia's constitutional development by 25 years [4].

The second wave of terrorism coincided with the reign of Tsar Nicholas II. The period was characterized by a time of organization of different movements in the late 1890s, a few spectacular assassinations in the early 1900s, and then thousands of terrorist acts committed by leftists from October, 1905 to September, 1911. Virtually all left-wing parties and movements, participated in terrorism. They included empire-wide parties, ethnic minority parties, anarchists of different tendencies, and unaffiliated leftists. Liberals generally supported left-wing terrorism as a means of forcing the government to grant concessions and condemned right-wing terrorism. Right-wing elements organized their own anti-revolutionary movements and carried out a few political assassinations. Although conservatives and rightists condemned leftist terrorism, many did not approve of violence from their own ranks. Left-wing terrorism was only part of a major wave of political, social, ethnic, religious, and criminal violence sweeping the Russian Empire during the 1905 revolution and following years. As in the first wave of terrorism, government policy in using judicial and administrative measures against its opponents underwent considerable changes. Most importantly, the second wave of terrorism seriously undermined Russia's constitutional development [5].

The two waves of terrorism in Russia occurred during a period of European history often called "la belle époque" – a period running from the 1870s to 1914 of alleged peace and stability. "La belle époque" was also called the "era of dynamite" by many historians and writers because of a number of highly publicized assassinations of heads of state by anarchist individuals. Russia's contribution to the "era of dynamite" broke all records in Europe. From 1850 to 1900, there were about 40 political assassinations in European countries – in a period considered a virtual epidemic of political terrorism. Between 1870 and 1900 in Russia, there were 38 left-wing terrorist incidents causing 100 deaths. Left-wing terrorism in Russia reached its climax from 1905-1911 with 16,800 people killed or wounded in some 23,000 recorded incidents while the total number of killed and wounded from 1870-1917 was 17,000 people [6].

The types, goals, timing, and organization of terrorism generated sharp controversies among leftists from the 1870s onward [7]. Terrorists practiced *political terrorism* directed against the government and its supporters and *economic terrorism* directed against the propertied classes. Each type of terrorism had its own goals, but the general aim of political terrorism was to force the collapse of the political system while economic terrorism aimed at destroying the socio-economic system [8]. While party and movement leaders engaged in debates and formulated numerous strictures about the types, goals, timing, and organization of terrorism, these strictures generally were ignored by rank-and-file terrorists during the second wave of terrorism.

Furthermore, terrorism merits study because it was one factor enabling unity among left-wing parties and movements in the 1905 Revolution and following years. Historians have gener-

ally concentrated on disputes between party leaders, particularly Vladimir Lenin and others in emigration, and tended to ignore how rank-and-file members resented factional strife. Terrorism helped create a united front among leftists [9]. It brought together leftists of different tendencies and nationalities and was a major factor in building working relationships with liberals.

The history of political terrorism in the Russian Empire is highly relevant for those exploring contemporary terrorism and government wars against terrorism. Many tendencies in contemporary terrorism and counter-terrorism have their origins in pre-revolutionary Russia. These tendencies included:

- The presence of an entire social stratum – in this case, the Russian socialist intelligentsia – as a mass base for left-wing terrorists and their supporters. Europe had its bohemian intellectuals, marginal elements, and conspirators but Russia had an entire social stratum existing exclusively for the destruction of the existing order.
- The process of radicalization of certain population groups who replenished the ranks of radicals. In Russia, these groups included young adults, especially students, teenagers, women, and members of ethnic and religious minorities.
- The criminalization of the political classes, especially liberals, due to their support of terrorism.
- The waging of information wars by terrorists and their supporters against the government to win over public opinion both in Russia and abroad. Revolutionaries and liberals maintained that they were freedom fighters against a despotic government and that terrorism was justifiable because the government used terror against its opponents.
- Using political trials in the 1870s and 1880s and the State Duma from 1906 onward by socialists and liberals to defend left-wing terrorism, discredit the government, and win support from the political classes.
- Using terrorism as a tactic to deliberately provoke the government into becoming more repressive and, thus, ignite a revolution. This was an attempt to make the saying “the worse it is, the better” come true.
- Employing terrorism as a pre-emptive strike against the possibility of Russia becoming a liberal, constitutional European state. Left-wing terrorists in both waves wanted to go directly from feudalism to socialism and bypass the capitalist stage of development even though party platforms often recognized a lengthy period of parliamentary democracy was necessary before a socialist revolution was possible.
- The development of far-right terrorism and mass far-right political movements as a response to left-wing terrorism and to socialist and liberal political establishments.
- The development of an ambivalent attitude by conservatives, far rightists, and other supporters of the government in the autocracy’s war against terrorism. Anti-socialist and anti-liberal elements often withheld their support for various reasons from the government in its anti-terrorism fight.
- The development of government policies on combating terrorism and other crimes against the state and its attempts to mobilize public opinion against the terrorist threat. In Russia, mobilizing public support often failed because the autocracy repeatedly maintained a mistrustful attitude toward any public initiative, even from the most loyalist elements.
- The massive breaking by significant numbers of the population of traditional religious, moral, and legal restraints against killing. This raises questions about the level of legal consciousness of the political classes and government.

The complexities and ramifications of terrorism deserve comprehensive study despite the overwhelming abundance of primary sources and academic literature on the subject. In both Russian and foreign historiography, from the beginning of terrorism in the 1870s to the present, there are both positive and negative stereotypes about the terrorists and their supporters and opponents along with significant elements of myth making, deliberate distortion of facts and interpretations to promote political agendas, and huge blank spots. Despite the efforts of many Russian and Western historians to study terrorism objectively, eschatological themes of a cosmic

battle between the forces of good and evil have dominated both academic and popular literature. The major eschatological myth in historical works since the 1870s has been the story of how a repressive government ran a police state and forced idealistic young men and women to become terrorists. Since 1991 in the former Soviet Union, certain academic and popular writers have reworked this eschatological myth to show how demonic revolutionaries, led by foreign and internal enemies, attacked a divinely sanctioned government dedicated to defending Christian values. This forms part of a larger exercise in rewriting history backward to show how the Russian Revolution of 1917 – often now described as a “Golgotha”, with Tsar Nicholas II as a Christ-like martyr, – happened. It is hardly surprising that conspiracy theories have repeatedly turned up in the literature on terrorism [10]. Several examples will suffice to demonstrate how much elements of myth-making, ideological distortion, and political agendas have shaped the historiography of terrorism.

The author of this series wrote his master’s thesis on the judicial reform of 1864 and political trials of populists and members of the People’s Will between 1866 and 1894 [11]. Defendants and their liberal lawyers invariably argued that government repressions against peaceful propagandists had forced young idealists to become terrorists. Prosecutors generally demonized the defendants as the incarnation of evil. Historians have usually praised the heroic speeches of the defendants and the lawyers, while condemning the prosecution for persecuting the revolutionaries. What gets ignored is the fact that prosecutors, defendants, and lawyers all brought political agendas to the trials and turned justice into a secondary issue. Furthermore, the courtroom behavior of all three parties undermined the judicial reform, a reform that could have done much for turning Russia into a state based upon the rule of law. As will be shown in this series, a low level of legal consciousness of many members of the government and political classes created virtually ideal conditions for the development of terrorism in Russia on a mass scale.

Soviet historians denounced non-Bolshevik parties and movements for practicing terrorism and maintained that the practice of terror was one factor resulting in the logically inevitable defeat of these parties in the 1917 revolutions and civil war. One quotation from Vladimir Lenin, directed against the Socialists-Revolutionaries, was invariably cited in works about non-Bolshevik socialist parties. As Lenin wrote in 1902: “Because the Socialist-Revolutionaries (SRs), by including terrorism in their programme and advocating it in its present-day form as a means of political struggle, are thereby doing the most serious harm to the movement, destroying the indissoluble ties between socialist work and the mass of the revolutionary class. No verbal assurances and vows can disprove the unquestionable fact that present-day terrorism, as practiced and advocated by the Socialist-Revolutionaries, is not connected in any way with work among the masses, for the masses, or together with the masses; that the organization of terroristic acts by the Party distracts our very scanty organizational forces from their difficult and by no means completed task of organizing a revolutionary workers’ party; that in practice the terrorism of the Socialist-Revolutionaries is nothing else than single combat, a method that has been wholly condemned by the experience of history” [12]. Many Soviet historians took this quotation out of historical context and applied it to the People’s Will. Because the Socialists-Revolutionaries considered themselves heirs to the People’s Will, Soviet historians could write history backwards to show how the logically inevitable defeat of the Socialists-Revolutionaries in 1917 and the civil war began with the history of the People’s Will.

The history of political terrorism in Russia became part of ideological polemics in the last decade of the Cold War. American journalist Claire Sterling and Western political scientists in the early 1980s argued that the Soviet Union was directing international terrorism deliberately to destabilize the West. Rebuttals by Soviet publicists charged that left-wing terrorists in the West were repeating the same mistakes by Russian terrorists before 1917. Just as Soviet historians charged that Russian terrorists objectively served the forces of reaction, publicists asserted that Trotskyite, Maoist, anarchist, and other extreme left terrorist groups were made up of petty-bourgeois and lumpen-proletarian elements, supported by the Americans, and objectively serving the interests of American imperialism and neo-fascism [13].

Studying terrorism in the Russian Empire requires using both a long-term and a comparative approach to reduce elements of myth-making, stereotypes, and political agendas. Using a

long-term approach to study the half-century of terrorism allows investigators to track elements of continuity and change during the period when two major waves of terrorism occurred. A comparative analysis of terrorism in Russia and European countries allows us to determine elements of similarity and differences between Russia and Europe. The evidence shows that it is possible to speak of a uniquely Russian path in the development of terrorism. It is also important to use these approaches in analyzing the Russian government's policy toward political (state) crimes. The long-term approach helps track the evolution of the government's policy in using police and judicial means to combat political opposition along with failed attempts to mobilize popular support for its policies. The comparative approach is extremely useful in understanding Russia's internal security policy in the context of European governments' policies toward their political opponents. Furthermore, the comparative approach in studying government policies on political crimes helps demolish stereotypes of the Russian Imperial government as the most repressive in Europe and as the creator of a police state. The historical record shows that the autocracy faced fairly unique challenges to its authority compared to other European governments during the period called "the era of dynamite".

Two long-term themes that deserve intensive investigation to understand the origins, development, and consequences of terrorism on a massive scale in Russia are the relationship between the government and the political classes and the level of legal consciousness of both the government and the political classes.

A major challenge in studying terrorism in Russia and any country is finding a definition of terrorism. Another challenge is the understanding of terminology used by supporters and opponents of terrorism to describe organized violence practiced by governments and oppositional elements. The following examples illustrate the complexity of the terminology issue. Russian terrorists proclaimed that they practiced terror and described government repressions as "white terror" [*"belyj terror"*]. In France, the Jacobin government officially and openly practiced terror, while its opponents called the Jacobins terrorists. The term "white terror" was used from 1794 to 1815 to describe the murders of Jacobins, republicans, and Bonapartists by royalist gangs, often acting with the tacit support of local governments. Note how the term "terror" in the French and Russian settings suggested that the organized violence of Jacobins and Russian revolutionaries was a legitimate, even if regrettable, form of political struggle, while the term "white terror" has no redeeming nor justifiable features. Furthermore, terrorists in Russia used numerous euphemisms to describe their activities. They often used the term expropriations to denote armed robberies of banks and government institutions to obtain funds for the movement. By using the term expropriations, revolutionaries tried to convey the message that they were taking back what the government had allegedly stolen from the people and to ensure that potential supporters, especially liberals, did not regard revolutionaries as common criminals. Image presentation was important for many terrorists from different political movements because they needed to convince supporters both in Russia and especially abroad that they were freedom fighters against a tyrannical government. Bolsheviks loudly condemned Socialists-Revolutionaries and other rivals for practicing terrorism, but Vladimir Lenin and other Bolsheviks employed euphemisms to mask the fact that they too practiced terrorism. Terms such as partisan activities, combat detachments/ fighting squads, fighters, technical groups were euphemisms for terrorist activities, terrorist detachments or squads, terrorists, bomb-making and arms-smuggling groups [14]. Note that in this series, the term terrorism will be used to denote organized violence by opposition elements against government and society.

It is difficult to find a satisfactory working definition of terrorism and terror and to determine how these phenomena differ from other types of state and oppositional violence. Particularly significant in formulating definitions are the historical conditions that make terror – state violence – and terrorism – oppositional violence – possible. Governments throughout the world have used mass violence against their real or alleged opponents for centuries. Oppositionist individuals and groups in many countries have practiced politically-motivated killings against their real or imagined enemies for centuries. However, terror and terrorism are the creations of modern European history – specifically they emerged during the age of revolutions and other great changes in Europe from 1789 to 1914 and have continued until the present. Terror and

terrorism differ radically from how governments and opposition movements dealt with their enemies in the past.

A historical approach to the study of terrorism could clear up some of the difficulties facing scholars seeking to define terrorism. Instead, one often finds scholars, especially political scientists, expressing frustration over the subjectivities involved in defining terrorism. For example, Dutch scholar Oskar Verkaikk noted how terrorism is a particular kind of political violence and involves the discursive use and impact of the term terrorism. In other words, why do people choose to use the term terrorism to describe a particular political activity and what are the consequences of using an often subjective term. Both lines of study, according to Verkaikk, emphasize that terrorism is meant to terrify [15]. However, terrorists go beyond the aim of simply trying to terrify people. Terrorism in the Russian Empire was specifically aimed at creating conditions for the overthrow of the imperial government.

A similar sense of frustration over defining terrorists is made by American political scientist Krista E. Wiegand. She described terrorists as “nonstate actors who pursue random unconventional violence targeted at noncombatants to achieve political objectives”. Wiegand correctly noted that the labeling of who is a terrorist depends heavily on who is making the distinction. American President Ronald Reagan observed that “one man’s terrorist is another man’s freedom fighter” [16]. However, labeling terrorists as nonstate actors pursuing random violence against noncombatants definitely does not apply to the situation in the Russian Empire where terrorists deliberately chose targets from the Imperial family, armed forces, and bureaucracy to speed up the collapse of the autocracy.

American political scientist Martha Crenshaw has done extensive work in taking a historical approach to the study of terrorism and examining the complexities of the causes of terrorism in different countries, including the Russian Empire [17]. Some of her observations are highly relevant to the Russian setting. Crenshaw noted that “terrorism is essentially the result of elite disaffection; it represents the strategy of a minority, who may act on behalf of a wider popular constituency who have not been consulted about, and do not necessarily approve of the terrorists’ aims and methods” [18]. In the Russian Empire, terrorism was a form of political struggle used by the political classes, especially the socialist intelligentsia, and terrorist campaigns generally operated separately from mass violent movements especially during the revolution of 1905-1907. Crenshaw noted that revolutionaries can turn to terrorism when they regard government policy as intolerably unjust and wrote that government repression of the populist movement in the 1870s triggered the formation of the People’s Will in 1879 [19]. Crenshaw’s explanation is correct, but one must note that thousands of terrorist incidents took place after the Manifesto of October 17, 1905 that granted a State Duma and political freedom and turned Russia into a semi-autocratic/semi-constitutional state. What triggered this wave of terrorism was that socialists and liberals regarded the October Manifesto as a sign of weakness by the government and that the Manifesto created ideal conditions for the final battle against the autocracy. Particularly relevant to the Russian context is Crenshaw’s observation that “it is clear that once a terrorist group embarks on a strategy of terrorism, whatever its purpose and whatever its successes or failures, psychological factors make it very difficult to halt. Terrorism as a process gathers its own momentum, independent of external events” [20]. As will be seen, the wave of terrorism that broke out after October, 1905 took on a life of its own despite efforts by party and movement leaders to suspend or cease terrorist activities. Once the terrorist genie had been let out of the bottle, it was almost impossible to force it to return to the bottle.

For this series, the author has developed his own definitions of terror and terrorism. Both phenomena are the creations of modern history beginning with the French Revolution and other great revolutions and changes in Europe. Governments practice terror – organized and systematic violence – against real or imagined opponents in their own countries or in other lands. Practice of terror requires an organized political police force to monitor and suppress opposition; legal definitions of political crimes; categorization of political opponents; a police-judicial infrastructure to arrest, try, and punish opponents; an ideology to justify use of violence, intense use of the media to mobilize mass support for terror; reliance upon different population groups to support terror. The targeted categories of “enemies of the state” or “enemies of the people” can

be based on a broad range of human characteristics: race, ethnic group, religion, political affiliation, social class and other characteristics. Methods of terror against categories of the population can range all the way up to genocide – an attempt to exterminate all members of a group. Terror differs sharply from traditional methods of government repression of opponents. It is seen not only as a necessity, but also as a desired good. Furthermore, terror elevates the struggle between a government and its opponents to the level of a cosmic struggle between the forces of absolute good and absolute evil. Eschatological motifs about a coming destruction of an old world and the birth of a new world feature prominently in many ideological movements, especially those advocating violence. Terror is possible only when governments have broken with traditional religious, moral, and legal prohibitions against killing particularly when the targets of terror belong to groups that have been categorized and demonized by governments as dangerous, evil, and unworthy of life. For the period in the history of European revolutions between 1789 and 1917, only French revolutionary governments practiced terror [21].

The Russian government did not practice terror against its opponents despite assertions by many pre-revolutionary, Soviet, post-Soviet, and Western historians that the Russian Empire was a police state that employed mass terror. The autocracy lacked both the resources and the political willpower to practice terror and it could not mobilize support from the population largely due to its inherent mistrust of any public initiative, even from the most loyalist elements. Although many of its policies were repressive, the Russian government did not and could not practice terror as French revolutionaries did in 1793-1794 and the Bolsheviks after the October Revolution of 1917. Of course, a low level of legal consciousness among many members of the government, including Tsar Nicholas II, shaped many decisions on policies toward political opponents. However, in fairness to the government, Russian revolutionaries often used terrorism to deliberately provoke the government into becoming more repressive so that repression would ignite a revolution. This tactic played into the hands of reactionaries in the government who were eager to find the slightest excuse to revoke reforms and adopt harsher measures of repression [22]. One can argue that Russian government policies toward political opponents were repressive enough to antagonize the intelligentsia and political classes but the imperial government was unable to suppress violent activities and mobilize mass support against terrorism. The autocracy was in a “neither here nor there” situation: it was not a police state and it was not a full-fledged democracy. Hence, the autocracy was doomed to fighting an unwinnable war against its political opponents.

Opposition groups practice terrorism – organized and systematic violence – against governments, societies, and individuals. Terrorism has its own infrastructure – the organization of specialized groups of terrorists (although individuals, today known as “lone wolves”, have practiced and still practice terrorism); organization of networks of supporters; formulation of the goals of terrorism; using mass media to gather support for terrorist activities; relying on certain population groups to provide the mass base of terrorists and supporters. The targeted categories of enemies can be based on the same broad range of human characteristics that are used by governments to target individuals and groupings. Terrorists, depending upon their ideological tendency, can limit their activities to violence against specific groups. In Russia before 1917, left-wing terrorists killed government officials and members of the propertied classes. Terrorism differs from mass movements of violence during a rebellion or revolution. Mass movements tend to be spontaneous and can easily be crushed by governments or wither away. Like practitioners of terror, terrorists regard terrorism as not only a necessary evil or a harsh choice for the moment, but rather as a desired good. It elevates the struggle between terrorists and their opponents to the level of a cosmic struggle and develops an ideological framework to justify terrorist activities. Most importantly, terrorism becomes possible only when significant numbers of people break with traditional religious, moral, and legal prohibitions against killing.

In Russia, the political classes, including the socialist intelligentsia and many liberals, constituted the mass base for practitioners of left-wing terrorism and their supporters. What allowed this massive breaking with traditional norms against killing was the intelligentsia’s concept of revolutionary morality – anything that helped the revolutionary cause was good while anything that hindered the cause was bad. Adding to the concept of revolutionary morality was

the intelligentsia's low or non-existent legal consciousness. Law was regarded by most socialists and many liberals as something relative and the intelligentsia tended to dismiss European legal norms as inappropriate or inapplicable in the Russian Empire. Socialists often dismissed European law as only benefitting exploiters, while many liberals found European law distasteful for appealing to people's self-interest rather than to a sense of virtue. Many Russian conservatives adhered to Slavophile arguments that European law was based on cold principles of rationalism and could not provide a sense of justice that Russian Orthodoxy enabled. One can argue that the low level of legal consciousness both among many members of the government and political classes created virtually ideal conditions for the development of mass terrorism on a scale unknown in European countries during this period. What emerged was a massive sense that everything was permissible in political matters. This mentality brought many members of the government and political classes close to embracing antinomianism – a concept that people are no longer bound by traditional bonds of morality and legality.

If we attempt to construct a common European historical narrative about terrorism, then the specific historical conditions in Russia beginning with the emancipation of the serfs in 1861 must be taken into account to explain how terrorism in the Russian Empire took a virtually unique path compared to the rest of Europe. However, this does not mean that people in Russia were more bloodthirsty than people in other European countries and that this is one more example of "Russian backwardness". Europe before the outbreak of the First World War in 1914 was convulsed by a culture of violence. As French cultural historian Jacques Barzun noted: "No one who has not waded through some sizeable part of the literature of the period 1870-1914 has any conception of the extent to which it is one long call for blood, nor at the variety of parties, classes, nations, and races whose blood was separately and contradictorily clamored for by the enlightened citizens of the ancient civilizations of Europe" [23]. What happened was that Russia had a large contingent of people who had broken earlier with traditional restraints against killing compared to the rest of Europe. Europeans on a mass scale abandoned restraints against killing when war broke out in 1914.

Let us examine the specific historical setting in the Russian Empire that made the origins, development, and consequences of terrorism possible on a mass scale. The historical setting for terrorism cannot be over-emphasized. Otherwise, attempts to formulate definitions of terrorism turn into a futile exercise in discussing abstractions. Terrorism in Russia emerged and developed in a specific historical period – the history of the post-reform Russian Empire between 1861 and 1917. The abolition of serfdom in 1861 and the other great reforms of the 1860s and 1870s launched the beginning of the great transition of Russia from the pre-industrial age to the industrial age. In Marxist terms, this is the transition from feudalism to capitalism. The post-reform period of the history of the Russian Empire was the local equivalent of the European-wide transition from the pre-industrial age to the industrial age. This great transition in Europe, including Russia, was a stormy period of economic crises, enormous political-social tensions, and mass disorientation of populations. The causes of social anxiety included the collapse of pre-industrial political and social relations and a crisis of values [24].

The years from 1861 to 1917 in Russia were marked by rapid changes – industrialization, urbanization, the formation of new social classes and groups, the expansion of education, the rise of ethnic consciousness among the empire's more than 100 ethnic groups. This period was also one of immense stresses and strains, marked by wars including the Russo-Turkish War, Russo-Japanese War and World War One and by decades of political unrest and the revolution of 1905-1907. Russia was becoming a European state long before 1917. The development of industries, cities, educational system, mass communication, the rise of new social strata, especially the professional classes, indicated that "Russian backwardness" in the economic sense was not really a cause of the revolution of 1917. In Russia, the abolition of serfdom broke apart the foundation of the pre-industrial order and launched the beginning of the disintegration of other traditional relationships and values. There were many sharp conflicts between different strata of the population along political, estate, class, ethnic, religious, regional, age, gender, and other lines. There were also intense conflicts within many strata and groups in society. Conflicts between the government and different social groups intensified along with conflicts between groupings

within the Imperial government. The post-reform period in Russia was, to use the expression of French historian Fernand Braudel, "*une longue duree*" – a long-term period of the slow accumulation of major changes.

Political terrorism in the Russian Empire formed an integral part of a continual debate running from 1861 to 1917 over Russia's future centered on the question "Where are you going Russia?". The major political question that preoccupied the government and political classes (i.e. the intelligentsia, the educated classes, and those participating in political parties and movements) was the political development of Russia in relation to Europe. Two major options emerged for those concerned about the country's political development.

1. Would Russia become another European state? All European states in this period were constitutional/semi-constitutional monarchies or republics. Thus, Russia could become another European liberal, bourgeois, constitutional, parliamentary state based upon the rule of law. Certainly, the judicial reform of 1864 was a major step in this direction.

2. Or would Russia remain distinct from other European states? Not only conservatives of different tendencies believed in Russia's special path, but also many socialists and liberals took this view.

It is tempting to suggest that the revolution of 1905-1907 resolved this question about the state and social development of the Russian Empire. The Manifesto of October 17, 1905, signed by Tsar Nicholas II, granted a State Duma and political freedoms. This act transformed the autocratic state order into a semi-autocratic/semi-constitutional state order and brought Russia nearer to European states. However, the October Manifesto did not launch the beginning of a transition by Russia into the realm of European statehood. The major barrier on the road to Russia's constitutional development was the disagreement of Nicholas II and many representatives of the government and political classes with the model of European liberal statehood and law, particularly in the areas of legal restraints upon government, society, and individuals. Until the end of his reign, Nicholas II believed that he had signed the October Manifesto under duress and that he was free to alter or revoke it. Socialists and liberals regarded the Manifesto as a sign of weakness by the government and believed that the granting of political freedom had created ideal conditions for the final assault upon the autocracy. Leftist parties and anarchists carried out thousands of terrorist acts after the promulgation of the Manifesto. Rightists regarded the October Manifesto as a betrayal of the autocracy and the work of subversive elements in the bureaucracy aided by internal enemies. They formed right-wing organizations to mobilize support for a *revolution from the right*, dedicated to restoring Russia's uniqueness. Representatives of the government and political classes had reached a virtually unique consensus in Russian history on the empire's political development [25]. This rejection of a European model of statehood was unprecedented in the history of European revolutions and strongly influenced the course of events in the Duma monarchy from 1906 to 1917 and in 1917, especially between the February and October revolutions [26]. Note that the views of members of the government and political classes constituted the views of a minority of the population. Peasants and members of other lower classes constituted the overwhelming majority of Russia's population. They had their own conceptions of government and law and were overwhelming monarchist. However, the monarchism of the lower classes, like elsewhere in Europe, was expressed in a longing for a Father Tsar who would punish the evil nobles and officials responsible for the suffering of the common people. This type of monarchism could not serve as a base of support for the autocracy. Two minorities – the establishment of the government and a counter-establishment of the political classes – determined the political development of Russia in the years before and after the 1905 Revolution.

What has been generally ignored by historians is that Russian terrorists, starting in the 1870s, made their own contribution to this rejection of European norms of statehood and law. A hidden aim of terrorists was using terrorism as a pre-emptive strike against the development of the Russian Empire in the direction of European liberal statehood. This tactic of a pre-emptive strike was, in its own way, a major contribution of the terrorists to the special path of the Russian Revolution. Two waves of terrorism ensured that in 1881 and 1905 Russia failed to turn in

the direction of liberal European norms of statehood and legality. As former Hungarian communist Tibor Szamuely noted about the People's Will: «"Narodnaya Volya" destroyed itself by achieving its supreme triumph. Its history is usually referred to as a glorious failure. What had it gained for the Russian people? Nothing. It had merely frittered away its members' lives in acts of individual terrorism that were inevitably doomed to failure. Such is the conventional view. It is wrong. In terms of its own purposes "Narodnaya Volya" was completely successful. It had sacrificed itself on the blood-stained altar of revolution, but in death it was triumphant. The revolution had won the race for time. The main aim had been accomplished: Russia's constitutional bourgeois development had been stopped. It was only resumed twenty-five years later, and by then it was too late» [27].

In conclusion, it is time to recognize that the history of political terrorism in the Russian Empire between 1866 and 1911 deserves deeper study to determine its place in the overall European context of the history of political violence and lessons for today's wars against terrorism. One major erroneous conclusion made by many historians is that terrorism failed in Russia because terrorists could neither overthrow the government nor ignite a revolution. The historical record shows that the left-wing terrorists accomplished some significant victories. These included:

- Winning the support of Russian liberals and other opposition forces in the Empire. This diminished the government's base of support.
- Convincing many European and North American liberals and socialists that political terrorism was a completely legitimate means of struggle against a repressive government.
- Winning the support of socialists who objected to terrorism as a means of struggle.
- Setting an example to non-Russian minority nationalists to use terrorism.
- Winning the sympathy and support of great writers. The exoneration of the terrorists by Leo Tolstoy in his letter "I Cannot Be Silent" is virtually unparalleled in the history of terrorism.
- Influencing the organization of right-wing terrorist organizations and mass movements that threatened the autocracy with a "revolution from the right" and further diminished the base of support for the government.
- Provoking the government into using more repressive policies to maintain and undermining the court reform that could have taken Russia in the direction of becoming a state based upon the rule of law.

Few other terrorist movements in history have achieved so many victories. Following articles will investigate the goals, organizations, and practices of terrorists in the two major waves of terrorism and the responses of liberals, conservatives, and the government.

To be continued

REFERENCES AND NOTES

1. All dates occurring in Russia are given according to the Julian calendar. Days in the Julian Calendar ran behind the Gregorian Calendar 12 days in the XIX century and 13 days in the XX century.
2. The author of this series gave a lecture in Vienna in October, 2016 about terrorism in the Russian Empire between 1866 and 1911. Rocchi, Tony. Political terrorism in the Russian Empire: the birth of terrorism in the modern world. Presented to the Austrian Institute for European and Security Policy, Vienna, Austria, October 19, 2016, (In English)
https://www.academia.edu/28533114/Political_Terrorism_in_the_Russian_Empire_the_birth_of_terrorism_in_the_modern_world.
3. Nechaev, S. G. The Catechism of the Revolutionary. (In English).
<https://www.marxists.org/subject/anarchism/nechayev/catechism.htm>.
4. Major studies of the first wave of terrorism include: Volk, S. S. Narodnaya Volya, 1879-1882 [The People's Will, 1879-1882]. Moscow: Nauka, 1966 (In Russian); Zajonchkovskij, P. A. Krizis samodержavija na rubezhe 1870-1880-h godov [The crisis of the autocracy in the late 1870s and early 1880s]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1964 (in Russian); Itenberg, B. S. Dvizhenie revolyucionnogo narodnichestva: narodnicheskie kruzheniya i "hozhenie v narod" v 70-h

- godah XIX v. [The movement of revolutionary populism: populist circles and "the Going to the People" in the 1870s]. Moscow: Nauka, 1965 (In Russian); Naimark, Norman M. Terrorists and social democrats: the Russian revolutionary movement under Alexander III. Cambridge MA: Cambridge University Press, 1983 (In English); Yarmolinsky, Avraham. Road to revolution: a century of Russian radicalism. Princeton NJ: Princeton University Press, 1986 (In English).
5. The major study about the second wave of terrorism is: Geifman, Anna. Thou shalt kill: revolutionary terrorism in Russia, 1894-1917. Princeton NJ: Princeton University Press, 1993 (In English). The Russian translation is available in electronic format. Geifman, Anna. Revolyucionnij terror v Rossii, 1894-1917 [Revolutionary terror in Russia, 1894-1917]. Moscow: KRON-PRESS, 1997. (In Russian).
http://royallib.com/book/geyfman_anna/revolyutsionnij_terror_v_rossii_1894_1917.html. Some major studies of the second wave of terrorism include: Gula, R. V. and V. D. Agoniya Leviatana. Chast' I: Passionarii i yuridovye. Politicheskij terror i terrorizm v Ukraine (1900-1914 gg.) [The agony of Leviathan. Part I: Passionaries and holy fools. Political terror and terrorism in Ukraine (1900-1914)]. Kiev: Geoprint, 2016. (In Russian); Individual'nyj politicheskij terror v Rossii (XIX-nachalo XX vv) [Individual political terror in Russia (19th-early 20th centuries)]. Conference materials. Moscow: Memorial, 1996, Available in electronic format:
<http://old.memo.ru/history/terror/> (In Russian). Terrorizm v Rossii v nachale XX v. [Terrorism in Russia in the early 20th century]. Istoricheskij Vestnik = Historical Messenger. Vol. 2 [149], December 2012. Available in electronic format:
<https://www.runivers.ru/upload/iblock/ec9/istoricheskijvestnik.pdf>. (In Russian). For detailed information about the Revolution of 1905-1907 and about political parties and movements, see: Neproletarskie partii v Rossii: urok istorii [Non-proletarian parties in Russia: the lesson of history]. Moscow: Mysl', 1984. (In Russian); Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale XX veka. 4 tomy [The movement of society in Russia at the start of the XX century]. 4 volumes. Moscow: Obshchestvennaya pol'za, 1909. (In Russian). Pavlov S. B. Opyt pervoj russkoj revolyucii: Rossiya 1900-1907 [The attempt of the first Russian revolution: Russia 1900-1907. Moscow: Akademicheskij Proekt, 2008 (In Russian); Pervaya revolyuciya v Rossii: vzglyad cherez stoletie [The first revolution in Russia: looking back over a century]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2005 (In Russian); Politicheskie partii Rossii, konec XIX – pervaya tret' XX veka [Political parties of Russia, from the end of the XIX century to 1930]. Moscow: "Rossiiskaya politicheskaya enciklopediya" (ROSSPEN), 1996. (In Russian); Stepanov S.A. Chernaya sotnya: chto oni sdelaali dlya velichiya Rossii [The Black Hundreds: what they did for the glorification of Russia]. Moscow: Yauza-Press, 2013 (In Russian); Chernaya Sotnya: istoricheskaya enciklopediya [The Black Hundreds: a historical encyclopedia]. Compiled by A.D. Stepanov and A.A. Ivanov. Moscow: Institut russkoj civilizacii, 2008 (In Russian); Ascher, Abraham. The revolution of 1905. 2 vol. Stanford CA: Stanford University Press, 1988-1992. Volume 1 – Russia in disarray; Volume 2 – Authority restored (In English); Avrich, Paul. The Russian anarchists. Princeton NJ: Princeton University Press, 1967 (In English).
 6. Geifman, Thou shalt kill, pp. 26-31. For detailed information about the "era of dynamite" in Europe, see: Burleigh, Michael. Blood and rage: a cultural history of terrorism. London: Harper Press, 2008 (In English); Dedijer, Vladimir. The road to Sarajevo. New York: Simon and Schuster, 1966 (In English); Joll, James. The anarchists. London: Eyre & Spottiswoode, 1964 (In English).
 7. Budnickij, O.V. Terrorizm v rossijskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, jetika, psihologiya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Terrorism in the Russian liberation movement: ideology, ethics, psychology (second half of the XIX century to the beginning of the XX century)]. Moscow: "Rossiiskaya politicheskaya enciklopediya" (ROSSPEN), 2000. (In Russian).
 8. Khalilov T.A. Recenzija na knigu Stejna Ringena «Narod d'javolov: demokraticheskie lidery i problema povinovenija». [Review of Stein Ringen's book - The Devil's People: Democratic Leaders and the Problem of Obedience]. Historical and Social-Educational Idea. 2016. Vol. 8, No. 2-2, pp. 205-206. (In Russian). DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/2-205-206.
 9. Melancon, Michael. "Marching together!": Left-Bloc Activities in the Russian Revolutionary Movement, 1900-February, 1917. Slavic Review, Vol. 49, No. 2 (Summer, 1990), pp. 239-252. (In English).
 10. For example: Ikonnikov-Galickij, Andzhej. Samobijstvo imperii: terrorizm i byurokratiya, 1866-1916 [Suicide of the empire: terrorism and bureaucracy, 1866-1916]. St. Petersburg: LIMBUS PRESS, 2016 [in Russian]. The conspiracy theory of a union of terrorists and bureaucrats surfaced after the assassination of Tsar Alexander II. Other villains in conspiracy theories include British intelligence, Freemasons, and Jews.

11. Rocchi, Anthony. Political trials in Imperial Russia under the reformed courts, 1864-1894. London ON, Canada, 1978. (Unpublished master's thesis. In English).
12. Lenin, Vladimir. Why the Social-Democrats Must Declare a Determined and Relentless War on the Socialist-Revolutionaries. [July, 2002].
<https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1902/jul/00.htm>. (In English).
13. Sterling, Claire. The terror network: the secret war of international terrorism. New York: Holt, Rhinehart, and Winston, 1981. (In English); Genri, Ernst. Protiv terrorizma [Against Terrorism]. Moscow: Izdatel'stvo Agenstva Novosti, 1981. (In Russian); Vitjuk, V. V., Jefirov, S. A. "Levyj" terrorizm na Zapade: istoriya i sovremennost' ["Left" terrorism in the West: past and present]. Moscow: Nauka, 1987. (In Russian).
14. For example, see how Vladimir Lenin used these euphemisms in 1906. Lenin, Vladimir, The present situation in Russia and the tactics of the workers' party (February 1906)
<http://www.marxists.org/archive/lenin/works/1906/feb/07.htm>. (In English).
15. Verkaikk, Oscar. Terrorism. International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 8. 2nd Edition. Detroit MI: Macmillan Reference USA, 2008, pp. 328-330, p. 328. (In English).
16. Wiegand, Krista E. Terrorism. International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 8. 2nd Edition. Detroit MI: Macmillan Reference USA, 2008, pp. 330-331, p. 330 (In English).
17. Martha Crenshaw is a senior researcher at the National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism at Maryland University. The consortium publishes a database of terrorist incidents from the 1870s to the present. Global Terrorism Database.
<http://www.start.umd.edu/gtd/>. (In English).
18. Crenshaw, Martha. The Causes of Terrorism. Comparative Politics, Vol. 13, No. 4 (Jul., 1981), pp. 379-399, p. 384. (In English).
19. Ibid, p. 385.
20. Ibid, pp. 395-396.
21. Through a comparative analysis of European revolutions, one can trace the development of government repressions against political opponents. For detailed information about terror in all stages of the French Revolution, see: Andress, David. The terror: civil war in the French Revolution. London: Little, Brown, 2005 (In English); Brown, Howard A. Domestic State Violence: Repression from the Croquants to the Commune. The Historical Journal, Vol 42, No. 3 (Sept., 1999), pp. 597-622 (In English); Doyle, William. The Oxford history of the French Revolution. 2nd ed. Oxford; New York: Oxford University Press, 2002 (In English); McPhee, Peter. Liberty or death: the French Revolution. New Haven CT: Yale University Press, 2016 (In English); Secher, Reynald. A French genocide: the Vendee. Notre Dame IN: University of Notre Dame Press, 2003 (In English); Sutherland, Donald. The French revolution and Empire: the quest for a civic order. Malden MA; Oxford: Blackwell Pub., 2003 (In English); Tackett, Timothy. The coming of the terror in the French Revolution. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2015 (In English). For a comparison of the French Revolution with other revolutions in the age of the "democratic revolutions", see: Godechot, Jacques Leon. La grande nation: l'expansion revolutionnaire de la France dans le monde, 1789-1799 [The great nation: revolutionary expansion of France in the world, 1789-1799]. 2e ed. Paris: Aubier Montaigne, 1983 (In French); Godechot, Jacques Leon. Les revolutions (1770-1799) [Revolutions (1770-1799)]. Paris: Presses universitaires de France, 1970 (In French); Godechot, Jacques Leon. The counter-revolution: doctrine and action, 1789-1804. Translated from the French by Salvator Attanasio. New York: H. Fertig, 1971 (In English); Palmer, R. R. The age of the democratic revolution: a political history of Europe and America. 2 vol. Princeton NJ: Princeton University Press, 1959-1964 (In English). For information about the European revolutions of 1848-1849, see: Dowe, Dieter. (ed.). Europe in 1848: revolution and reform. Translated by David Higgins. New York: Berghahn Books, 2000 (In English); Rapport, Michael. 1848: year of revolution. New York: Basic Books, 2009 (In English); Revolyucii 1848-1849 gg. [The revolutions of 1848-1849], 2 vol. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk, 1952 (In Russian) Революции 1848-1849 гг. 2 тома. Москва: Издательство Академии наук, 1952; Sperber, Jonathan. The European revolutions, 1848-1851. New York: Cambridge University Press, 2005. (In English).
22. For information about the state security policy of the autocracy, see: Peregudova Z.I. Politicheskij sysk Rossii: 1880-1917 [Political investigation in Russia: 1800-1917]. Moscow: "Rossiiskaya politicheskaya enciklopediya" (ROSSPEN), 2000 (In Russian); Stepanov, Sergei and Charles Ruud. Fontanka 16. Politicheskij sysk pri caryah [Fontanka 16. Political investigation under the tsars]. Moscow: Mysl, 1993 (In Russian). English translation. Ruud, Charles A. and Sergei A. Stepanov. Fontanka 16: the tsar's secret police. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1999. (In English); Daly, Jonathan W. Criminal Punishment and Europeanization in Late Imperial Russia. Jahr-

- bucher fur Geshichte Osteuropas. Neue Folge. Bd. 48. H. 3 (2000), pp. 341-362 (In English); Daly, Jonathan W. Autocracy under siege: security police and opposition in Russia, 1866-1905. DeKalb IL: Northern Illinois University Press, 1998 (In English); Daly, Jonathan W. On the Significance of Emergency Legislation in Late Imperial Russia. Slavic Review, Vol 54, No. 3 (Autumn, 1995), pp. 602-629 (In English); Daly, Jonathan W., Political Crime in Late Imperial Russia. The Journal of Modern History, Vol. 74, No. 1 (March 2002), pp. 62-100. (In English); Daly, Jonathan W. The watchful state: security police and opposition in Russia, 1906-1917. DeKalb IL: Northern Illinois University Press, 2004 (In English); Fuller, William C. Civil-military conflict in Imperial Russia, 1881-1914. Princeton NJ: Princeton University Press, 1985 (In English); Fuller, William C. Civilians in Russian Military Courts, 1881-1904. The Russian Review, Vol 41, No. 3 (Jul., 1982), c. 288-305 (In English); Rawson, Donald. The Death Penalty in Late Tsarist Russia: an Investigation of Judicial Procedures. Russian History, Vol. 11, No. 1 (1984), pp. 29-52. (In English). Literature about the political trials of the populists and members of the People's Will between 1866 and 1894 is extensive thanks to the enormous documentation. The fiery speeches of the defendants and their lawyers have a special place in the literature. The Soviet historian N. A. Troickij wrote many books on these trials. See: Troickij, N. A. Carskie sudy protiv revolyucionnoj Rossii: Politicheskie processy, 1871-1880 gg. [Tsarist courts against revolutionary Russia: Political trials, 1871-1990]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1976 (In Russian); Troickij N.A. Bezumstvo hrabryh: russkie revolyucionery i karatel'naya politika carizma, 1866-1882 gg. [The madness of the bold: Russian revolutionaries and the punitive policy of tsarism]. Moscow: Mysl', 1978 (In Russian); N. A. Troickij, N. A. Carizm pod sudom progressivnoj obshhestvennosti, 1866-1895 gg. [Tsarism on trial by progressive public opinion]. Moscow: Mysl', 1979 (In Russian); Troickij N.A. "Narodnaya Vol'ya" pered carskim sudom ["The People's Will" before the tsarist court]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1983. (In Russian).
23. Quoted in Pipes, Richard. The Russian Revolution. New York: Knopf, 1991, p. 501. (In English).
24. British historian Eric Hobsbawm explores in great detail the history of the complex transition from the pre-industrial age to the industrial age in Europe. Hobsbawm, E. J. The age of revolution, 1789-1848. New York: New American Library, 1962; (In English) Hobsbawm, E. J. The age of capital, 1848-1875. London: Weidenfeld and Nicolson, 1975 (In English); Hobsbawm, E. J. The age of empire, 1875-1914. London: Weidenfeld and Nicolson, 1987. (In English).
25. Khalilov T.A. Recenzija na knigu izvestnogo istorika N.F. Bugaj o kazakah juga Rossii. [Review of the book of the famous historian N.F. Bugay about the Cossacks of South Russia]. Historical and Social-Educational Idea. 2015. Vol. 7. No. 6-2. Pp. 355. (In Russian).
26. For detailed information about the collapse of the Russian state and society in 1917 and the Civil War, see: Buldakov, V. P. Krasnaya smuta: priroda i posledstviya revolyucionnogo nasiliya [Red turmoil: the nature and consequences of revolutionary violence]. 2nd ed. with added material. Moscow: Fond pervogo presidenta Rossii B. N. El'cyna, 2010. (In Russian); Buldakov, V. P. Haos i etnos: etnicheskie konflikty v Rossii, 1917-1918 gg: usloviya voznikoveniya, hronika, kommentarii, analiz [Chaos and ethnicity: ethnic conflicts in Russia, 1917-1918: conditions of emergence, chronicle, commentaries, analysis. Moscow: Novyj hronograf, 2010. (In Russian); Istoriya Rossii XX vek., 1894-1939 [History of Russia in the 20th century, 1894-1939], Moscow: Astrel', 2011 (In Russian); Rossijskaya revolyuciya 1917 goda: vlast' obshhestvo kul'tura [The Russian Revolution of 1917: authority society culture] 2 vol. Moscow: Moscow: Rossiiskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2017. (In Russian); Rossiya v 1917 godu: enciklopediya [Russia in 1917: an encyclopedia]. Moscow: "Rossiiskaya politicheskaya enciklopediya" (ROSSPEN), 2017. (In Russian) Chamberlin, William Henry. The Russian revolution. 2 vol. New York: Macmillan, 1935 (In English); Figes, Orlando. A people's tragedy, the Russian Revolution, 1891-1924. New York: Penguin Books, 1998 (In English); Pipes, Richard. The Russian Revolution. New York: Knopf, 1990 (In English); Pipes, Richard. Russia under the Bolshevik regime, 1919-1924. New York: Knopf, 1993 (In English)
27. Szamuely, Tibor. The Russian tradition. London: Secker & Warburg, 1974, p. 368. (In English).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Все даты даются согласно юлианскому календарю. В XIX веке различие между юлианским и григорианским календарем составляло 12 дней; в XX веке – 13 дней.
2. Автор серии прочитал лекцию в Вене в октябре 2016 году о терроризме в Российской империи между 1866 и 1911 годами. Rocchi, Tony. Political terrorism in the Russian Empire: the birth of terrorism in the modern world. Presented to the Austrian Institute for European and Security Policy, Vi-

- enna, Austria, October 19, 2016,
https://www.academia.edu/28533114/Political_Terrorism_in_the_Russian_Empire_the_birth_of_terrorism_in_the_modern_world.
3. Нечаев С.Г. Катехизис революционера. Режим доступа:
<http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/nechaev.htm>.
 4. Среди главных исследований первой волны терроризма: Волк С.С. Народная Воля, 1879-1882. Москва: Наука, 1966. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. Москва: Издательство Московского университета, 1964; Итенберг Б.С. Движение революционно-го народничества: народнические кружки и "хождение в народ" в 70-х годах XIX в. Москва: Наука, 1965; Naimark, Norman M. Terrorists and social democrats: the Russian revolutionary movement under Alexander III. Cambridge MA: Cambridge University Press, 1983; Yarmolinsky, Avraham. Road to revolution: a century of Russian radicalism. Princeton NJ: Princeton University Press, 1986.
 5. См. главное исследование о второй волне терроризме: Geifman, Anna. Thou shalt kill: revolutionary terrorism in Russia, 1894-1917. Princeton NJ: Princeton University Press, 1993. Русский перевод в электронной форме. Гейфман Анна. Революционный террор в России, 1894-1917. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. Режим доступа:
http://royallib.com/book/geyfmn_anna/revolyutsionniy_terror_v_rossii_1894_1917.html. Некоторые главные исследования второй волны терроризма включают; Гула Р.В., Гула В.Д. Агония Левиафана. Часть I: Пассионарии и юридические. Политический террор и терроризм в Украине (1900-1914 гг.), Киев: Геопринт, 2016; Индивидуальный политический террор в России (XIX – начало XX вв.): Материалы конференции. Москва: Мемориал, 1996. Режим доступа:
<http://old.memo.ru/history/terror/>. Терроризм в России в начале XX в. Исторический Вестник. Том 2 второй [149], Декабрь 2012. Режим доступа:
<https://www.runivers.ru/upload/iblock/ec9/istoricheskyyvestnik.pdf>. Для подробной информации о Революции 1905-1907 годов и о политических партиях и движениях, см.: Непролетарские партии в России: урок истории. Москва: Мысль, 1984; Общественное движение в России в начале 20-ого века. 4 тома. Петербург: Общественная польза, 1909; Павлов С. Б. Опыт первой революции: Россия 1900-1907. Москва: Академический Проект, 2008; Первая революция в России: взгляд через столетие. Москва: Памятники исторической мысли, 2005; Политические партии России, конец XIX – первая треть XX века: энциклопедия. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996; Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России. Москва: Яуза-пресс, 2013; Черная сотня: историческая энциклопедия. Составители А.Д. Степанов, А.А. Иванов. М.: Институт русской цивилизации, 2008; Ascher, Abraham. The revolution of 1905. 2 vol. Stanford CA: Stanford University Press, 1988-1992. Volume 1 – Russia in disarray; Volume 2 – Authority restored; Avrich, Paul. The Russian anarchists. Princeton NJ: Princeton University Press, 1967.
 6. Geifman, Thou shalt kill, с. 26-31. Для подробной информации об “эпохе динамита” в Европе, см.: Burleigh, Michael. Blood and rage: a cultural history of terrorism. London: HarperPress, 2008; Dedijer, Vladimir. The road to Sarajevo. New York: Simon and Schuster, 1966; Joll, James. The anarchists. London: Eyre & Spottiswoode, 1964.
 7. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000.
 8. Халилов Т.А. Рецензия на книгу Стейна Рингена «Народ дьяволов: демократические лидеры и проблема повиновения» // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Том 8. № 2-2. - С. 205-206. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/2-205-206.
 9. Melancon, Michael. “Marching together!”: Left-Bloc Activities in the Russian Revolutionary Movement, 1900-February, 1917. Slavic Review, Vol. 49, No. 2 (Summer, 1990), pp. 239-252.
 10. См., напр.: Иконников-Галицкий, Анджей. Самобийство империи: терроризм и бюрократия, 1866-1916. Второе издание, дополненное. Санкт-Петербург: ЛИМБУС ПРЕСС, 2016. Конспирологическая теория союза террористов и бюрократов возникла после убийства царя Александра II. Другие злодеи в конспирологических теориях включают британскую разведку, франкмасонов и евреев.
 11. Rocchi, Anthony. Political trials in Imperial Russia under the reformed courts, 1864-1894. London ON, Canada, 1978. (Unpublished master’s thesis).
 12. Ленин В.И. Почему Социал-Демократия должна объявить решительную и беспощадную войну Социалистам-Революционерам? Полное Собрание Сочинений, Изданное пятое. Том 6, Январь-август, 1902 г. <http://uaio.ru/vil/06.htm#s377>.

13. Sterling, Claire. The terror network: the secret war of international terrorism. New York: Holt, Rhinehart, and Winston, 1981; Генри, Эрнст. Против терроризма. М.: Издательство Агентства печати Новости, 1981; Витюк В.В., Эфиоров С.А. "Левый" терроризм на Западе: история и современность. М.: Наука, 1987.
14. См. как В.И. Ленин использовал эти эвфемизмы в 1906 году. Ленин В.И. Современное положение России и тактика рабочей партии. Полное Собрание Сочинений, Изданное пятое, Том 12, Октябрь 1905-апрель 1906 гг. <http://uaio.ru/vil/12.htm#s175>.
15. Verkaikk, Oscar. Terrorism. International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 8. 2nd Edition. Detroit MI: Macmillan Reference USA, 2008, pp. 328-330, p. 328.
16. Wiegand, Krista E. Terrorism. International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 8. 2nd Edition. Detroit MI: Macmillan Reference USA, 2008, pp. 330-331, p. 330.
17. Марта Крэншав – старшая исследовательница при Национальном консорциуме к изучению терроризма и ответных мер к терроризму при Университете Мэрилэнда в США. Консорциум издает базу данных о терактах с 1970-х годов до сегодняшних дней. База данных о глобальном терроризме: <http://www.start.umd.edu/gtd/>.
18. Crenshaw, Martha. The Causes of Terrorism. Comparative Politics, Vol. 13, No. 4 (Jul., 1981), pp. 379-399, p. 384.
19. Там же, p. 385.
20. Там же, p. 395-396.
21. Через сравнительный анализ европейских революций можно проследить развитие правительственных репрессий против политических противников. Для подробной информации о терроре на всех этапах Французской революции, см.: Andress, David. The terror: civil war in the French Revolution. London: Little, Brown, 2005; Brown, Howard A. Domestic State Violence: Repression from the Croquants to the Commune. The Historical Journal, Vol 42, No. 3 (Sept., 1999), pp. 597-622; Doyle, William. The Oxford history of the French Revolution. 2nd ed. Oxford; New York: Oxford University Press, 2002; McPhee, Peter. Liberty or death: the French Revolution. New Haven CT: Yale University Press, 2016; Secher, Reynald. A French genocide: the Vendee. Notre Dame IN: University of Notre Dame Press, 2003; Sutherland, Donald. The French revolution and Empire: the quest for a civic order. Malden MA; Oxford: Blackwell Pub., 2003; Tackett, Timothy. The coming of the terror in the French Revolution. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard; Godechot, Jacques Leon. La grande nation: l'expansion revolutionnaire de la France dans le monde, 1789-1799. 2e ed. Paris: Aubier Montaigne, 1983; Godechot, Jacques Leon. Les revolutions (1770-1799). Paris: Presses universitaires de France, 1970; Godechot, Jacques Leon. The counter-revolution: doctrine and action, 1789-1804. Translated from the French by Salvator Attanasio. New York: H. Fertig, 1971; Palmer, R. R. The age of the democratic revolution; a political history of Europe and America. 2 vol. Princeton NJ: Princeton University Press, 1959-1964; Dowe, Dieter. (ed.). Europe in 1848: revolution and reform. Translated by David Higgins. New York: Berghahn Books, 2000; Rapport, Michael. 1848: year of revolution. New York: Basic Books, 2009; Революции 1848-1849 гг. 2 тома. М.: Издательство Академии наук, 1952; Sperber, Jonathan. The European revolutions, 1848-1851. New York: Cambridge University Press, 2005.
22. Для сведений об охранительной политике самодержавия, см.: Перегудова З.И. Политический сыск России: 1880-1917. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000; Сергей Степанов и Чарльз Рууд. Фонтанка 16. Политический сыск при царях. Москва: Мысль, 1993. Перевод на английском языке: Ruud, Charles A. and Sergei A. Stepanov. Fontanka 16: the tsar's secret police. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1999; Daly, Jonathan W. Autocracy under siege: security police and opposition in Russia, 1866-1905. DeKalb IL: Northern Illinois University Press, 1998; Daly, Jonathan W. Criminal Punishment and Europeanization in Late Imperial Russia. Jahrbucher fur Geshichte Osteuropas. Neue Folge. Bd. 48. H. 3 (2000), c. 341-362; Daly, Jonathan W. On the Significance of Emergency Legislation in Late Imperial Russia. Slavic Review, Vol 54, No. 3 (Autumn, 1995), s. 602-629; Daly, Jonathan W., Political Crime in Late Imperial Russia. The Journal of Modern History, Vol. 74, No. 1 (March 2002), c. 62-100; Daly, Jonathan W. The watchful state: security police and opposition in Russia, 1906-1917. DeKalb IL: Northern Illinois University Press, 2004; Fuller, William C. Civil-military conflict in Imperial Russia, 1881-1914. Princeton NJ: Princeton University Press, 1985. Fuller, William C. Civilians in Russian Military Courts, 1881-1904. The Russian Review, Vol 41, No. 3 (Jul., 1982), c. 288-305; Rawson, Donald. The Death Penalty in Late Tsarist Russia: an Investigation of Judicial Procedures. Russian History, Vol. 11, No. 1 (1984), pp. 29-52. Литература о политических процессах народников и народолюбцев между 1866 и 1894 годами обширная благодаря огромной документации. Пламенные речи подсудимых и их защитников занимают особое место в литера-

- туре. Советский историк Н.А. Троицкий написал много книг об этих процессах. См.: Троицкий Н.А. Царские суды против революционной России: Политические процессы, 1871-1880 гг. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1976; Троицкий Н.А. Безумство храбрых: русские революционеры и карательная политика царизм, 1866-1882 гг. М.: Мысль, 1978; Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности, 1866-1895 гг. М.: Мысль, 1979. Троицкий Н.А. "Народная Воля" перед царским судом, 1881-1894. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1983.
23. Цит. по: Pipes, Richard. The Russian Revolution. New York: Knopf, 1991, p. 501.
24. История сложного перехода от доиндустриального к индустриальному веку в Европе исследовалась подробно британским историком Эриком Хобсбаумом: Hobsbawm E. J. The age of revolution, 1789-1848. New York: New American Library, 1962; Hobsbawm E. J. The age of capital, 1848-1875. London: Weidenfeld and Nicolson, 1975; Hobsbawm E. J. The age of empire, 1875-1914. London: Weidenfeld and Nicolson, 1987.
25. Халилов Т.А. Рецензия на книгу известного историка Н.Ф. Бугая о казаках юга России // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2015. - Т. 7.- № 6-2. - С. 355.
26. Для подробной информации о распаде российского государства и общества в 1917 году и гражданской войне, см.: Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е, доп. М.: Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2010; Булдаков В.П. Хаос и этнос: этнические конфликты в России, 1917-1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарии, анализ. М.: Новый хронограф, 2010; История России XX век. 1894-1939. М.: Астрель, 2011; Российская революция 1917 года: власть общество культура. 2 тома. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2017; Россия в 1917 году: энциклопедия. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2017; Chamberlin, William Henry. The Russian revolution. 2 vol. New York: Macmillan, 1935; Figes, Orlando. A people's tragedy, the Russian Revolution, 1891-1924. New York: Penguin Books, 1998; Pipes, Richard. The Russian Revolution. New York: Knopf, 1990; Pipes, Richard. Russia under the Bolshevik regime, 1919-1924. New York: Knopf, 1993.
27. Szamuely, Tibor. The Russian tradition. London: Secker & Warburg, 1974, p. 368.

Информация об авторе:

Tony Rocchi, Master of Arts (History), Master of Library and Information Science, Librarian, Toronto Reference Library, Toronto, Canada
tony.rocchi@gmail.com

Received: 25.07.2018

Information about the author:

Рокки Тони, магистр исторических наук, магистр библиотековедения, научный сотрудник библиотеки, Справочная библиотека Торонто, г. Торонто, Канада
tony.rocchi@gmail.com

Получена: 25.07.2018

УДК 930.1

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-53-61

ХРОМОВА Елена Борисовна
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет
г. Пермь, Россия
khromovalena@mail.ru

E. B. KHROMOVA
Perm National Research Polytechnic University
Perm, Russia
khromovalena@mail.ru

**ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ
АНТРОПОЛОГИИ В РОССИИ: ВКЛАД ИСТОРИИ
МЕНТАЛЬНОСТЕЙ**

**FROM BACKGROUND OF HISTORICAL
ANTHROPOLOGY FORMATION IN RUSSIA:
CONTRIBUTION OF HISTORY OF MENTALITIES**

В статье прослеживается вклад французской истории ментальностей в становление историко-антропологических исследований в России. В российской историографии зачастую проводится знак равенства между исторической антропологией и историей ментальностей, хотя не все исследователи поддерживают эту точку зрения. Поэтому прежде всего, в статье даётся краткое описание основных произведений школы «Анналов», по праву считающейся лидером такого научного направления, как история ментальностей. Даётся обзор основных тенденций и направлений этой школы. Поскольку историко-антропологические исследования в России имеют свою предысторию, рассматриваются работы российских учёных, научные интересы которых так или иначе перекликались с историей ментальностей. Определяется место истории ментальностей в советских гуманитарных исследованиях. Подробно рассмотрено творчество российского историка А.Я. Гуревича, по мысли которого изучение ментальностей должно быть отправной точкой любого исследования, а также и методом изучения культуры и многих других аспектов истории. Именно работы этого учёного создали почву для успеха концепта «ментальность» в российских гуманитарных науках. Кроме того, А.Я. Гуревич считал историческую антропологию продолжением истории ментальностей. Оставляя историческую антропологию и историю ментальностей в рамках одного направления, автор статьи кратко рассматривает также родственные направления истории ментальностей на современном этапе.

The way of historical and anthropological formation research in Russia is retraced in the article. In Russian historiography, there is often a sign of equality between historical anthropology and the history of mentalities, although not all researchers support this view. First of all, the short description of mentalities history at the French historical school of "Annals" is given, it is conventional considered as the leader of this scientific direction. The main directions of this school is given. The creativity of the Russian scientists whose scientific interests had anyway something in common with the history of mentalities, the most known direction of historical and anthropological research in Russia is considered. The place of the history of mentalities in humanitarian research in the USSR is defined. The works of the Russian historian A. Ya. Gurevich whose success of works have caused popularity of mentalities history in Russia are considered in details. Mentalities – social mental sets and habits of one welfare community representatives' consciousness – and their studying, according to A.Ya. Gurevich, has to be not only a starting point of any research, but also a method of studying both: culture and other aspects of history. At the modern stage the historical anthropology can be considered as continuation of mentalities history together with other directions, for example, by microhistory, history of daily life, political anthropology.

Ключевые слова: школа «Анналов», М. Блок, Л. Февр, ментальность, В.О. Ключевский, Л.П. Карсавин, А.Я. Гуревич, картина мира, историческая антропология, микроистория, история повседневности.

Для цитирования: Хромова Е.Б. Из истории становления исторической антропологии в России: вклад истории ментальностей. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 5 -1. с.53-61.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-53-61.

Keywords: school of "Annals", M. Bloch, L. Febvre, mentality, V. O. Klyuchevsky, L.P. Karsavin, A. Ya. Gurevich, world picture, historical anthropology, microhistory, daily life.

For citation: Khromova E.B. From background of historical anthropology formation in Russia: contribution of history of mentalities. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. no. 5-1. Pp. 53-61.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-53-61. (in Russ)

В настоящее время историческую антропологию можно считать важной составляющей современного исторического знания. В российской историографии историческую антропологию зачастую отождествляют с историей ментальностей, хотя не все исследователи теоретически признают это родственную связь. Пытаясь в этом разобраться, совершив небольшой экскурс в историю данного направления.

Общепризнанным мировым лидером в изучении истории ментальностей является французская историческая школа «Анналов». Французские историки Марк Блок и Люсьен Февр считаются отцами-основателями данного направления. Открытый ими в 1929 году журнал «Анналы экономической и социальной истории» способствовал формированию нового направления, определившего на многие десятилетия вперёд не только французской, но и мировой науки. Ключевое понятие, введённое в историческую науку М. Блоком и Л. Февром - «*mentalité*» (менталитет, ментальность). Это слово не переводится однозначно: это может быть и «умонастроение», и «коллективные представления», и «склад ума». Учёные – представители данной школы «Анналов» пришли к выводу о том, что изучение человеческой картины мира, понимание импульсов поведения людей необходимо для понимания всего хода исторических событий. Поэтому в исторической школе «Анналов» проблема роли сознания человека в истории нашла своё выражение в изучении проблем менталитета. Учёные данной школы стали рассматривать историю с антропологической точки зрения, то есть с точки зрения действующего в ней и оценивающего ее человека [1, с. 129].

В своём самом известном произведении «Проблема неверия в XVI веке: религия Рабле» Л. Февр исследует возможности человеческого мировосприятия, продиктованные его культурой и эпохой, размышляет о «мыслительном (ментальном) инструментарии» («*outillage mental*»). Эта категория, по его мнению, включает в себя те категории восприятия, концептуализации, а также выражения и действия, на основе которых организуется и индивидуальный, и коллективный опыт [2]. Тема ментальных настроений доминирует и в творчестве М. Блока. В его книгах (например, «Короли-чудотворцы», «Феодалное общество», «Апология истории, или Ремесло историка») часто фигурируют понятия «коллективное сознание» или «умонастроение» (*mentalité*). Фернан Бродель, ставший лидером «Анналов» после М. Блока и Л. Февра, сосредоточил свои научные интересы на реконструкции, главным образом, «материальной жизни» прошлого, тесно связанной с повседневностью и существующей во времени большой длительности (*longue durée*) [1, с. 130].

Учёные следующего поколения школы, получившего название «Новой исторической науки», очень широко трактуют понятия *mentalité*. Это продукт «брожения» аморфно собранных элементов внутреннего мира человека, сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, его чувств, убеждений, воли, верований, установок, моделей и стереотипов поведения, настроений, которые объединяют носителей этого менталитета в некоторую общность. Нечеткость и различность формулировок привели к тому, что каждый автор вкладывал в понятие свое содержание, обусловив в результате популярность термина [1, с. 131]. Например, у Р. Мандру *mentalité* - это то, что можно понять и ощутить, иначе говоря, это область разума и эмоций [3]. У Ж. Дюби: «Это система (именно система) в движении, являющаяся, таким образом, объектом истории, но при этом все ее элементы тесно связаны между собой; это система образов, представлений, которая в разных группах или стратах, составляющих общественную формацию, сочетаются по-разному, но всегда лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире, и, следовательно, определяют поступки и поведение людей» [4]. Ж. Ле Гофф видел в ментальности любого исторического индивида нечто общее, что данный индивид разделял со всеми другими людьми своего времени, считая, что история ментальностей существует на уровне повседневного автоматизма поведения, открывая содержание мышления индивида [5]. Как видно, отсутствие единства по поводу того, что же такое «ментальность» не пугало ученых, работающих в русле «Новой исторической науки», усматривавших в этой расплывчатости понятия его богатство и многозначность.

Во II половине XX в. данный подход перестал быть достоянием лишь французской школы «Анналов», став привлекательным и продуктивным для ученых других стран. А в России, в политически нестабильный для страны период: развал СССР, появление самостоятельных государств, рост национального самосознания, - ментальная проблематика оказалась особенно востребованной. В данном контексте в процессе научного поиска были также переосмыслены и «открыты» заново труды многих российских ученых, посвященных русской духовности и ее истокам. Мы лишь затронем исследования тех русских мыслителей, научные интересы которых так или иначе перекликаются с научной парадигмой школы «Анналов».

Русский историк *Н.М. Карамзин* (1766 – 1826), исследуя особенности характера россиян, писал: «Сходствуя с другими европейскими народами, мы разнствуем с ними в некоторых способностях, обычаях, навыках, так что не можно иногда отличить россиянина от британца, но всегда отличим россиян от британцев: во множестве открывается народное» [6, с. 145]. То есть, меньше всего думая о менталитете, русский историк выделил такую его особенность, как способность ярче проявляться на уровне больших общностей, чем на индивидуальном уровне.

С точки зрения развития метода, позволяющего оценить особенности мышления и образа действия людей прошлого, безусловный интерес представляют исследования *В.О. Ключевского* (1841-1911). В этой связи можно вспомнить серию его исторических портретов или рассуждений о характере великороссов. От наблюдательности историка не могло укрыться особенное свойство человеческого духа, которое современные учёные склонны именовать ментальностью. «Мы замечаем, - пишет он, - что рядом с физическими свойствами и факты чисто исторические, связывающие наличных людей в союзы, не умирают вместе с ними, но переходят по наследству и в этом переходе даже перерождаются: из фактов, часто вызванных временною необходимостью, превращаются в привычки, в предание, действующее, даже когда минует эта временная необходимость. Говоря ещё общее, мы находим, что все действующее в данном поколении, все им усвоенное и выработанное не умирает вместе с поколением, а переходит к дальнейшим, осложняя их общежитие и часто гнетет их, как бремя, наложенное предками, от которого трудно, иногда невозможно освободиться...» [7, с. 23]. Подход Ключевского определенно прочитывается в его конкретно-исторических исследованиях. Это и учет географических факторов и природной среды, материальных и социальных условий жизни людей, вся совокупность событий, формирующих характер и поведение конкретных людей в течение всей их жизни. То есть, характер и образ мыслей человека, мотивы его поступков были для Ключевского важнейшими компонентами исследования, наряду с описанием деяний того или иного исторического персонажа. По замечанию *Е.Ю. Зубковой* и *А.И. Куприянова*, как раз исторические портреты Ключевского, написанные по принципу «личность в контексте эпохи», в определённой степени предвосхищали традицию «Анналов» [8, с. 154].

К.Д. Кавелин (1818-1885) в ряде своих статей по философии, русской истории и культуре, как позже и многие другие русские мыслители, обозначил проблему русской ментальности, выразившуюся в теориях «русской национальной идеи». Делая акцент на психическом, духовном аспекте человеческой личности, Кавелин считает важнейшей характеристикой развития общества именно развитие личности. И российскую историю он также рассматривал с точки зрения личностного начала.

На изучении проблем души народа сосредоточил свое внимание *Г.Г. Шпет* (1879 – 1940). Душа, по мысли Шпета, являет собой сходство переживаний и действий отдельных индивидов. На сходные условия жизни эти индивиды реагируют типическими коллективными реакциями. Эти типические реакции могут быть обусловлены как общими социальными и историческими условиями, так и связью индивидуальной души с идеальным миром, например, с наукой и философией.

Явно перекликаются с работами школы «Анналов» идеи историка, философа и культуролога *Л.П. Карсавина* (1882-1952). Изучая проблемы религиозности XII-XIII вв., он выводил их за пределы «истории духа» и формулировал как проблему социальную и одновременно как проблему массовой психологии, того, что сегодня определяют термином

«ментальность». Считая понятие группы необходимым для истории и всех социальных наук, поскольку «без него никакой истории не написать» [9, с. 450], Л.П. Карсавин признавал, что «цементирующим» принципом любой социальной группы является определённая общность настроений, взглядов, стремлений, а также «общая» идеология или «общее» мирозерцание, «общая» направленность на внешний мир» [9, с. 448]. Л.П. Карсавин, как и его французский современник М. Блок, содействовал новому подходу к изучению общества и новому пониманию задач исторической науки. Историческое исследование, согласно Карсавину, является синтезом уже по самой своей сути. Культура, по Карсавину, - это история «целиком», поэтому историк – одновременно и историк культуры. Видя свою задачу в изображении некоторой психической стихии, Л.П. Карсавин подчеркивал, что поведение людей обусловлено не их действительными и осознанными интересами, а привычками и «ролями», которые укоренились в обществе. За «физическими» воздействиями людей «протекают психические факты, которые для историка только и существенны» [9, с. 456]. Кроме того, Л.П. Карсавиным был поставлен вопрос о важности изучения «материального быта» и повседневности как специфической сферы общественной жизни, синтезирующей и отражающей «нечто целое и живое», присущее только этому конкретному времени. Необходимой предпосылкой «ремесла историка» Л.П. Карсавин считал «реальное проникновение в иной душевный процесс, подлинное слияние с ним». Пример такого анализа дается им, например, в монографии «Основы средневековой религиозности XII-XIII веков» [10].

Влияние карсавинской концепции историко-культурного анализа прослеживается в работе профессора Ленинградского университета Б.А. Романова (1889-1957) «Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки XI-XIII вв.» Эта книга эта – свидетельство того, сколь высокие требования к профессиональной подготовке историка предъявляет социокультурный синтез. Его книга - один из первых в советской историографии опытов исследования, базирующегося на органическом сочетании исторического, филологического и лингвистического методов анализа. Задача, которую он себе ставил, - «попытаться собрать и расположить в одной раме разбросанные в древнерусских письменных памятниках следы бытовых черт, житейских положений и эпизодов из жизни русских людей XI-XIII вв., с тем, чтобы дать живое и конкретное представление о процессе классообразования в древнерусском феодальном обществе, сделав предметом наблюдения многообразные отражения этого процесса в будничной жизни этих людей ... Иными словами, как люди жили на Руси в это время (и чем кто дышал сообразно своей социальной принадлежности и тому капризу своей судьбы, какой удастся подметить в памятнике, если пристально в него всмотреться) ...» [11, с. 15]. Сочинение Б.А. Романова по оригинальности постановки проблемы и методикам находится в том же ряду, что и, например, известное исследование французского медиевиста Э. Леруа Ладюри «Монтайю, окситанская деревня» [12], осуществленное гораздо позднее.

В СССР, в условиях контроля за общественным и научным сознанием, отношение к школе «Анналов» было крайне осторожным; направление их работ в целом рассматривалось как чуждое общепризнанной советской доктрине. Но, тем не менее, М.М. Кром обращает внимание на почти одновременный (1960-е годы) процесс антропологизации истории и во Франции и в России (СССР), несмотря на существующий между нашими странами «железный занавес», что свидетельствует об общих научных тенденциях мировой историографии [13]. Ведь «усваивается, несмотря ни на какие препоны, то, в чем испытывают потребность, и то, что может быть усвоено. Такова особенность как индивидуально, так и общественного сознания» [14, с. 193].

Итак, в 60-70-е гг. в нашей стране история ментальностей стала одним из основных направлений гуманитарных исследований, наряду с семиотикой и творчеством М.М. Бахтина. Семиотике, науке о знаковых системах, посвящено значительное количество работ учёных Тартуской школы (Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров В.В. Иванов, Б.А. Успенский и др.) Семиотика, как дисциплина, выросшая из лингвистики, воспринимает самые различные сферы деятельности человека как тексты, а значит, как системы знаков, подлежащие расшифровке. Поэтому любой акт поведения в определённой культурной среде пред-

ставляет собой высказывание на определенном культурном языке; для успешного общения в рамках того или иного культурного сообщества все его члены должны владеть принятыми в данном сообществе «кодами». В это же время М.М. Бахтин опубликовал свой известный труд «Творчество Ф. Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», где пришел к выводу о существовании мощного пласта неофициальной народной культуры. По мнению учёного, противоположность официальной и народной культур - это ничто иное, как противостояние идеологии и менталитета: «отрицающая или обесценивающая земной мир ученая культура Средневековья и Возрождения насквозь идеологична, теологична и неподвижна вплоть до застылости, тогда как народная культура предельно раскована, текуча и выражает не сформулированные эксплицитно ментальные установки, начисто лишённые односторонней серьезности: это культура смеховая, карнавальная, бесстрашная, отвергающая и побеждающая смерть, - в противоположность официальной идеологии, основанной на страхе и запугивании» [15, с. 363]. Таким образом, возникла необходимость изучения скрытых пластов общественного сознания, обусловленных повседневной жизнью человека, его насущными жизненными интересами. «Пласты сознания, которые обнаружили семиотики, историки ментальностей и Бахтин, представляют собой огромный фонд человеческих представлений, который не может быть сведен к теориям и идеологиям, живет в значительной мере своей жизнью, по своим особым законам. На уровне ментальностей и знаковых систем, в области неформального «карнавального поведения» социальной группы, культура прошлого проговаривается о своих тайнах, в том числе и о таких, о которых люди той эпохи, возможно, и не догадывались» [16, с. 77].

Всестороннее развитие в России история ментальностей получила в творчестве А.Я. Гуревича. Успех его книг подготовил почву для восприятия концепта «ментальность» в российской гуманитарной науке. Ментальность, по мнению А.Я. Гуревича, должна стать первой проблемой любого исторического исследования, «ибо любой социальный феномен надлежит рассмотреть как бы погруженным в тот повсюду разлитый эфир, который образует ментальность эпохи» [17, с. 20]. Изучение ментальности должно стать не только начальной, отправной точкой любого историко-культурного исследования, но и методом изучения и культуры, и многих других аспектов истории. По мнению этого же учёного, главной же проблемой истории ментальностей становится изучение и реконструкция картины мира людей ушедших времён. Ведь каждый из нас обладает определённой картиной мира, значительная часть которой скрыта от нашего сознания. Именно поэтому можно задать человеку вопрос о его вкусах, вероисповедании, мировоззрении с целью услышать ответ на заданные вопросы. Но мы никогда не сможем получить ответ на вопрос: «Какова твоя картина мира?» Ведь зачастую мы даже не подозреваем о ее существовании. Комментируя в одной из своих статей известное высказывание нашего бывшего премьер-министра: «Хотели как лучше, а вышло как всегда», А.Я. Гуревич пишет: «Срабатывают некоторые инерционные силы - наш невеселый опыт, переходящий из поколения в поколение, привычки нашего сознания, наша картина мира; и сколько бы мы ни трепыхались, а получается так, как было до этого» [18, с. 54]. То есть, очевидно, что картина мира не может быть сформулирована ее носителем, так как человек обладает ей неосознанно. Но в то же время и картина мира обладает человеком, поскольку она - продукт культуры и, следовательно, каждый представитель той или иной общности не может не разделять присущего ей взгляда на мир. Поэтому поведение людей, любая их деятельность неотрывна от картины мира, заложенной в человеческое сознание языком, религией, воспитанием определённого общества. На это и обращает внимание А.Я. Гуревич, подчёркивая, что ментальности - это «социально-психологические установки, автоматизмы и привычки сознания, способы видения мира, представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности» [16, с. 75], и в то же время отмечая, что в отличие от строго продуманных теорий и идеологических доктрин, «ментальности диффузны, разлиты в культуре и обыденном сознании» [там же]. Поэтому и тематика интересов истории ментальностей отличается необычайно широким диапазоном. Вот, к примеру, некоторые из них, предложенные А.Я. Гуревичем:

- «- отношение к труду, собственности, богатству, бедности;
- понимание природы права и обычая;
- образ природы и ее познание, способы воздействия на нее;
- понимание места человека в структуре мироздания;
- оценка возрастов жизни (в частности, детства и старости);
- восприятие смерти;
- отношение к женщине, роль брака и семьи, сексуальная мораль и практика;
- отношение мира земного и трансцендентного;
- трактовка пространства и времени;
- соотношение культуры элиты с фольклорной культурой;
- формы религиозности, присущие «верхам» и «низам»;
- социальные фобии, коллективные психозы;
- история праздников и обычаев;
- способы самосознания личности» ... и т.д. [19, с. 530-531]

Список этот, безусловно, может быть продолжен. Тем не менее заметим, что всё разнообразие аспектов данного списка сконцентрировано вокруг проблемы человеческой личности и её особенностей, соответствующих типу культуры. Поэтому исследование ментальностей на современном этапе поднялось на уровень культурно-исторической антропологии.

Идеи школы «Анналов» плодотворно развивались в нашей стране и в трудах Е.А. Арнаутовой, Ю.Н. Афанасьева, Ю.Л. Бессмертного, И.В. Дубровского, С.И. Лучицкой, С.В. Оболенской, А.Л. Ястребицкой и др. Многие из этих авторов, также как и французские исследователи, сосредоточивают свое внимание на проблемах Средневековой ментальности. Тем не менее, в нашей стране историко-антропологическое направление ассоциируется прежде всего с именем А.Я. Гуревича. Под влиянием его работ сам термин стал пониматься как синоним истории ментальностей. Сам учёный считал историческую антропологию продолжением истории ментальностей. И если в 70-80-х годах его французский коллега, блестящий историк школы «Анналов» Жак Ле Гофф, заговорил об исторической антропологии, отделяя её от истории ментальностей, это поставило нашего учёного в тупик [20]. Повод говорить о всего лишь смене названия дали, по мнению М.М. Крома, сами французские историки [21, с. 69]. Ни Ж. Ле Гофф, ни А. Бюргер в статьях 70-80-х гг. не предприняли попыток разграничить два явно родственных направления. Но на вопрос А. Гуревича о целесообразности замены понятия «история ментальностей» понятием «историческая антропология», или о возможности их взаимозаменяемости, - Ле Гофф ответил совершенно определённо: «История ментальностей и историческая антропология никогда не смешивались. Они сложились почти одновременно, но соответствовали разным целям и объектам. Историческая антропология представляет собой общую глобальную концепцию истории. Она охватывает все достижения «новой исторической науки», объединяя изучение менталитета, материальной жизни, повседневности вокруг понятия антропологии. Она охватывает все новые области исследования, такие, как изучение тела, жестов, устного слова, ритуала, символики и т.п. Ментальность же ограничена сферой автоматических форм сознания и поведения» [Цит. по: 21, с. 70]. Подобное заявление не является бесспорным, ведь у самого же Ле Гоффа можно найти примеры нечёткого разделения этих двух направлений. И прежде всего проявляется это в размытости самого определения истории ментальности, названной Ле Гоффом в одной из его статей историей на «перекрёстке», «двусмысленной историей» [5]. Самым привлекательным в истории ментальностей он видит именно ее неопределенность, стремление выявить «осадок» исторического анализа, некое историческое «не знаю что» [5].

Нам вслед за М.М. Кромом разногласия между А.Я. Гуревичем и его французскими коллегами представляются несколько преувеличенными [21, с. 71]. Предпочитаем оставить их в рамках одного направления. Ведь так или иначе, любое проявление челове-

ской деятельности получает какой-то значимый вес в условиях определённой ментальной среды, присущей обществу в то или другое время.

Изменение научного «ландшафта» в России и в мире, а также появление русских переводов классических работ по исторической антропологии предоставило российским гуманитариям новые большие возможности приобщения к достижениям мировой гуманитарной мысли. К изданным уже произведениям Ж. Ле Гоффа, Ф. Арьеса, Н.З. Девис можно добавить работы К. Гинзбурга, Р. Дарнтон, П. Берка, К. Гирца и др. Наряду с зарубежными переводами увеличивается количество публикаций и отечественных авторов, работающих в русле исторической антропологии (М.М. Кром, Г.В. Лобачёва, Е.Ю. Зубкова, О.Е. Кошелева, О.С. Поршнева и др.). Преобладающая в 90-е годы история ментальностей находит своё продолжение в таких новых направлениях, как, например, микроистория, история повседневности, политическая антропология. Можно говорить, таким образом, о существовании своеобразного историко-антропологического дискурса, включающего все вышеперечисленные направления. Их можно считать глубоко родственными, ведь их становление отвечало потребности антропологизации истории, а значит, необходимости отказа от изучения безличных структур, с той целью, чтобы внимательно прислушавшись к голосам ушедших поколений, понять их способы мышления и поведения [22]. В любом из этих направлений исследователям интересно проследить, как личность приходит к тому или иному решению, а также совершает тот или иной поступок, руководствуясь неким алгоритмом, который ей настойчиво навязывается культурой. И в этом смысле изучение истории России в культурно-антропологической перспективе должно неизменно привести к серьёзным научным результатам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хромова Е.Б. Об историко-антропологическом подходе в изучении проблем менталитета // Культура. История. Философия. Право. Вестник Пермского государственного технического университета. 2010. № 3. С. 129-136.
2. Febvre L. Le problème de l'incroyance de XVI siècle. La religion de Rabelais. P., Albin Michel, 1947. – 549 p.
3. Mandrou R. L'histoire des mentalités // Encyclopedia Universales. Vol. 8 (1968). P. 436—438.
4. Duby G. Histoire sociale et histoire des mentalités // Nouvelle critique. 1970. № 34. P. 11-19.
5. Le Goff J. Les mentalités. Une histoire ambiguë // Faire de l'histoire : nouveaux problèmes. Paris. 1974. P. 76-94.
6. Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. – М., 1992
7. Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. 6. – М.: Мысль, 1989. – 467 с.
8. Зубкова Е.Ю., Куприянов А.И. Ментальное измерение истории: поиски метода // Вопросы истории. 1995. № 7. – С. 153-160.
9. Карсавин Л.П. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 920 с.
10. Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности XII- XIII вв. СПб., 1997.
11. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси: Историко-бытовые очерки XI-XIII вв. – М.: Территория, 2002. 256 с.
12. Le Roy Ladurie E. Montaillou, village Occitan, de 1294 à 1324. Paris : Gallimard, 1982.
13. Кром М.М. Арон Яковлевич Гуревич и антропологический поворот в исторической науке // Новое литературное обозрение. № 81. 2006. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/81> (дата обращения: 20.10.2017)
14. Ястребицкая А.Л. «Анналы» - феномен нового исторического мышления // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М.: 1993. 208 с. – С. 193-195.
15. Гуревич А.Я. Послесловие. Жак Ле Гофф и «Новая историческая наука» во Франции // Ле Гофф Ж. Цивилизация Средневекового Запада. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.
16. Гуревич А.Я. Проблемы ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. – М.: Наука, 1989. Вып. 1. – С. 75-89.
17. Гуревич А.Я. От истории ментальностей к историческому синтезу // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М.: 1993. – 208 с. – С. 16-29.

18. Гуревич А.Я. История культуры: бесчисленные потери и упущенные возможности // Одиссей. Человек в истории. 2000. – М.: Наука, 2000. С. 53 – 57.
19. Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. М.: 1991. С. 501-541.
20. Гуревич А.Я. История в человеческом измерении // Новое литературное обозрение. № 75. 2005. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/gu4.html> (дата обращения: 28.10.2017)
21. Кром М.М. Историческая антропология: Учебное пособие. – СПб., М. Изд-во Европ. ун-та в СПб, 2010. – 214 с.
22. Кром М.М. История России в антропологической перспективе. Электронный ресурс: URL: <http://www.el-history.ru/node/432> (дата обращения: 20.02.2018)

REFERENCES

1. Khromova E.B. Ob istoriko-antropologicheskom podhode v izuchenii problem mentaliteta. Kultura. Istorija. Filosofija. Pravo. []. Vestnik Permskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2010. No. 3. P. 129-136.
2. Febvre L. Le problème de l'incroyance de XVI siècle. La religion de Rabelais. P., Albin Michel, 1947. 549 p.
3. Mandrou R. L'histoire des mentalités. Encyclopedia Universales. Vol. 8 (1968). P. 436—438.
4. Duby G. Histoire sociale et histoire des mentalités. Nouvelle critique. 1970. No. 34. P. 11-19.
5. Le Goff J. Les mentalités. Une histoire ambiguë. Faire de l'histoire : nouveaux problèmes. Paris. 1974. P. 76-94.
6. Karamzin N.M. Izbrannye stat'i i pis'ma [Chosen articles and letters]. M., 1992.
7. Klyuchevskiy V.O. Sochineniya v 9 t. Vol. 6, 1989. 467 p.
8. Zubkova E. J., Kuprijanov A.I. Mental'noje izmerenije istorii: poiski metoda [Mental measurment of history: searches of a method]. Voprosy istorii. 1995. No. 7. pp. 153-160.
9. Karsavine L.P. Izbrannoye. [Chosen Works]M.: ROSSPEN Publ., 2010. 920 p.
10. Karsavin L.P. Osnovy crednevekovoy religioznosti XII-XIII vv. [Bases of medieval religiousness of the XII-XIII centuries] S-Petersburg, 1997.
11. Romanov B.A. Ljudi i nrayy Drevney Rusi [People and customs of ancient Russia]. M.: Territorija Publ., 2002. 256 p.
12. Le Roy Ladurie E. Montaillou, village Occitan, de 1294 à 1324. Paris : Gallimard, 1982.
13. Krom M.M. Aron Yakovlevich Gurevich i antropologicheskij povorot v istoricheskoy nauke [aron Yakovlevich Gurevich and anthropological turn in histotical science]. Novoje literaturnoe obozrenije. 2006. № 81. Available at: URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/81> (accessed: 20.10.2017).
14. Yastrebitskaya A.L. "Annaly" – fenomen novogo istoricheskogo myshleniya ["Annals" – a phenomenon of new historical thinking]. Spory o glavnom: Diskussii o nastojaschem i buduschem istoricheskoy nauki vokrug frantsuzskoy shkoly "Annalov". M.: 1993. 208 p. pp. 193-195.
15. Gurevich A.Y. Posleslovije. Jak Le Goff i "Novaja istoricheskaya nauka" vo Frantsii [Epilog. Jacques Le Goff and "New historical science" in France]. Le Goff J. Tsivilizatsiya srednevekovogo zapada [Civilization of the Medieval West]. M.: Progress-Akademiya Publ., 1992. 376 p.
16. Gurevich A.Y. Problemy mental'nostey v sovremennoy istoriografii [Problems of mentalities in a modern historiography]. Vseobschaya istoriya: diskussii, novye podkhody. M.: Nauka Publ., 1989. Vol. 1. pp. 75-89.
17. Gurevich A.Y. Ot istorii mental'nostey k istoricheskomu sintezu [From history of mentalities to historical synthesis]. Spory o glavnom: Diskussii o nastojaschem i buduschem istoricheskoy nauki vokrug frantsuzskoy shkoly "Annalov". M.: 1993. 208 p. pp. 16-29.
18. Gurevich A.Y. Istoriya kultury: beschislennyye poteri i upuschennyye vozmojnosti [Cultural history: uncountable losses and the missed opportunities]. Odyssey. Chelovek v istorii. 2000. M.: Nauka Publ., 2000. pp. 53-57.
19. Gurevich A.Y. Uroki Lusiena Fevra [Lucian Febvre' lessons]. Fevr L. Boi za istoriyu [Febvre L. Fights for history]. M.: 1991. pp. 501-541.
20. Gurevich A.Y. Istoriya v chelovecheskom izmerenii (razmyshleniya medievista) [History in human measurement]. Novoje literaturnoye obozrenije. 2005. No. 75. Available at: URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/gu4.html> (accessed: 28.10.2017)
21. Krom M.M. Istoriicheskaya antropologiya: Uchebnoje posobie [Historical anthropology]. SPb., M. Izdatel'stvo Yevropejskogo universiteta v S-Peterburge. 2010. 214 p.
22. Krom M.M. Istoriya Rossii v antropologicheskoy perspective [History of Russia in anthropological prospect]. Available at URL: <http://www.el-history.ru/node/432> (accessed: 20.02.2018)

Информация об авторе:

Хромова Елена Борисовна, кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков и связей с общественностью Пермского национального исследовательского политехнического университета
г. Пермь, Россия
khromovalena@mail.ru

Получена: 21.08.2018

Information about the author:

Elena B. Khromova Candidat of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Chair of the Foreign Languages and Public Relations Perm National Research Polytechnic University
Perm, Russia
khromovalena@mail.ru

Received: 21.08.2018

***Социологические
и гуманитарные науки.***

Исторический, социологический и
психологический аспекты
(Оригинальные рецензируемые статьи)

***Sociological
and Humanities Sciences.***

Historical, Sociological and Psychological Aspects
(Original peer reviewed articles)

УДК 316.4

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-65-70

БОРОК Илья Григорьевич
Северо-Западный институт управления –
филиал РАНХиГС
г. Санкт-Петербург, Россия
v.kachunov@yandex.ru

Ilya G. BOROK
North-West Institute of Management –
Branch of RANEPA
St. Petersburg, Russia
v.kachunov@yandex.ru

**ТЕЛЕСНО-ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК
РЕСУРС СОЦИАЛИЗАЦИИ, САМОРЕАЛИЗАЦИИ
И РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ
КШВСМ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ**

**THE BODILY-PHYSICAL CULTURE AS A
RESOURCE OF THE SOCIALIZATION, SELF-
REALIZATION AND REHABILITATION OF THE
INDIVIDUALS BASED ON THE EXAMPLE OF THE
(KSHWSM)**

В современном высокотехнологичном обществе массовый и профессиональный спорт интегрируется в социальную сферу, выступая самостоятельным институтом, решающим большой круг актуальных вопросов. Социальная сфера является сущностью ряда отраслей и организаций с общими объективными функциями, направленными на реализацию социальных потребностей и оказание государственных услуг, создание условий для жизнеобеспечения и в конечном счете повышения качества жизни граждан. Статья подчеркивает уникальную концепцию Комплексной школы высшего спортивного мастерства (КШВСМ). В этом институте создан инновационный подход к процессу тренингов, который ускоряет социализацию, самореализацию и реабилитацию личности. Кроме того, акцентируется внимание на проблеме изменения поведенческой модели молодежи, связанной с широким применением информационных технологий и полным погружением в виртуальную реальность, препятствующую гармоничному развитию личности как социально зрелой части общества. Современная тенденция в тренировочном процессе спортсменов в части силовых единоборств ориентирована в основном на подготовленных атлетов, способных показывать результаты, которые зачастую имеют существенный коммерческий эффект. Мастера спорта по борьбе в олимпийских дисциплинах успешно выступают в профессиональных поединках по единоборствам, телесно-физическая, а также социальная компонента которых вызывает сомнения. Это разновидности боев «без правил», формально придерживающиеся определенных ограничений и сопровождающиеся судейством на ринге и за ним, однако, по сути своей, являющиеся разновидностью «гладиаторских» поединков, в которых травмы и кровь только усиливают финансовую составляющую. Помимо всего, данные дисциплины продвигаются на базе частных коммерческих клубов, в которых отбор спортсменов носит прагматический характер. Не подвергая критике данное обстоятельство и, тем более, не давая за запретительные меры в отношении этого явления, основываясь на свободе выбора каждого индивидуума собственной модели самоутверждения, предлагаем рассмотреть опыт КШВСМ как мощный ресурс социализации и самореализации различных социальных групп молодежи. Тренировки под руководством известных наставников, в окружении действующих чемпионов и мастеров формируют уникальный дух сплоченности команды и служат естественным мотиватором для достижения максимальных результатов.

In modern high-tech society, mass and professional sport is integrated into the social sphere, acting as an independent institution that solves a large circle of topical issues. The social sphere is the essence of a number of industries and organizations with common objective functions aimed at the realization of social needs and the provision of public services, creating conditions for livelihoods and, ultimately, improving the quality of life of citizens. The article underlines the unique concept of the Integrated School of Higher Sportsmanship (KSHWSM). This institute has created an innovative approach to the training process, which accelerates the socialization, self-realization and rehabilitation of the individual. In addition, attention is focused on the problem of changing the behavioral model of young people associated with the widespread use of information technologies and full immersion into virtual reality, which impedes the harmonious development of the individual as a socially mature part of society. The current trend in the training process of athletes in the part of power martial arts is focused mainly on trained athletes who are able to show results that often have a significant commercial effect. Masters of sports in wrestling in the Olympic disciplines successfully perform in professional fights in martial arts, body-physical, and social component of which is in doubt. These are kinds of “without rules” fights that formally adhere to certain restrictions and are accompanied by judging in the ring and behind it, however, in essence they are a kind of “gladiatorial” fights in which injuries and blood only strengthen the financial component. In addition, these disciplines are promoted on the basis of private commercial clubs, in which the selection of athletes is pragmatic. Without criticizing this circumstance and, even more so, not advocating prohibitive measures in relation to this phenomenon, based on the freedom of choice of each individual's own model of self-affirmation, we suggest considering the experience of CSWF as a powerful resource of socialization and self-realization of various social groups of young people. Training under the guidance of well-known mentors, surrounded by current champions and masters, form the unique spirit of team cohesion and serve as a natural motivator for achieving maximum results.

Ключевые слова: массовый спорт, профессиональный спорт, социальная сфера, социальные услуги, социальная ответственность

Для цитирования: Борок И.Г. Телесно-физическая культура как ресурс социализации, самореализации и реабилитации личности на примере КШВСМ, Санкт-Петербург. Историческая и социально-образовательная мысль.

2018. Том. 10. № 5 -1. с.65-70.

doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-65-70.

Keywords: mass and professional sports, social sphere, social services, social responsibility

For citation: : Borok I.G. The bodily-physical culture as a resource of the socialization, self-realization and rehabilitation of the individuals based on the example of the (KSHWSM). Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no.5 -1. Pp. 65-70.

doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-65-70. (in Russ)

Комплексная школа высшего спортивного мастерства (КШВСМ) основана в Санкт-Петербурге в 1979 г.

Современный спорт является важнейшей телесно-культурной практикой современности, выполняя функцию социального института, решающего большой круг актуальных вопросов.

«Странным, на первый взгляд, образом в России, то есть в одной из ведущих спортивных держав мира, спорту с подобной институционализированной теоретической рефлексией не повезло в силу ряда причин исторического и социологического свойства» [3].

Соглашаясь до известной степени с утверждением крупного теоретика и социального исследователя теории спорта О.В. Кильдюшова, который весьма убедительно аргументировал это в своих исследованиях, не вступая с уважаемым философом в полемику, можно привести конкретные примеры противоположного мнения. На основании собственного опыта, глубокого погружения в описываемый предмет, используя как основной метод эмпирические исследования, логически приходим к актуальности данной темы применительно к социализации личности в спортивном коллективе, нацеленном на достижения результатов мирового уровня. По мнению Президента РФ В.В. Путина, высказанному на встрече с наставниками школы для особо одаренных подростков в г. Сочи «Сириус» [8], отбор и работа с особо одаренными спортсменами не должна исключать подготовку на той же «площадке» всех остальных желающих, «чтобы они не чувствовали себя... лишними на этом празднике жизни...». Подобный подход реализуется в стенах Комплексной школы высшего спортивного мастерства (КШВСМ).

Огромное значение в создании уникальной атмосферы сопричастности к истории, мотивации к эффективным занятиям и достижению выдающихся результатов является уникальное местоположение поистине единственного в своем роде учебного заведения. Каменный остров в границах Большой и Малой Невы - заповедник исторических зданий, относящихся к различным периодам Петровской эпохи становления Российской империи. Одним из первых каменных зданий на Каменном острове стал построенный в 1766 г. по проекту архитектора Ивана Кербера Инвалидный дом (место современной КШВСМ), предназначавшийся для престарелых и увечных воинов нижних чинов, находившихся на содержании Императорской казны. К сожалению, оригинальное здание было разобрано в 70-х годах XX в., а на фундаменте в 1979 г. был построен современный спортивный комплекс в преддверии Олимпийских Игр 1980 г. для подготовки высококвалифицированных спортсменов, членов сборных команд СССР и Ленинграда по различным видам спорта, в основном борцовского профиля: вольная борьба, дзюдо, самбо, джиу-джитсу.

Телесно-физическая культура представляет собой специфический вид деятельности индивидуума. Помимо медицинских и физиологических аспектов, занятия спортом вообще и различными видами единоборств, в частности, являются мощным фактором социализации личности. Особенное значение это имеет в настоящее время, в условиях перехода от одной общественной формации к другой, в которой социально-идеологическая составляющая не определена с точностью до прописных истин, поло-

женных «на бумагу», требующих безусловного и категорического исполнения и нетерпимости к альтернативным мнениям.

Советский период развития и становления физической культуры и спорта был крайне политизирован, идеологизирован и табуирован. В то же время существовала четкая и продуманная система селекции и подготовки спортсменов, направленная на выявление одаренных личностей, способных показывать результаты мирового уровня. Спорт высоких достижений базировался на массовом физкультурном движении, широкой сети первичных спортивных организаций низового уровня, выполнявших, помимо прикладных и специальных функций, социализацию в общей системе непрерывного образования.

Уникальность КШВСМ как социального института заключается в сохранении положительного опыта предыдущих поколений в подготовке спортсменов высших достижений в сочетании с современными тенденциями профессионального спорта и высокой социальной ответственностью, заключающейся в доступности ресурса самореализации и реабилитации для различных групп населения, участие которых в организации процесса тренировок было бы невозможно в предыдущий советский период развития Школы.

Прежде всего, появились доступность тренировок для инвалидов и маломобильных групп населения, их участие в образовательном процессе, работа с детьми, не обладающими объективным потенциалом для достижения высших ступеней в видах единоборств, широким спектром программ для детей на безвозмездной основе. Таким образом, выполняется важнейшая социальная задача адаптации трудных подростков и детей из неблагополучных семей, а также вовлечение в регулярные занятия спортом подростков из малообеспеченных семей, для которых «элитарные» секции единоборств зачастую закрыты в силу материального фактора.

С момента основания и до 2003 г. КШВСМ представляла собой, по сути, закрытое учреждение, ориентированное на спортсменов высших достижений. Вся практическая деятельность была направлена на подготовку олимпийского резерва. Плановая работа со спортсменами начального уровня практически не проводилась.

С 2003 г. политика изменилась. Этому обстоятельству способствовало личное участие и патронат известных политических деятелей и первых лиц государства.

В настоящее время в КШВСМ регулярно занимаются 1484 спортсмена.

Заслуженных мастеров спорта	17
Мастеров спорта международного класса	27
Мастеров спорта	126
Кандидатов в мастера спорта	118
Перворазрядников	37

Показательны результаты спортивного сезона 2017 г.

Чемпионы Мира в различных дисциплинах:

Первое место (1): Талдиев Р., Гольцов Д.

Второе место (2): Падерина А., Костюк М., Манукян М.

Третье место (3): Борок И., Никитин Н., Сак А.

Чемпионы Европы в различных дисциплинах:

1.

Абдулаев Р.

Мохнаткин М.

Гончаров В.

2.

Степанов М.

Степанова О.

З.

Гусейнов А.

Латинская В.

Основной отличительной особенностью КШВСМ как социального агента является системный и новаторский подход к организации учебно-тренировочного процесса, при котором одновременно на одном «ковре» тренируются мастера и начинающие спортсмены, а преподаватели не выделяют их в различные, в том числе и социальные, группы. Создается уникальная атмосфера единства, и вырабатывается командный дух, способствующий достижению поставленных результатов.

Кроме того, отсутствие очевидной коммерческой компоненты, характерной для большинства частных клубов и школ от известных спортсменов, создает положительные тенденции социально-воспитательного характера, благотворно влияя на подростков из неблагополучных семей. КШВСМ может служить основой социальной технологии самореализации и реабилитации личности, широко используя синергетический эффект от совместных занятий, в процессе которых формируется модель социально ответственного поведения, основанного на традиционных и патриотических ценностях.

Безусловно, важнейшим агентом социализации является семья, в которой формируется первичная социальная сущность индивида. С другой стороны, семья может оказать негативное влияние на процесс социализации. В этом случае возрастает роль других агентов первичной социализации: учителей, тренеров, друзей и ровесников.

Совместные тренировки с состоявшимися людьми, достигшими высших степеней в спорте, стимулируют отход от девиантного поведения, порочных ценностей и норм, катализируя процессы ресоциализации, выработки позитивных установок и парадигм, соответствующих социально зрелой личности.

В современном высокотехнологическом обществе невозможно недооценивать роль спорта как социального института.

Спорт как таковой является составной частью физической культуры, средством и методом физического воспитания. Он основан на соревновательной деятельности, кропотливой подготовки к ней, в результате которой происходят процессы сравнения и оценки потенциальных возможностей человека. В широком смысле спорт охватывает общефизическую, специальную подготовку и соревновательную деятельность. В процессе соревнования эффект соперничества является важным социально-психологическим феноменом, а соревновательная обстановка - необходимым элементом спорта высших достижений.

В процессе соревнования в полной мере реализуются явные и скрытые возможности организма спортсмена. Тем не менее существует проблема, связанная с проникновением высоких технологий в сфере информатизации в повседневную жизнь и обиход подростков школьного и студенческого возрастов. Их поведенческая модель характеризуется полным погружением в изучаемые предметы, когда огромный объем информации требует напряжения интеллектуальных сил, сублимирует факторы, относящиеся к «социологии тела». Занижается уровень самооценки, возникают проблемы поведенческого характера при общении со сверстниками, в том числе и по гендерному признаку. Это в конечном итоге негативно сказывается на возможности полной социализации и в перспективе создания прочных матримониальных отношений. Повсеместное распространение информационных технологий, доступность скоростного, широкополосного Интернета и общественных беспроводных сетей, распространение различных социальных сетей в Интернете, заменяющих непосредственное общение, приводят к катастрофическому снижению физической активности подростков и молодых людей. Многие часы, прове-

денные за экранами мониторов или всевозможных гаджетов, изолируют индивидуумов от окружающей реальности, погружая их в виртуальный мир, в котором физическая активность является демотиватором.

Что более печально, это служит фактором, препятствующим получению конечного положительного результата социализации личности. Время, проведенное в спортивной секции, на стадионе, в движении на свежем воздухе, многими расценивается как напрасно потраченное. Большую роль в эффективном тренировочном процессе играет личность педагога-тренера. В КШВСМ тренировки проводят заслуженные тренеры Российской Федерации, уделяя внимание, как начинающим, так и маститым спортсменам. Существует добрая традиция школы заканчивать каждое занятие мастер-класса аплодисментами в адрес наставника. Это создает уникальную атмосферу сопричастности к общей идее постижения знания через преодоление в первую очередь самого себя и как дань уважения мастеру. Все это практически реализовано в Санкт-Петербурге в КШВСМ. Данный положительный опыт может быть с успехом применен на других «площадках», когда в атмосфере творчества и открытых дискуссий индивид интегрируется в общество и занимает подобающее место в социальной системе.

Таким образом, положительный опыт и методика, основанная на совместных занятиях сложившихся мастеров единоборств с начинающими спортсменами, может быть рекомендована к широкому применению. Система подготовки мастеров высших достижений, пользующаяся безусловной финансовой, методологической и политической поддержкой власти, должна быть в то же время более социально ориентированной и ответственной, вовлекая в свою орбиту различные социальные группы. Спорт высоких достижений вообще и профессиональный спорт в частности не должен носить характер элитарного закрытого «клуба», в особенности, если это реализуется на деньги государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Федеральный закон от 04.12.2007 N 329-ФЗ (ред. от 05.12.2017) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».
2. Столяров В.И. Социология физической культуры и спорта: Учебник / В.И. Столяров. - М.: Флинт: Наука, 2004. - 400 с.
3. Кильдюшов О. Новый курс лекций по социологии спорта. 2015.
4. Лубышева Л.И. Социология физической культуры и спорта: Учеб. пособ. / Л.И. ва. - М.: Академия, 2010. - 272 с.
5. Захаров М.А. Социология спорта: Учеб.-метод. пособ. / М.А. Захаров. - Смоленск: СГАФК, 2008. - 212 с.
6. Кильдюшов О. Спорт как дело философии: об эвристической ценности новой аналитической оптики / Логос. - 2013. - № 5 (95). - С. 43-60.
7. Катцер Н. Спорт и модерн в России XX века / Социологическое обозрение. - 2018. - Т. 17. - № 2. - С. 155-172.
8. Владимир Путин пообщался с одаренными детьми из центра «Сириус» в Сочи [Электронный ресурс]. URL: <https://www.1tv.ru/news>.

REFERENCES

1. Federal'nyy zakon ot 04.12.2007 N 329-FZ (red. Ot 05.12.2017) «O fizicheskoy kul'ture i sporte v Rossiyskoy Federatsii». [Federal law of 04.12.2007 N 329-FZ (ed.of 05.12.2017) "on physical culture and sports in the Russian Federation".] (in Russ)
2. Stolyarov V.I. Sotsiologiya fizicheskoy kul'tury i sporta: uchebnik. V.I. Stolyarov. [Sociology of physical culture and sport: Textbook / V. I. Stolyarov.]. Moskva .Flint: Nauka, 2004. 400 p. (in Russ)
3. Kildyushov O. A new course of lectures on the sociology of sports. 2015. (in Russ)

4. Lubysheva, L.I. Sotsiologiya fizicheskoy kul'tury i sporta: uchebnoye posobiye /L.I. Lubysheva.[Sociology of physical culture and sports: Studies. manual. L. I. Lubysheva.]. Moskva.: Akademiya, 2010. 272 p. (in Russ)
5. Zakharov, M.A. Sotsiologiya sporta: uchebno-metodicheskoye posobiye. M.A. Zakharov. [Sociology of sport: Studies.-method. manual.. M. A. Zakharov.]. Smolensk: SGAFK, 2008. 212 p. (in Russ)
6. Kil'dyushov O. Sport kak delo filosofii: ob evristicheskoy tsennosti novoy analiticheskoy. [Sport as a matter of philosophy: heuristic value of new analytical optics]. Logos. 2013. no. 5 (95). pp. 43-60. (in Russ)
7. Kattser N. Sport i modern v Rossii KHKH veka. [Sport in modern Russia twentieth century]. Sotsiologicheskoye obozreniye. 2018. vol. 17. no. 2.pp. 155-172. (in Russ)
8. Vladimir Putin poobshchalsya s odarnymi det'mi iz tsentra «Sirius» v Sochi. [Vladimir Putin spoke with gifted children from the Sirius centre in Sochi]. Available at: <https://www.1tv.ru/news>. (in Russ)

Информация об авторе:

Борок Илья Григорьевич, аспирант, кафедра социальных технологий, Северо-Западный институт управления - филиал РАНХиГС, г. Санкт-Петербург, Россия
v.kachunov@yandex.ru

Получена: 09.08.2018

Information about the author:

Ilya G. Borok, Postgraduate Student, Department of Social Technologies, North-West Institute of Management - Branch of RANEPA, St. Petersburg, Russia
v.kachunov@yandex.ru

Received: 09.08.2018

УДК 314

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-71-82

ВЕЛИКИЙ Пётр Панфилович
Институт аграрных проблем Российской академии наук
г. Саратов, Россия
iagpran@mail.ru

Peter P. VELIKIY
Institute of Agrarian Problem of the Russian Academy of Sciences
Saratov, Russia
iagpran@mail.ru

РЕПРОДУКЦИОННЫЕ КРУГИ В ЖИЗНЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕЛА

REPRODUCTION CIRCLES IN THE VILLAGE LIVING SPACE

В статье рассмотрены вопросы воспроизводства основных элементов сельской жизненной среды под углом зрения репродукционных кругов, обусловленных существованием человека в пространстве и времени. Результативность этих кругов зависит от изменения качества акторов, состава их и условий, в которых протекает жизнедеятельность. Сельская жизненная среда в этом отношении отличается неравномерностью. В одних случаях репродукционный круг от года к году или от одного десятилетия к последующему проходит с повышением позитивных результатов, демонстрируя прогрессивный тренд, в других - происходит возврат к исходной позиции с теми или еще худшими показателями. Предпринятый подход к анализу сельской среды обитания позволяет выделить зоны неблагоприятного воспроизводства и определить ведущие факторы, влияющие на их стагнацию. Автор опирается на аксиоматическое положение о том, что развитие общества происходит по спирали, когда возврат витка к исходной точке происходит на более высоком уровне развития. Это положение применимо и к агросфере общества. Однако репродукционный круг с восходящим трендом может блокироваться, если основные элементы его остаются неизменными, а тем более деградируют. К настоящему пореформенному времени в жизненном пространстве села сложилось несколько репродукционных кругов, слабо взаимодействующих друг с другом. Сельскохозяйственные предприятия относительно малы по численности персонала, который состоит в основном из представителей старшей (предпенсионной) группы, и кадровый состав восстанавливается лишь частично за счет местного сельского сообщества. Институционально производственная сфера отделена от забот о социальной поддержке деревни, то есть функционирует в самодостаточном репродукционном круге, что уже сегодня, а тем более в перспективе затрудняет восходящее ее развитие. Из-за несбалансированности стыковки производственной и социальной сфер деревни, а также в силу ряда других причин в жизненной среде сложилось несколько репродукционных кругов, протекающих параллельно. Сформировалась группа акторов, оценивающих себя как самостоятельных и независимых субъектов жизни, которые в обеспечении благополучия

The article deals with the reproduction of the main elements of the rural living environment from the point of view of reproductive circles, conditioned by the existence of man in space and time. The effectiveness of these circles depends on the change in the quality of actors, their composition and the conditions in which vital activity is taking place. The rural life environment in this respect is characterized by unevenness. In some cases, the reproductive cycle from year to year or from one decade to the next passes with an increase in positive results, demonstrating a progressive trend, in others there is a return to the starting position with those or even worse indicators. The approach taken to analyze the rural habitat allows us to identify areas of unfavorable reproduction and to identify the leading factors affecting their stagnation. The author relies on the axiomatic position that the development of society takes place in a spiral, when the return of the coil to the starting point occurs at a higher level of development. This provision is applicable to the agro-sphere of society. However, the reproductive circle with an upward trend may be blocked if the main elements of it remain unchanged, and even worse, are degraded. By the present post-Reform time, several reproductive circles have formed in the living space, interacting weakly with each other. Agricultural enterprises are relatively small in terms of the number of personnel, which consists mainly of representatives of the senior (pre-retirement) group and the staffing is being restored only partially due to the local rural community. The institutional production sphere is separated from the worries about the social support of the village, that is, it functions in a self-sufficient reproductive circle, which already, and even more so in the long term, hinders its ascending development. Due to the imbalance in the docking of the industrial and social spheres of the village, and also for a number of other reasons, several reproductive circles have developed in the living environment in parallel. A group of actors has been formed that assess themselves as independent and independent subjects of life who, in ensuring well-being, are oriented not to the opportunities of local employment, but to the prospects for the need for labor outside the village.

ориентируются не на возможности местной занятости, а на перспективы потребности в рабочей силе за пределами села. К ним примыкает группа успешных хозяйств сельских подворий, мотивы, роли и человеческий капитал которых сориентирован на выживание без посредников, будь то сельскохозяйственные предприятия или муниципальные органы. Модель репродукции этих групп усиливается также выбором и реализацией жизненных перспектив выпускников сельских школ, которые в большинстве своем ориентируются на город. Тренд на ослабление состава населения реализуется в уменьшении доли сельской молодежи, группы детородного возраста и увеличении доли людей старшего, третьего возраста. В заключение автор делает вывод, что, несмотря на тенденцию разделения в репродукционном процессе на автономные стратегии акторов, сохраняются предпосылки и для более взаимосогласованного самодвижения. Суть их - опора на перспективы модернизации всего жизненного пространства села, не исключающей потенциала традиций крестьянства, понимаемых не как нечто отсталое и отжившее, а как феномен, способный, по своей сути, адекватно реагировать на запросы и вызовы современности.

Ключевые слова: репродукционный круг, воспроизводство, акторы, жизненное пространство села, аграрный сектор, стратегии, тренды, социальная сфера

Для цитирования: Великий П.П. репродукционные круги в жизненном пространстве села. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 5 -1 . с.71-82.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-71-82.

They are joined by a group of successful farms in rural areas, the motives, roles and human capital of which are focused on survival without intermediaries, be it agricultural enterprises or municipal bodies. The model of reproduction of these groups is also strengthened by the election and realization of the life prospects of the graduates of rural schools, who for the most part are oriented toward the city. Trend on the weakening of the population is realized in reducing the share of rural youth, the group of childbearing age and increasing the proportion of people older than the third age. In conclusion, the author concludes that, despite the tendency of the separation of the reproductive process into autonomous strategies of actors, the prerequisites for a more mutually consistent self-movement remain. Their essence is the reliance on the prospects of modernizing the entire village living space of the, which does not exclude the potential of peasant traditions, understood not as something backward and obsolete, but as a phenomenon capable of adequately responding to modern needs and challenges.

Keywords: reproductive circle, reproduction, actors, village living space, agrarian sector, strategies, trends, social sphere

For citation: Velikiy P.P. Reproduction circles in the village living space. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no.5 -1. Pp. 71-82.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-71-82.
(in Russ)

Восстановление ресурсов, подвергавшихся амортизации, - непреходящая забота коллективных и индивидуальных субъектов социальной реальности.

Все — от износа техники, уменьшения уровня воды в реках, сокращения плодородия почв до снижения народонаселения в стране или в отдельных регионах - это общенациональные проблемы репродукции. Есть и более частные проявления этого феномена, но и они предстают как вызовы восходящему развитию агросферы. Это опустевшие сельские школы (в выпускных классах учатся по 3-5 детей), дома и надворные строения, давно не отремонтированные, исчезновение традиционных народных элементов сельского образа жизни и т.п.

Для изучения процессов репродукции, на наш взгляд, применимы три парадигмы социологии: социальных определений, социальных факторов и социального поведения, позволяющие обозначить образ изучаемого предмета и его образцы, которые задают не только формат объяснению состояния, но и возможность обосновать модели целенаправленных преобразований.

С позиции этих парадигм можно объяснить, почему для анализа жизненного пространства используется понятие круга, а не более привычных циклов, волновой динамики.

Несомненно, село находится под влиянием длительных циклов, волн возвышения и снижения разного рода планетарных изменений. Однако трудно представить себе какое-то проявление активности жителей конкретного села в ответ, например, на потепление

климата земли, исчезновение разнообразия флоры и фауны в удаленных регионах. В отличие от таких отдаленных от них явлений, более зримы и понятны изменения, повторяющиеся в круге изменений, которые задаются календарным годом или несколькими годами, конституированных реализуемыми программами и проектами общенационального или регионального характера.

Другими словами, в научно-прикладном исследовании именно понятие «круг» охватывает весь процесс репродукции в восходящей / нисходящей проекции или возврату к исходному состоянию.

Методологическим основанием анализа репродукционных кругов является положение А. Гидденса о повторяющемся характере повседневности жизни, акцентируя внимание на специфике пространства, регионализации мест [1, s. 247].

Гомеостатическая системная репродукция человеческого общества может рассматриваться таким образом, что она включает в себя воздействие каузальных витков, в которых ряд неумышленных действий связывается и снова устанавливает исходную ситуацию [1, s. 80].

То есть исходная ситуация складывается в результате действий множества акторов, участников репродукционных кругов. Гидденс демонстрирует механизм репродукционного круга примером воспроизводства бедной семьи из поколения в поколение: «бедность» - «плохое образование» - «низкая зарплата» - «бедность» [2].

Соглашаясь с гидденовским подходом к пониманию репродукционного круга, мы полагаем, что в нем недооценена роль объективных факторов (времена года, приливы и отливы морских вод, урожайные / неурожайные периоды), которые корректируют характер повторов общественных явлений. Человек связан с пространством и временем. Этот возврат может задаваться либо угасанием какого-то важного для развития элемента, происходящего в силу того, что изменяется смысл восприятия населением деловой жизни, или внесением управлением кардинальных перемен в общественные и экономические отношения. В жизни села нашли место для реализации оба эти витка.

Главная особенность каузальных витков заключается в том, что происходит повторимость уже бывших ранее отношений и состояний, характерных для исходной ситуации, позитивных и негативных. Этот возврат определяется многими факторами, которые можно разделить на непреодолимые и почти не поддающиеся смягчению, непреодолимые, но доступные смягчению или нейтрализации их отрицательного эффекта. К ним относятся удаленность и отсутствие транспортных средств (магистралей, наземного и воздушного транспорта) для делового и культурного общения с крупными поселениями, природные условия для ведения сельскохозяйственного производства (песчаные территории, отсутствие мелиорации), а также концептуализация экономических отношений, ориентированных на сильные группы и не учитывающих потенциал слабых, неконкурентоспособных жителей села, большинства сельских сообществ.

В современных условиях удовлетворение значительной доли потребностей человека происходит за счет включенности его в организацию, где он, выполняя определенную трудовую функцию, реализует себя с большей или меньшей полнотой. Вместе с увеличением и сложностью выполняемых операций происходит и дифференциация профессиональных полномочий [3, p. 784].

В аграрной политике советского периода агросфера, включающая типы поселений и расселения, хозяйственные организации, жителей, рассматривалась с позиции должностования: она отвечала за обеспечение страны продовольствием. К идее этой функциональной обязанности привязывались многие действия государства: подготовка кадров, обеспечение техникой, удобрениями, различные реорганизации в расселении, размерности хозяйств и т.п. Нужно отдать должное - к этапу позднесоветского времени российский аграрный сектор был оснащен относительно полно всем необходимым для выполнения функции обеспечения продовольствием своей страны и в основном с этим мог бы

справляться, если бы не издержки в мотивации труда, неэквивалентность обмена и другие причины.

По мере технической модернизации внутрихозяйственная организация становилась все более сложной и открывала перспективы вертикальной социальной мобильности. Эти изменения происходили в русле общих тенденций взаимоотношения человека homo-faber и производства. Однако в соответствии с философией аграрной реформы в агросфере произошли коренные изменения: крестьянство как совокупность людей, занимающихся сельскохозяйственным трудом, больше не является ответственным за производственное обеспечение страны. Эта функция перешла в руки государственных органов и бизнеса, соответственно оказалось, что массовые слои крестьянства сами должны озаботиться о своем выживании, поскольку стали независимыми от государства, которое многие свои функции передало «невидимой руке» рынка.

Масштаб социальной ответственности сельскохозяйственного предприятия любого из новых укладов распространен в основном на персонал его, что соответствует нормам трудовых отношений западного образца, но стало парадоксальным с точки зрения этоса, сформированного практиками колхозных десятилетий. Колхоз и сообщество совместно были своеобразной социохозяйственной структурой, функционирование которой зависело от сбалансированности обмена ресурсами между той и другой сторонами. Полной гармонии в этом никогда не было, но у членов сельского сообщества оставалась уверенность (что имело место в реальности), что они не окажутся брошенными на произвол судьбы в случае чрезвычайной жизненной ситуации.

В условиях наступления в позднесоветские годы «экономики дефицита» (Я. Карнаи) на село распространились отношения зависимости, старшинства и подчинения, складывающиеся либо на обладании должностями, либо владением ситуацией, ставящей в зависимость от него других людей.

Индикаторами места человека в современной крупной организации становятся: наличие постоянных и эпизодических функции координатора; время для приобретения навыков профессии; сложность труда; работа с информацией; анализ и синтез данных; престиж профессии (высокий, средний, низкий); доход; стабильность места работы в данной организации (высокая, средняя, низкая). В крупных сельскохозяйственных организациях современных укладов общие правила взаимодействия работников предприятия сохраняются, хотя и в усеченном (по сравнению с советским периодом и практиками зарубежных фирм) виде.

Современное сельскохозяйственное предприятие может включать до 15 различных служб, таких как: административного и оперативного руководства; агрономическая и мелиоративная; зоо- и ветеринарные; хозяйственного обслуживания; служба автопарка и другие. Однако набор служб и численности персонала зависят от размера пахотной земли, объема различных ресурсов. Если, например, численность персонала организации менее 15 единиц, то не положено иметь руководителя автопарка. Что касается небольших фермерских хозяйств, то они обходятся членами своей семьи, которым приходится становиться полипрофессионалами. Таким образом, структура современных сельскохозяйственных организаций (в основу которой положен принцип экономии ресурсов) не открывает больших возможностей для самореализации в труде и вертикальной мобильности. Некоторые перспективы горизонтальной мобильности имеются для опытных механизаторов и животноводов в виде доплат в размере 20% за статус первого класса и 10% - за второй. Еще одним видом сочетания вертикальной и горизонтальной мобильности является оплата совмещения обязанностей разных служб [4, с. 508].

Механизм круга можно показать на примере восстановления аграрных кадров, этого наиболее обостренного вызова современного АПК. Масштабы модернизации производства не представляются перспективными для сельской молодежи, стоящей на пороге выбора своего профессионального статуса. Другая сторона воздействия аграрного производства на весь строй жизнеустройства сельских семей связана с автономностью сель-

скохозяйственных предприятий, доходящей до закрытости. Для выпускников сельской школы тема потребности в кадрах местной сельскохозяйственной организации или фермера - terra incognita, равно как и то, какая применяется новая техника, в чем ее преимущество и т.д. Школьники при посредстве родителей, учителей рассматривают другие модели жизнеустройства, не связанные с селом. И это серьезный вызов стабильности села и аграрного производства. Если школа выпускала ежегодно, например, 30 ребят, то уменьшение числа выпускников в какой-то год на 2-3 человека не вселяет беспокойства, так как в следующем учебном году баланс восстановится. Но если этих выпускников всего 4-5 и идет ежегодное уменьшение их числа даже на одного человека, это серьезная социальная угроза сельской реальности.

В сельском хозяйстве около половины работников старшего возраста имеют начальное профессиональное образование во всех возрастных категориях: (50-54 года - 37,8%; 55-59 лет - 43,8%; 60-64 - 42,6% и старше - 48,0%). Каждый пятый возрастной работник 50-59 лет имеет среднее общее образование. Лишь 15% работников старше 60 лет имеют среднее общее образование. Среднее профессиональное образование - у трети работников в возрасте 60-64 лет. Около 20% 55-59-летних респондентов, имеющих диплом техникума, не получали специальной профессиональной подготовки для нынешней работы. Они считают, что для нынешней работы образования их уровня вполне достаточно, и эта оценка свидетельствует о степени развитости техники и технологии в АПК [5].

Следующий виток возврата процесса воспроизводства к исходной ситуации сельской реальности связан с невозвращением сельской молодежи на село в качестве образованных, профессионально подготовленных кадров. Он обусловлен, во-первых, низким уровнем ресурсов семьи, чтобы обеспечить финансами обучение детей в престижных высших учебных заведениях и слабой подготовкой самих выпускников сельских школ, чтобы получить проходные баллы. Поэтому основным местом обучения выступает аграрный вуз, в который поступить легче, и плата за обучение, поскольку учиться приходится на коммерческой основе, более низкая, чем в других вузах. Престиж высшего образования в сельских сообществах высокий, и оно становится самоцелью безотносительно того, придется ли работать по специальности. Опрос студентов Саратовского аграрного университета (351 опрошенных из около половины специальностей и направлений) показал, что 48% их уже при поступлении в вуз не планировали работать на селе и не изменят свое решение ни при каких условиях. Эта цифра не изменилась при опросе выпускников; на селе в течение 2009-2011 гг. ежегодно устраивалось около 12% выпускников [6].

Во-вторых, структура хозяйственных организаций новых укладов, заменивших колхозы, отторгает специалистов. С одной стороны, из-за специализации: если нет в хозяйствах животноводства, а в подавляющем числе хозяйств оно как раз и отсутствует, то нет и не может быть соответствующей штатной единицы. Поэтому между числом выпущенных специалистов по ветеринарии и их трудоустройством существует вопиющее несоответствие. Саратовский аграрный университет в 2011 г. выпустил 353 ветеринара, трудоустроено 4; в 2012 г. - соответственно 88 и 4; в 2013 г. из 81 обученного не трудоустроен ни один человек.

Плохо решается вопрос с жильем для молодых специалистов. Так, в 2011 г. в расчете на один регион страны лишь 64 семьи получили материальную поддержку государства на улучшение своих жилищных условий.

Там, где выпускника аграрного вуза все же принимают на работу, ему назначают зарплату ниже, чем рядовому механизатору. Так, средняя зарплата молодых специалистов по 37 субъектам РФ составляла: в 2009 г. - 7,6 тыс. руб., в 2010 г. - 8,8 тыс. руб., в 2011 г. - 10,2 тыс. рублей.

Таким образом, не только стимулирование отдельной группы на переезд в деревню, но улучшение общей обстановки - наличие рабочего места, достойная оплата труда, обес-

печенность жильем и прочими социальными благами - может действительно изменить ситуацию и с пополнением кадров специалистов (табл.).

Таблица. С какими трудностями встречается в настоящее время молодой специалист, изъявивший желание работать в селе? (в % от числа опрошенных)

Table. What are the difficulties currently encountered by a young specialist who expressed a desire to work in the village? (in% of the number of respondents)

Трудности при трудоустройстве	Мужчин	Женщин	Среднее значение по выборке
Ему предложат должность с низкой зарплатой	53,9	61,5	57,8
Не будет хорошего жилья	35,3	29,3	31,8
Не окажется должности по его специальности	29,4	35,0	32,6
Необходимость ведения ЛПХ	20,6	8,5	14,2
Не будет условий для карьерного роста	33,7	26,5	30,0
Неразвитость системы образования, здравоохранения, учреждений культуры и дорог	23,5	26,5	25,2

Источник: [7].

Source: [7].

Итогом и результатом воздействия современных укладов на процессы репродукции на селе является устойчивое повторение круга по безвозвратной потере резерва аграрных кадров. Воспроизводится ситуация, когда отсутствие организующей функции сферы производства пронизывает не одну годичную смену событий в жизненном пространстве села, а целый пласт их. То есть повтор схожих результатов происходит уже не один десяток лет, которые год от года не меняются, демонстрируя негативный возврат к исходной ситуации. Акторами корректировки данной тенденции круга считаются учителя, работники органов и организаций культуры, но их ресурсы влияния нейтрализуются по тем же причинам - производственно-трудовыми и экономическими отношениями, господствующими в социальном пространстве.

На этой базе складывается новая философия надежности жизни сельской семьи, суть которой - опора на собственные ресурсы (здоровье, работоспособность членов), реализуемые как в своем селе, так и за его пределами. Прошлый социальный опыт колхозного бытия жителей оказался мало пригоден для современных реалий. Стыковка хозяйственной и социальной сторон жизни села в условиях реального социализма при некоторой специфике от раннего к позднему его этапу отличалась тем, что повседневность крестьянства приспосабливалась довольно жестко к решению задач сельскохозяйственного производства. При совпадении сроков работ в колхозе и ЛПХ неукоснительным правилом считалось предпочтение первому. Хотя выживать за счет получаемых доходов от коллективно организованного труда было невозможно, приоритеты за всю историю колхозного строя не менялись. Зато менялись возможности колхоза выполнять социальные функции, заменив, по существу, то, что должно было бы делать государство в отношении крестьянства: пенсия, пособия, возможность свободного перемещения и т.д.

Одной из генеральных идей аграрного реформирования был отбор среди разнообразных новых укладов наиболее жизнеспособных. По мысли реформаторов наибольшей жизнеспособностью должен обладать уклад, близкий к колхозному, который был опри-вычен не одним поколением сельских жителей. Этими признаками обладал сельскохозяйственный производственный кооператив. Сторонники этого уклада наделяли умозрительно его многими позитивными качествами, которых не было в обычном старом колхозе, но которые «должны были появиться» благодаря снятию негативных предпосылок. Так, помимо влияния факторов - земля государственная ранее, теперь частная,

наличие паевого фонда и возможность получить от него доход, - член СПК хотя и нес ответственность по обязательствам кооператива, но имел право и выйти из него [8, с. 4].

Обращение к укладу СПК на начальном этапе аграрной реформы, попытка придать ему институциональный вес (Закон «О сельскохозяйственной кооперации» от 08.12.1995 г. № 192-РФ) было вызвано благородными намерениями группы аниматоров, ученых и практиков, прежде всего, не допустить моментальной ломки, не навредить жизнеустройству сельского социума, опривычившему бытность «в тепле родного коллектива», то есть соединения пусть не полной, но сохранившей суть теннисовской модели общности (близкой семье). Соединение в СПК коммунарных и частных потенций, чего по определению не мог обеспечить старый колхоз, должно было дать простор свободной творческой активности его участников. К этому подталкивала и институционализация процесса: производственные кооперативы могли включать по 500-800 членов, то есть весь состав работников типичного колхоза. Законом об обществах с ограниченной ответственностью (ООО), принятом в 1998 г., всем товариществам с ограниченной ответственностью (имеющим более 50 участников) предписывалось преобразоваться в кооперативы или акционерные общества [8, с. 3].

Кроме того, беспокоила перспектива поддержки социальной сферы села, которая в старом колхозном варианте во многом заменяла функции, присущие социальному государству. Ведь по американско-нижегородской модели, которую тогда пытались внедрить в России и которая с небольшой коррекцией действует и сегодня, сельскохозяйственные организации освобождались от забот о социальной сфере и расходов на нее. В условиях развитого кооперативного устройства социально-экономических реалий эта проблема органично решалась силами и средствами общности, объединенной в СПК. Там, где сохранились ресурсы прежних колхозов, которые наряду с паявыми взносами использовались на новые цели, получены устойчивые результаты жизненному пространству села [9, с. 71-78].

Осмыслению перспектив кооперативной организации может помочь международный опыт, отражающий соединение трудовых и поселенческих сторон жизнедеятельности сельского населения. Наиболее полно он решен в израильских кибуцах и мошавах, которые по времени возникновения опережали советские колхозы примерно на два десятилетия (первый опыт приходится на 1910 г.) [10].

В настоящее время в Израиле существует 270-280 кибуцев (от ивритского «община»), в каждом около 200 членов, и более 15 тыс. мошавов (то есть рабочих поселений). Производственная деятельность этой агроструктуры уже 30 лет обеспечивает на 90-95 % потребности страны в продовольствии [11, с. 61].

Наиболее полно коммунарные начала - равенство и социальная ответственность - решены в кибуцах: общая обязанность трудиться; коллективный труд и самоуправление; трудиться по способностям, получать ресурсы для жизни по потребностям; равные права на получение материальных благ (жилье, питание, пользование легковым транспортом, карманные деньги); свободное волеизъявление в выборе партии, религии; общественное воспитание и питание детей; обеспечение старости и инвалидности; отсутствие прямой связи между результатами труда и коллективным распределением благ по потребностям; демократизм в организации общественной жизни. Полное материальное обеспечение по высшим нормам, демократизм и эффективность труда - главные позитивные черты кибуцной организации.

В то же время некоторые моменты жизнеустройства кибуцев подвергаются критике. В крупных кибуцных организациях, как и в российских СПК, имеет место эффект «людской периферии», часть участников этих укладов не желает брать на себя ответственность по общим вопросам, требующим солидарности. Нет в них и глубоких эмоциональных связей, как в группе небольшой.

Спорным является институционализация равенства распределения благ, проблемы которой выявились в практике кибуцев. Например, инженер стоит «дороже», чем рабочий, но вознаграждение за их труд одинаково. Отсутствие в них механизма поддержки престижного потребления также не способствует стремлению к более высоким результа-

там, поскольку поощрения за них не предусмотрено. Это не способствует развитию индивидуальной конкурентоспособности - неизбежному элементу современной рыночной экономики. В крупной организации дифференциация функций трудового коллектива, особенно лиц, причастных к регулированию распределения благ, приводит к корректировке норм морали, появлению фигур необоснованного властвования и подчинения. Тем не менее жизнедеятельность участников кибуцев на основе указанных выше принципов оказывается очень эффективной экономически и благоприятной социально. Высокие социальные и экономические результаты демонстрируют производственные кооперативные структуры и других стран. Казалось бы, институционализация кооперативных структур и предрасположенность бывших колхозников России жить «в тепле родного коллектива» должны были бы дать тоже хорошие результаты.

Надежда на то, что структура СПК, включающая коммунарные и частнособственнические интенции, будет эффективной и жизненной, во многом в России не оправдалась. Если к началу второй половины 1990-х годов численность СПК составляла более 15 тыс., то к концу первого десятилетия начала XXI в. происходило снижение их до 4773 единиц [12, с. 4]. По финансовой устойчивости СПК уступают обществам с ограниченной ответственностью [12, с. 5].

Однако мелкие формы хозяйствования, основанные на коллективно-договорных началах, каковым при современной институционализации является СПК, имеют обнадеживающую перспективу расширения поля хозяйственной самостоятельности сельских жителей и могли бы способствовать решению ряда экономических и социальных забот. Хотя такая же возможность есть и в других укладах - фермерском и акционерном, однако численность производственных персоналов в них стабильна, и только выбытие по возрасту отдельных членов освобождает рабочие места. Но одновременно стареют и безработные (или занятые неупорядоченным способом зарабатывания средств), поэтому они могут и не дожидаться возможности трудоустройства в таких хозяйствах.

Именно этой категории сельских жителей нужен «колхоз», как и назван СПК в законе «О сельскохозяйственной кооперации» № 192-ФЗ, но колхоз новый по ресурсам совместности деятельности людей. Рассматривая положение Закона через 23 года после его принятия (и с учетом поправок), нельзя не увидеть его главный изъян - ориентацию на включение в СПК всего состава членов колхоза старого, а также большого количества ассоциативных членов. Ограничивался лишь нижний предел: в нем не могло быть меньше пяти членов. Ресурсы, созданные за счет паев, были незначительными, персонал не обладал мобильностью, постоянно нависала угроза банкротства и распада этого уклада. Не случайно количество СПК сокращалось, оставшиеся минимизировали и численность персонала. Например, СПК «Бобино» Кировской области, состоявший из 1615 чел., входивших в старый колхоз, включил в качестве членов 274 человека [13, с. 111].

На наш взгляд, в настоящее время нужно сменить угол зрения на СПК с учетом прежде всего резкого сокращения доли экономически активного состава сельского населения и социально-психологической составляющей жизнедеятельности семей. Во-первых, из числа оставшихся трудоспособных селян больших СПК создать нереально, поскольку объединение их в некую договорную структуру возможно только на основе ценностей высшего порядка - дружбы, доверия, самопожертвования, без которых трудно создать эффективно действующую социохозяйственную структуру, но этим в наше время обладает не каждый, сказывается воздействие этоса индивидуализма, который вошел в бытие и сельских жителей, осложнилась совместимость людей по деловой их активности.

Историческая ретроспектива организации АПК в СССР, начиная с колхозов, показывает, что все начинания в нем задавались центральной властью. Инициативно переменив структуру, например, с колхозной на совхозную или наоборот, а тем более создать некую новую было невозможно. Этот подход, принципиально скорректированный аграрной реформой, казалось бы, дает субъектам (сельским сообществам) правовую основу менять свое положение в рамках существующих укладов. Однако это происходит не по воле жителей, а как следствие действий игроков на аграрной экономической арене. «Мы берем деревню, - говорит менеджмент агрохолдинга, - но приводим численность прини-

маемых на работу ее жителей к размеру площади пашни». Судьба остальных остается под вопросом, их удел - сосредоточиться либо на ЛПХ, либо на отходничестве. Если в первом (ЛПХ) члены сельской семьи в определенной степени остаются самостоятельным субъектом экономических отношений, то во втором (трудовое отходничество) они бесправны перед работодателем и испытывают большие бытовые неудобства [14].

Сориентированные на выживание за счет ЛПХ также испытывают трудности не столько из-за режима постоянной озабоченности по поводу хозяйства, сколько из-за сложностей сбыта производимой продукции. Как отмечают респонденты, велика их зависимость от перекупщиков, которые диктуют цены, особенно в селах, удаленных от мест сбыта. Снабженческо-сбытовые кооперативы, которые могли бы им помочь, на селе редкость, к тому же жители не видят различий между ними и стихийными посредниками.

На наш взгляд, именно потребность упорядочить основные функции семейного хозяйства жителей села могла бы стать импульсом для создания, точнее реанимации сельскохозяйственных производственных кооперативов. Главы товарных семейных хозяйств приводят следующие доводы в пользу кооперативов в своей среде. «Нас в деревне совсем немного, до 10 человек, у каждого схожие заботы и каждый в одиночку решает свои проблемы. В то же время мы отличаемся по склонности к той или иной работе: один больше любит животноводство, другой склонен торговать, у третьего есть надежный транспорт, у четвертого - связи с хозяевами различных торговых площадок, пятый - специалист информатики и т.д. Кооперация на уровне СПК нам была бы полезна» (мужчина, хозяин ЛПХ). Если этого не происходит, то причина в отсутствии опыта самостоятельности, нежелании контактировать со структурами власти, преодолевать бюрократические барьеры, нести неоправданные финансовые расходы.

Если рассматривать большую глубину ретроспективы, то можно обнаружить, что произошел возврат к некоторым устоям частного существования крестьянского двора, характерного для XIX и начала XX в. Это в первую очередь относится к наиболее активной части сельских сообществ («креативному классу»), которые, оказавшись вне общественных форм организации труда, стали выживать за счет достаточно крупного семейного хозяйства, сделали его товарным, поскольку производят больше, чем требуется для собственного потребления. Официальными фермерами они не хотят становиться, чтобы избежать воздействий государства, которые сопровождают институт фермерства, хотя и им приходится нести определенное налоговое бремя. При этом реанимируются не только типичные крестьянские виды труда: полеводство, огородничество и животноводство, но и редкие, такие как пчеловодство, промыслы, извоз и др., которые по экономической эффективности нередко превосходят традиционное хозяйствование на земле и на ферме. Хотя техническое оснащение труда меняется, но вряд ли такая автономная семья и ее глава вышли из модели «надежды на себя, на свои силы, здоровье».

В мае 2018 г. Госдума приняла Закон об изменении налогообложения самозанятых, предусматривающий переход на патентную форму. Виды деятельности, стоимость патентов будут уточняться на уровне субъектов федерации. Понятие «самозанятость» наиболее адекватно отражает повседневность сельских жителей, которые без посредников создают блага для своего выживания.

В сельских территориях самозанятость в основном локализуется в ЛПХ (семейном хозяйстве). При этом подавляющее большинство сельских жителей, ведя семейное хозяйство, никакого дохода от него не получают, почти вся продукция с их небольшого производственного участка потребляется самой семьей. То есть патентная форма налогообложения их мало беспокоит. Однако она вызвала немало вопросов у семей, ведущих семейное хозяйство более крупное, прежде всего по учету видов деятельности, на каждый из которых согласно букве закона полагается отдельный патент. «Если у меня в хозяйстве имеется корова, овцы, свиньи, птица, кролики, да еще если я собираю грибы, то моя деятельность будет предполагать приобретение такого количества патентов, что хозяйствование потеряет всякий смысл, так как стоимость их превысит доход» (мужчина, 57 лет, глава семейного хозяйства).

Таким образом, репродукционные круги всего жизненного пространства села определяются организацией хозяйственной его составляющей. Социальная сторона, как это демонстрирует опыт сохранения коммунальной линии в зарубежных социохозяйственных организациях, является важной составляющей в обеспечении высокой эффективности. В российских условиях ее роль занижена: сельскохозяйственная организация и жизнь сельского сообщества - два слабо связанных между собой поля жизненного пространства. Круги репродукции, вместо введения в них новаций, элементов созидания, чаще утрачивают традиционно существующие и порождают новые социальные вызовы. В то же время деревня еще не полностью утратила качества общности, которые несут в себе прекрасные черты человеческого общежития. Поэтому те уклады, в которых более или менее органично соединяются потенциалы коммунальный и частного капитала, заслуживают особого внимания и должны охватываться стратегическим и оперативным управлением.

В качестве элементов репродукционного круга участвуют предметы и явления практического и духовного содержания повседневности. Именно в ней сталкиваются преднамеренные действия органов, ответственных за развитие деревни, и самостоятельное жизнеустройство, непреднамеренно корректирующее результаты репродукции. Сильным влиянием обладает временной фактор, внося в состояние среды обитания высокую степень неравномерности.

Рассмотрение реалий жизненного пространства села в фокусе репродукционных кругов основных его элементов позволяет уточнить степень влияния разных факторов, временную глубину в перспективе того, что может произойти с российской деревней. Село существует более четверти века в условиях социальных ограничений. Приходится признать, что некоторые подвижки в поддержке, точнее исправлении ситуации, такие как возврат медицинских учреждений в средние по людности деревни, реставрация домов культуры, не могут изменить круги репродукции в жизненном пространстве села. Они останутся теми же или с потерей части важных элементов, обладающих потенциалом роста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Giddens A. Die Konstitution der Gesellschaft: Grundzüge einer Theorie der Strukturierung. - New York, 1995.
2. Giddens A. Central problems in social theory: action, structure and contradiction in social analysis. - London: Macmillan press, 1979.
3. Spaeth Joe L. Vertical Differentiation among Occupations // American Sociological Review. - 1979. - V. 44. - № 5. Oct.
4. Справочник специалиста агропромышленного комплекса / Ф.Н. Мухаметгалиев, Ф.Н. Авхадиев, И.Г. Гайнутдинов и др. - Казань: Казан. ун-т, 2011. - С. 508.
5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>.
6. Здесь и далее использованы данные социологических исследований И.П. Глебова и Е.В. Черненко (Глебов И.П., Черненко Е.В. Воспроизводство человеческого капитала в агроэкономике: Монография. - Саратов: Саратовский ГАУ, 2015. - С. 40). Данные по 22 аграрным вузам.
7. По материалам опроса социологами Института аграрных проблем РАН выпускников аграрного университета. - № 235.
8. Сельскохозяйственный производственный кооператив. - М.: Энциклопедия российских деревень, 1998.
9. Девяткина Л.Н. Роль сельскохозяйственных производственных кооперативов в социальном развитии села / Мат-лы науч.-практ. конф., посв. 20-летию принятия Федерального закона «О сельскохозяйственной кооперации» «Двадцать лет развития сельскохозяйственной кооперации: достижения и задачи» (8 декабря 2015 г., г. Москва). - М.: Росинформагротех, 2016.
10. Гельмут Брюггеманн, Михаэль Вайдингер. Израильский кибуц - модели альтернативного социализма? // О ситуации в России. Альманах «Восток». - 2004. - № 12 (24), дек. URL: http://situation.ru/app/j_art_611.htm

11. Штейман М.Я. Кибуцы: возникновение, достижения, проблемы // Міжнародний збірник наукових праць. - 2009. - Вып. 3(15).
12. Петриков А.В. Сельскохозяйственная кооперация: проблемы и решения / Мат-лы науч.-практ. конф., посв. 20-летию принятия Федерального закона «О сельскохозяйственной кооперации» «Двадцать лет развития сельскохозяйственной кооперации: достижения и задачи» (8 декабря 2015 г., г. Москва). - М.: Росинформагротех, 2016.
13. Сельскохозяйственный производственный кооператив. Изд-во ВИАПИ, Нижеагрофонд, Юагрофонд, Росагрофонд, Агромир, - М., 1999.
14. Отходники: Монография / Плюснин Ю.М. [и др.]. - М.: Новый Хронограф, 2013. - 288 с. - ISBN 978-5-94881-239-7.

REFERENCES

1. Giddens A. Die Konstitution der Gesellschaft: Grundzüge einer Theorie der Strukturierung. New York, 1995. (In Germ.).
2. Giddens A. Central problems in social theory: action, structure and contradiction insocial analysis. London: Macmillan press, 1979. (In Eng.).
3. Spaeth Joe L. Vertical Differentiation among Occupations. American Sociological Review. 1979. V. 44, № 5 Oct. (In Eng.).
4. Spravochnik spetsialista agropromyshlennogo kompleksa [Reference Book of The Specialist of The Agroindustrial Complex]. F.N. Mukhametgaliev, F.N. Avkhadiev, I.G. Gajnutdinov i dr. Kazan': Kazan. university, 2011, p. 508. (In Russ.).
5. Ofitsial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki [Official Site of The Federal State Statistics Service]. Available at: URL: <http://www.gks.ru>. (In Russ.).
6. Zdes' i dalee ispol'zovany dannye sotsiologicheskikh issledovanij I.P. Glebova i E.V. Chernenko (Glebov I.P., Chernenko E.V. Vosproizvodstvo chelovecheskogo kapitala v agroehkonomie: monografiya. Saratov: Saratovskij GAU, 2015. P. 40) [Here and further, the data of sociological research of I.P. Glebov and E.V. Chernenko (Glebov I.P., Chernenko E.V. Reproduction of Human Capital in Agroecconomics: Monograph. Saratov: Saratov GAU, 2015. P. 40)]. Data on 22 agricultural universities. (In Russ.).
7. Po materialam oprosa sotsiologami Instituta agrarnykh problem RAN vypusknikov agrarnogo universiteta. No. 235 [According to the poll of sociologists of the Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences graduates of the Agrarian University. No. 235]. (In Russ.).
8. Sel'skokhozyajstvennyj proizvodstvennyj kooperativ [Agricultural Production Cooperative]. Moscow: Encyclopedia of Russian villages, 1998. (In Russ.).
9. Devyatkina L.N. Rol' sel'skokhozyajstvennykh proizvodstvennykh kooperativov v sotsial'nom razvitii sela [The Role of Agricultural Production Cooperatives in The Social Development of the Village]. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashhennoj dvadtsatiletiyu prinyatiya Federal'nogo zakona «O sel'skokhozyajstvennoj kooperatsii» «Dvadtsat' let razvitiya sel'skokhozyajstvennoj kooperatsii: dostizheniya i zadachi» (8 dekabrya 2015 g., Moskva) [Proceedings of The Scientific and Practical Conference Devoted to The 20th Anniversary of The Adoption of The Federal Law "On Agricultural Cooperation" "Twenty Years of Development of Agricultural Cooperation: Achievements and Tasks" (December 8, 2015, Moscow)]. Moscow: Rosinformagrotekh, 2016. (In Russ.).
10. Gel'mut Bryuggemann, Mikhaehl' Vajdinger. Izrail'skij kibuts - modeli al'ternativnogo sotsializma? [Israeli Kibbutz As A Model Of Alternative Socialism?]. O situatsii v Rossii. Al'manakh «Vostok» = On The Situation in Russia. Almanac "East". 2004. No. 12(24), Dec. Available at: URL: http://situation.ru/app/j_art_611.htm. (In Russ.).
11. Shtejman M.Ya. Kibutsy: vozniknovenie, dostizheniya, problemy [Kibbutz: The Emergence, Achievements, Problems]. Mizhnarodnij zbirnik naukovikh prats' = The International Collection Of Science. 2009. Vol. 3(15). (In Russ.).
12. Petrikov A.V/ Sel'skokhozyajstvennaya kooperatsiya: problemy i resheniya [Agricultural Cooperation: Problems and Solutions]. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashhennoj dvadtsatiletiyu prinyatiya Federal'nogo zakona «O sel'skokhozyajstvennoj kooperatsii» «Dvadtsat' let razvitiya sel'skokhozyajstvennoj kooperatsii: dostizheniya i zadachi» (8 dekabrya 2015 g., g. Moskva) [Proceedings Of The Scientific And Practical Conference Dedicated To The 20th Anniversary Of The Adoption Of The Federal Law "On Agricultural Cooperation" "Twenty Years Of Development Of Agricultural Cooperation: Achievements And Tasks" (December 8, 2015, Moscow)]. Moscow: Rosinformagrotekh, 2016. (In Russ.).

13. Sel'skokhozyajstvennyj proizvodstvennyj kooperativ [Agricultural Production Cooperative]. Izdatel'stvo VIAPI, Nizheagrofond, Yugagrofond, Rosagrofond, Agromir = Publisher VIAPI, Nizheagrofond, Yugagrofond, Rosagrofond, Agromir. Moscow, 1999. (In Russ.).
14. Otkhodniki: [monografiya]. Plyusnin Yu.M. [i dr.] [Seasonal Workers [monograph]. Plyusnin Y.M. [etc.]]. Moscow: Novyj Khronograf = New Chronograph, 2013. 288 p. ISBN 978-5-94881-239-7. (In Russ.).

Информация об авторе:

Великий Пётр Панфилович, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Лаборатория социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий, Институт аграрных проблем Российской академии наук, г. Саратов, Россия
iagpran@mail.ru

Получена: 04.09.2018

Information about the author:

Peter P. Velikiy, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Leading Researcher, Laboratory of Social Development of the Agro-Industrial Complex and Rural Territories, Institute of Agrarian Problem of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia
iagpran@mail.ru

Received: 04.09.2018

УДК 32.321

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-83-87

ЖАБЧИК Светлана Викторовна
Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
salgir202@rambler.ru

Svetlana V. ZHABCHIK
Kuban State Agrarian University named
after I.T. Trubilin
Krasnodar, Russia
salgir202@rambler.ru

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ В РОССИИ:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ**

**INTELLECTUALS AND POWER IN RUSSIA: SOME
ASPECTS**

Этот вопрос во все времена вызывал к себе повышенный интерес. В последние годы он стал темой многих газетных и журнальных публикаций. В большинстве из них интеллигенция рассматривается как явление не только духовной и культурной, но и политической жизни общества. В нашей истории вопрос этот далеко не новый, поднимается не впервые и обязан своим возникновением той привычной для нас общественной ситуации, когда некоторая часть населения политически не развита и пассивна. В этих обстоятельствах некий слой общества (в России их называли интеллигенцией) возлагает на себя роль оппозиции власти, при этом считая себя выразителем интересов широких народных масс. В демократическом обществе отношение интеллигента к власти такое же, как у большинства людей, участвующих в выборах. Отношение к интеллигентам со стороны разных общественных групп носит двойственный, противоречивый характер: некоторые рассматривают их как передовых представителей России, другие как разрушителей исторической самобытности страны. В статье предпринята попытка рассмотреть длительный процесс взаимоотношения интеллигенции и власти в России.

This question has always aroused great interest. In recent years, it has become the subject of many newspaper and magazine publications. In most of them, the intelligentsia is seen as a phenomenon not only spiritual and cultural, but also political life of society. This is not a new issue in our history. This is not the first time that it has been raised, and it is due to the emergence of the usual social situation for us, when some part of the population is not politically developed and passive. In these circumstances, a certain layer of society (in Russia they were called intellectuals) assumes the role of opposition to the government, while considering himself the spokesman of the interests of the masses. In a democratic society, the intellectual's attitude to power is the same as that of most people participating in elections. The attitude towards intellectuals on the part of different social groups is dual, contradictory: some consider them as the leading representatives of Russia, others as the destroyers of the historical identity of the country. The article attempts to consider the long process of relationship between the intelligentsia and the authorities in Russia.

Ключевые слова: интеллигенция, властные структуры, идеология, западный либерализм, нравственные ценности

Keyword: intelligentsia, power structures, ideology, Western liberalism, moral value

Для цитирования: Жабчик С.В. Интеллигенция и власть в России: некоторые аспекты. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 5 -1. с.83-87.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-83-87.

For citation: Zhabchik S.V. Intellectuals and power in Russia: some aspects. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no. 5 -1. Pp. 83-87.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-83-87. (in Russ)

Независимо от того, какие силы стояли у власти, процесс взаимоотношений интеллигенции и тех же властных структур всегда вызывал повышенный интерес. Специалисты разных областей гуманитарного знания не обходили стороной этот вопрос, что свидетельствует о значимости этого социального феномена [1-5]. Соотношение интеллигенции и народа возникло в результате соприкосновения русской и европейской культур (начиная примерно с эпохи Петра I), переноса на русскую почву иной для нее культуры. Русская интеллигенция есть производное этих культур, их синтеза. В то же время она имеет новые черты по сравнению с традиционной культурой. Интеллигент в дореволюционной России - это, как правило, человек с западным воспитанием и манерами. Таким образом, характеристику, которую дал А.С. Пушкиным своему персонажу Владимиру Ленскому, - «полурусский», можно отнести к большинству представителей интеллигенции.

Важно отметить, что европейская культура переносилась в Россию зачастую без учета ее особенностей, без связи с отечественными традициями [4]. Вследствие этого она получила распространение лишь в привилегированных классах общества, создав в них небольшой слой образованных граждан дворянского, а в последствии разночинского происхождения. Большая же часть народа, в основном крестьяне, следовала старинным обычаям и традициям, пренебрегая европейскими понятиями и нравами. В результате Россия разделилась на две - народную (массовую) и интеллигентскую (элитарную), которые плохо понимали друг друга.

Разночинская интеллигенция делала попытки найти путь к народу, объединиться с ним в вере и культуре [5]. «Западники» желали просветить и образовать народ, дать ему навыки цивилизованной европейской жизни, обрести в них опору для будущего развития России. Поэтому для них была нестерпима сама мысль о России как диком и невозделанном континенте, который только и ждет, когда его обработают европейским плугом. Для одних Европа стала образцом для подражания. Для других Россия была ценна своей самобытностью.

Для разночинской интеллигенции источник зла таился в государстве и власти, эксплуатирующей народ, обрекающей его на рабскую жизнь. Главная установка предреволюционной интеллигенции - очернение самодержавия. В своей борьбе с деспотической властью она готова на крайние меры вплоть до отрицания государства (к примеру, анархисты). Но были и другие, представляющие «партию власти». Среди них немало образованных людей России, считавших, что народ еще не созрел для свободы и демократии и нуждается в опеке над собой сильной и твердой государственной власти [3]. Идея монархии, по их мнению, намного ближе и органичнее ему, чем идея личной свободы. Сами они не относили себя к интеллигенции, даже чурались ее, тогда как последние видели сплошь реакционеров и консерваторов.

Следует воздержаться от упрощенной оценки этой застарелой русской тяжбы между интеллигенцией и властью. Никому из них не принадлежала вся правда о русском народе. И каждый приписывал ему то, чем он никогда не был: одни - стремление к свободе в духе европейской демократии, другие - готовность бесконечно терпеть над собой деспотическую власть. Однако идея западного либерализма и концепция неограниченного самодержавия, выношенная на вершинах власти, стали в равной мере чужды и непонятны народу. Не раз он поднимался на защиту Отечества от внешних нападений, постоянно бунтовал против своих внутренних притеснителей, но политика как таковая, вопросы государственного устройства России его волновали мало. Все, чего он хотел, - это жить и трудиться на своей земле, сохранять верность обычаям и вере своих предков.

Судьба старой интеллигенции в результате постигших Россию революционных потрясений оказалась, как известно, глубоко трагичной. Часть ее эмигрировала, другая погибла в лагерях и ссылках, и лишь незначительное число примкнуло к новой власти. Приход большевиков к власти обернулся и для самой интеллигенции историческим поражением, сделав невозможным само ее существование в прежнем качестве. Дело не только в ее физическом истреблении (что, конечно, тоже имело место), но в завершенности, исчерпанности того, чему она поклонялась и во что до сих пор безоговорочно верила. В сложившейся после революции новой ситуации интеллигенция не смогла сохранить себя в качестве серьезной общественно-демократической силы, глубоко не переосмыслив свое место и роль в обществе, методы и средства собственной борьбы за свободу.

Отказ сегодняшней интеллигенции от марксизма и социализма не решает всей проблемы, поскольку не в них в конечном счете заключена причина ее исторической неудачи и поражения. Воюя с коммунистической идеологией, интеллигенция порой упускает из виду ту реальную почву, из которой произрастает тоталитаризм и которая в значительной мере была когда-то подготовлена ею самой. К сожалению, и сейчас интеллигенция далека от мысли о своей личной ответственности за тот строй, который победил в стране после революции 1917 г., предпочитая изображать себя лишь в качестве его жертвы. Кровавый и предельно террористический характер утвердившейся в России диктатуры опирался во многом на стремление определенной группы людей добиться политического

успеха, навязать обществу собственную идеологию насильственными средствами, вплоть до самых радикальных и революционных. В своем большинстве такие люди поставались, как мы уже говорили, интеллигентской средой, сделавшей разработку и пропаганду идей своей главной деятельностью. Н. Бердяев считал, что российская интеллигенция «была у нас идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой, образовавшейся из разных социальных классов...» [1]. Не каждый идеолог становится бунтарем, но все радикальные перемены готовились и направлялись идеологами. В России революционность и идейность всегда были синонимами. Дело не в том даже, какой идее обязались служить различные поколения интеллигенции, а в том, что выводилась она ими не из конкретных условий жизни общества, а из теоретических мировоззрений, которые прилагались к жизни в качестве обязательного канона образа [5].

Суть критических замечаний в адрес интеллигенции можно обобщить следующим образом: нельзя освободить народ путем революционного захвата власти и насильственного ниспровержения старого строя. Революция, о которой грезили многие поколения интеллигенции, никогда не приведет к свободе, а станет источником новой несвободы - более всеобъемлющей, чем предыдущая. Подменять дело культуры делом революции - значит изменять свободе, пресекать саму возможность ее утверждения в стране. Именно логика революционного сознания и поведения приводит в конце концов к крайностям. Участие в политической борьбе, естественно, заставляет людей объединяться в политические партии, союзы и движения ради достижения власти, подчинить свои личные интересы общим целям и задачам. Но могут ли люди, посвятившие свою жизнь политической борьбе, сковавшие себя партийной дисциплиной, считаться действительно свободными, претендовать на освобождение других людей? Не станут ли они вместо свободы насаждать новую власть и новую идеологию - теперь уже свою собственную? Нарушение этой тонкой грани может привести интеллигенцию к потере присущего ей чувства свободы, подмене его чисто властными вожделениями. В условиях идейного противостояния к антидемократической власти роль интеллигенции положительна. При этом она использует средства духовного влияния на общество. Интеллигенция у власти, «входящая во власть» часто не выполняет обещанных народу демократических преобразований. Оказавшись у власти, она стремится использовать народ для своих экспериментов, при этом не учитывается, готовы к ним люди или нет [2]. Пока интеллигенция ограничивает свою деятельность идейной сферой (площадкой), выступая против идейных компромиссов, отстаивая высокие идеи, она является демократической силой. В то же время в политике зачастую деятельность интеллигенции приводит к прожектерству, доктринерству, идеологической нетерпимости, стремлению к насильственной реализации своей идейной программы. Именно интеллигенция более чем кто-либо склонна в политике к авторитарным формам правления. В XX в. не дворяне и чиновники, а интеллигенты в своей наиболее радикализированной, революционизированной части стали глашатаями нового, еще не известного истории духовного рабства и идеологического гнета, намного превосшедших средневековую власть церкви. Российская интеллигенция всегда находилась на передовых рубежах общественно-политической мысли. В то же время ей не достает способности правильно оценивать соответствие идей имеющимся реалиям.

Называя себя мозгом и совестью нации, интеллигенция приписывает себе то, что в просвещенных странах считается принадлежностью каждого человека, общечеловеческим свойством, а не какой-то отдельной группы людей. У кого еще можно встретить такое преувеличенное мнение о себе, такую завышенную оценку собственной роли в обществе?

Как писал французский философ Мишель Фуко, «то, что для интеллектуала занятие политикой было традиционно, обусловлено двумя вещами: его положением интеллектуала в буржуазном обществе, в системе капиталистического производства, в идеологии, которую оно производит или навязывает (когда он оказывается эксплуатируемым, ввергнутым в нищету, отверженным, "проклятым", обвиненным в подрывной деятельности, в имморализме и т.п.); и его собственным дискурсом в той степени, в какой он от-

крывал определенную истину, находил политические отношения там, где их не замечали» [6].

Гуманистические качества интеллигенции, объясняемые ее особым положением в обществе, спецификой ее исторического генезиса, наконец, своеобразием ее профессиональной деятельности, еще терпимы, пока она не находится у власти, не претендует на лидирующую роль в политике. Прощаются же людям творческих профессий их капризы, их повышенное самолюбие, даже самолюбование, их известный нарциссизм и стремление к личному самоутверждению. Но то, что воспринимается как норма в искусстве, науке, идеологической полемике, совершенно неприемлемо на политической трибуне или в кресле чиновника. Надо сказать, что писатели, режиссеры, актеры, журналисты, публицисты, научные работники (не всегда первого калибра), избранные в парламент или назначенные на высокие государственные посты, когда они самодовольно вещают на всю страну о том, кого надо считать демократами, а кого нет, кто, по их мнению, заслуживает одобрения, а кто осуждения и отлучения, производят не самое лучшее впечатление. Если российская интеллигенция жаждет создать демократическое общество, ей необходимо отказаться от желания обладать властью, отстранить собственную идеологию от политики. Для оппозиционной интеллигенции главной задачей является не обладание властью, а ее духовная свобода от власти. Борясь за такую свободу, интеллигенция будет конкретно способствовать демократизации страны.

Анализируя эти явления, можно сделать следующий вывод: есть интеллигенты, на которых лежит ответственность за тоталитарный режим и нынешние проблемы государства, есть и другие интеллигенты, которые представляют авангард российской культуры. Первые разрушают страну, вторые своей неустанной творческой деятельностью внесли большой вклад в позитивное развитие общества. Отсюда и двойственное отношение к интеллигенции, ее разные оценки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. - М.: Мультимедийное издательство Стрельбицкого, 2018.
2. Золотарев О.В. Интеллигенция и власть в современной России // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. - 2017. - Т. 159. - Кн. 4. - С. 972-980.
3. Мерзляков С.Л. Интеллигенция и власть: проблемы взаимоотношений в исторической ретроспективе // Вестник Поволжского института управления. - 2017. - № 5. - С. 132-136.
4. Севастьянов А.Н. Русский национализм: его друзья и враги. Вызов тысячелетия. - М.: Рус. Правда, 2001. - 288 с.
5. Сухих С.А. Этнопсихология. Менталитет и особенности русской интеллигенции // Человек. Сообщество. Управление. - 2009. - С. 52-57.
6. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С.Ч. Офертаса под общ. ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. Сер.: Новая наука политики. - М.: Праксис, 2002. - 384 с.

REFERENCES

1. Berdyaev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma [Origins and Meaning of Russian Communism]. Moscow: Mul'timedijnoe izdatel'stvo Strel'bickogo. 2018. (In Russ.).
2. Zolotarev O.V. Intelligenciya i vlast' v sovremennoj Rossii [Intelligentsia and Power in Contemporary Russia]. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya humanitarnye nauki. 2017. Vol. 159. Book 4. Pp. 972-980. (In Russ.).
3. Merzlyakov S.L. Intelligenciya i vlast': problemy vzaimootnoshenij v istoricheskoy retrospective [Intelligentsia and Power: Problems of Relations in Historical Retrospective]. Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. 2017. No. 5. Pp. 132-136. (In Russ.).
4. Sevast'yanov A.N. Russkij nacionalizm: ego друз'ya i vragi. Vyzov tysyacheletiya [Russian Nationalism: Its Friends and Enemies. The Millennium Challenge]. Moscow: Rus. pravda, 2001. 288 p. (In Russ.).

5. Sukhikh S.A. Etnopsikhologiya. Mentalitet i osobennosti russkoj intelligencii [Ethnopsychology. Mentality and Peculiarities of the Russian Intelligentsia]. Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie. 2009. Pp. 52-57. (In Russ.).
6. Foucault M. Intellektuali i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews]. Transl. by S.Ch.Ofertas for ed. of V.P. Vizgin and B.M. Skuratov. Moscow: Praxis, 2002. 384 p. (Series «Novaya nauka politiki»). (In Russ.).

Информация об авторе:

Жабчик Светлана Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и политологии, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия
salgir202@rambler.ru

Получена: 07.08.2018

Information about the author:

Svetlana V. Zhabchik, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Political Science, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia
salgir202@rambler.ru

Received: 07.08.2018

УДК 01

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-88-96

КОДОЛА Валерий Григорьевич
Международная академия проблем
человека в авиации и космонавтике
Московская область, Россия
vkodola@mail.ru

Valery G. KODOLA
Academia of the International Academy of
Human Problems in Aviation and Cosmonautics
Moscow Region, Russia
vkodola@mail.ru

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОГО МАТЕРИАЛИЗМА ПРЕДМЕТ ЖИВОГО

TRANSCENDENTAL MATERIALISM OF THE SUBJECT OF LIVE

В каждое мгновение проявления признаков существования в данной области существования в возможности и действительности, которое дано нам в интеллектуальной и физической форме существования планеты Земля в Солнечной системе, происходят неопределенно большое множество актов зарождения и гибели неопределенно большого множества «предметов живого». И на всем периоде проявления признаков существования на планете существ мыслящих многих из них мучил вопрос о «механизме» зарождения, развития, совершенствования, деградации и разложения «предмета живого», осознавая себя одним из его родов. Обыденное представление о феноменах «жизни» и «смерти» создавало условия для выделения из социальных групп существ мыслящих индивидуумов, проявляющих признаки некоторой «философствующей элиты», обладающей способностью в своих рассуждениях о «жизни» и «смерти» проявлять определенные философские мнения по проблеме существования «предмета живого». При этом вся эпоха генезиса «Земной» философии, от «древнегреческой» до «современной», создавала условия для возникновения и обострения противоречия, связанного с парадоксом представлений о возможности существования в одном и том же «живом предмете» одновременно понятия «чистой абстракции» о «духе» и конкретизированного представления о «теле». В связи с этим целью данного трактата трансцендентального материализма является попытка упорядочить представления и сформулировать определения о «философских механизмах» существования «предмета живого» в его «жизненном цикле», осуществляемом в данной области существования, а также в областях существования всего существующего в возможности и действительности. Решение поставленной проблемы состоит в том, что генезис «предмета живого» может быть основан на гипотезе существования всего существующего в «жизненном цикле» «чистой абстракции» с определенно запрограммированной направленностью на конкретизацию изменений состояний и свойств существования для перевоплощения в неопределенно большое множество «предметов живого».

At every instant of the manifestation of signs of existence in a given area of existence in possibility and reality, which is given to us in the intellectual and physical form of the existence of the planet Earth in the Solar System, an indefinitely large number of acts of origin and death of an indefinitely large set of "living things" occur. And throughout the entire period of manifestation of signs of existence on the planet of creatures thinking, many of them were "tormented" by the question of the mechanism of the birth, development, improvement, degradation and decomposition of the "living thing", realizing itself as one of its clans. The everyday notion of the phenomena of "life" and "death" created conditions for isolating from social groups creatures of thinking individuals, showing signs of a certain "philosophizing elite" who have the ability to express certain philosophical opinions on the problem of existence in their arguments about "life" and "death" "the subject of the living". At the same time, the whole epoch of the genesis of "Earthly" philosophy from "ancient Greek" to "modern" created conditions for the emergence and aggravation of the contradiction associated with the paradox of ideas about the possibility of the existence of the concept of "pure abstraction" about "spirit" in one and the same "living thing" and a concretized view of the "body". In this regard, the goal of this treatise of transcendental materialism is an attempt to streamline ideas and formulate definitions about the "philosophical mechanisms" of the existence of the "living thing" in its "life cycle" carried out in this area of existence, as well as in the areas of existence of everything existing in possibility and reality. The solution of the problem posed is that the genesis of the "object of the living" can be based on the hypothesis of the existence of everything that exists in the "life cycle" of "pure abstraction" with a definitely programmed focus on specifying changes in the states and properties of existence for transformation into an indefinitely large number of "objects of the living".

Ключевые слова: трансцендентальный материализм, существование, возможность, действитель-

Keywords: transcendental materialism, existence, possibility, reality, properties, states, chang-

ность, свойства, состояния, изменения, предмет, es, subject, living, life cycle
живое, жизненный цикл

Для цитирования: Кодола В.Г. Трансцендентального материализма предмет живого. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 5 -1. с.88-96.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-88-96.

For citation: Kodola V.G. Transcendental materialism of the subject of live. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no.5 -1. Pp. 88-96.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-88-96. (in Russ)

В классической философии, мировоззрение которой основывается на «опыте» существ мыслящих, осознающих свое существование в данной области существования, представления о живом и жизни всецело связаны с понятиями, раскрывающими в ощущениях и мыслях этих существ проявления определенных признаков «живого предмета» и изменений его состояний и свойств, которым дано определение «жизнь». Однако не всеми философами эти понятия представляются одинаково. Мнения о «живом» и «жизни» получили две формы представления: «идеалистическая» форма основана на представлениях о приоритете абстрактного понятия о «душе живого», «материалистическая» форма основана на приоритете конкретного понятия о «биологии живого», на основании которых формируются суждения о понятии «жизнь». При этом представления классической философии жестко привязаны к конкретному месту проявления этих признаков, о которых достоверно известно только в данной области существования - на планете Земля [1, с. 20-22, 755-766], [2, с. 439-449], [3, с. 232-247, 371-372], [4, с. 221-225], [5, с. 18-22, 25-28, 46-53, 168-177], [6, с. 595-598, 605-623], [7, с. 176-183], [8], [9, с. 424-427], [10], [13], [14, с. 82-83, 89, 93-95, 569, 571, 633-634], [15, с. 63-65], [17], [18, с. 5-7], [20, с. 236-243]. Кроме того, на развитие заблуждений философии определенное влияние оказывает наука, возможности представлений которой о «предмете живого» ограничены свойствами ощущений и мышления существ мыслящих [11, с. 15-51], [12], [16, с. 21-65], [19], [21, с. 23-97], [22, с. 118-121], [23]. Поэтому «существование» философии «в опыте» предоставляет существам мыслящим условия для исследования признаков изменения состояний и свойств предметов, «характерных» для данной области существования в возможности и действительности, выход за пределы которой возможен только «вне опыта». Опыт существования существ мыслящих в данной области существования создает условия для взаимодействия изменений их состояний и свойств с изменениями состояний и свойств других предметов данной области, ощущения от которых воспринимаются в физической «форме существования», а представления мыслятся в «интеллектуальной форме существования». Причем в «физической форме» существования представляются механические, электрические, химические, биологические, психологические явления, а в «интеллектуальной форме» - их закономерности. На основании этих представлений создаются условия для научного объяснения феноменов «живого предмета» и обосновываются определения понятия «жизнь». Кроме того, в связи с тем, что генезис философии связан с противоречием между представлениями о жизни и смерти «дофилософского» мировоззрения, в мировоззрении философов оно трансформировалось в парадокс раздельного существования «бытия» и «мышления», приведший к «противостоянию» между представлениями о «материи» и «сознании» в их «борьбе» за приоритетное место в этой парадоксальной иерархии. На этом основании при формировании суждений о «живом» философы пытаются «соединить» абстрактное понятие о «духе» с конкретным понятием о «теле», сами представления о которых вступают в непреодолимое противоречие. Рассматривая конкретный предмет - «тело» и абстрактное понятие, не предмет - «дух», философия проявляет признаки заблуждения о возможности одновременного существования конкретного и абстрактного в «едином» понятии о «живом».

Существу мыслящему доступна для восприятия физическая и интеллектуальная формы проявления признаков своего существования и существования других предметов данной области существования, которые оно представляет как понятия о «живом» и «жизни». Однако эти конкретные признаки не создают условий для того, чтобы существо

мыслящее могло понять в опыте, что такое абстрактные понятия «предмета живого» и способа его существования - «жизни». Для попытки дать абстрактному конкретное определение можно выбрать путь трансцендентального материализма, состоящий в том, что в словах «опыта» рассуждать о предмете «вне опыта», при этом возникает необходимость суждения о предметах «чистой абстракции» в «образах» конкретных предметов. Поэтому в терминах трансцендентального материализма предмет «живого» определяем как все существующее, в котором отчетливо проявляются признаки изменения его состояний и свойств по определенной программе его интеллектуальной формы существования, составляющей определенный «жизненный цикл» его физической формы существования в некоторой определенной области существования в возможности и действительности. При этом как предмет изменения состояний и свойств «живого» проявляют признаки физической формы существования, а как мораль, нравственность и совесть изменения состояний и свойств «живого» проявляют признаки интеллектуальной формы его существования.

Циклически проявляемые признаки изменения состояний и свойств предмета, взаимодействующие с признаками изменений состояний и свойств других, одномоментно с ним существующих предметов, могут быть представлены как определенный для данного предмета «жизненный цикл» и восприниматься как «чисто абстрактные» понятия о «живом». При этом понятие «живого» может быть определено как предмет, обладающий способностью целенаправленно изменять свои состояния и свойства во взаимодействии с изменениями состояний и свойств других предметов в данной области существования в возможности и действительности. Причем «предмет живого», обладающий способностью воспринимать ощущения признаков изменения своих состояний и свойств и изменений состояний и свойств взаимодействующих с ним других предметов, может быть представлен в понятии «существа живого». Поэтому понятие о «живом» может быть отнесено ко всем конкретным предметам, воспринимающим ощущения признаков своего существования как взаимодействия изменений своих состояний и свойств с изменениями состояний и свойств других предметов. На основании этого понятие «жизненного цикла» может быть отнесено ко всем существующим предметам, обладающим свойством изменения своих состояний и свойств, а понятие «жизнь» определяется как «осознанное» существование конкретного «предмета живого» в период своей программы «жизненного цикла».

Признаки «жизни» «предмета живого» могут проявляться только в конкретном его существовании, в существовании «чистой абстракции» признаки «жизни» «предмета живого» в виде изменений его состояний и свойств проявляться не могут. Признаки «процессов» упорядочения и оформленности «чистой абстракции» в «конкретное» могут проявляться только трансцендентально вне опыта, поэтому признаки изменений состояний и свойств существования конкретного предмета в виде его «жизненного цикла» могут проявляться в ощущениях и мыслях существа мыслящего уже в упорядоченном и оформленном виде, который не предоставляет возможность представления процессов зарождения, развития и угасания состояний и свойств этих «жизненных циклов». При этом можно представить, что все существующее как конкретное может быть целенаправленным «творением», предназначенным для решения конкретных задач своего существования, а у конкретного предмета должна быть конкретная форма и содержание, соответствующие способности достижения цели его существования. Причем «сам» предмет не может «знать» ни цели своего существования, ни конкретного «механизма» осуществления своего «жизненного цикла». Поэтому понятие «жизнь» может быть представлено как циклическое перевоплощение изменений свойств «предмета живого» из состояния существования в возможности в состояние существования в действительности, а из состояния существования в действительности в состояние существования в возможности, и наоборот. И изменения свойств существования в состоянии в действительности «предмета живого» как бы «запоминают» изменения свойств существования в возможности, а в состоянии существования в возможности как бы «вспоминают» изменения свойств существо-

вания в действительности. Такое перевоплощение может составлять представление о «жизненном цикле» «предмета живого», в каждом периоде которого может происходить «зарождение», «развитие», «совершенствование» и «деградация» свойств предмета. Таким образом, «жизнь» можно представить как «процесс» изменения состояний и свойств «предмета живого» в запрограммированной «интеллектуальной» форме его существования «жизненном цикле» последовательного «зарождения» его свойств и состояний, их «развития», «совершенствования» и «деградации» с признаками «разложения» на «новые» состояния и свойства, не характерные для признаков данного конкретного «предмета живого».

Определение понятия «жизнь» как преобразование свойств и состояний существования «предмета живого», в котором происходит циклическое перевоплощение его состояний и свойств с периодом запрограммированного в его интеллектуальной форме существования «жизненного цикла», включающего период «зарождения», «развития», «совершенствования», «деградации» и «разложения» физической формы существования «предмета живого», предоставляет повод для представления о том, что может иметь место «переход» изменяемых состояний и свойств «предмета живого» из существующих в данной области существования в возможности и действительности в некоторую «неопределенную», другую область существования. При этом может состояться «качественное» перевоплощение интеллектуальной формы существования изменений состояний и свойств «данного предмета живого» и создание условий для «совершенно нового» цикла перевоплощений его физической формы существования. Кроме того, «предмет живого», определяемый как «существо мыслящее», обладая способностью «взаимодействия», «взаимосвязи», «взаимопонимания» с неопределенно большим множеством изменений состояний и свойств других «предметов», в «новой области» существования может получить свойства неопределенно высокого качества, как в интеллектуальной, так и в физической формах его существования. Может быть, в «новой области существования» станет «зарождаться» «совершенно новый предмет», в изменениях состояний и свойств которого произойдет «перепрограммирование» «прошлой» интеллектуальной формы существования в «новую программу» его «жизненного цикла», на основании которой может быть «сформирована» его «новая» физическая форма существования. В процессе перевоплощения «способности запоминания», основанные на изменениях свойств «предмета живого» в состоянии существования в возможности, «деградируют», а «способности запоминания», основанные на изменениях свойств «предмета» в состоянии существования в действительности, «разлагаются» вместе с разложением его свойств и состояний в физической форме существования. Поэтому «предмет живого», представляемый как «существо мыслящее» и идентифицированный как определенная личность в данной области существования, в «новой области» существования может перевоплощаться в «совершенно новый предмет», безотносительный к своему «прошлому». На этом основании можно предположить, что неопределенно большое множество «жизненных циклов» «предмета живого» могут предоставить условия для такой степени «совершенства развития» «предмета живого», при которой его интеллектуальная и физическая формы существования вырождаются в некоторую «другую форму», приближенную к существованию в «чисто абстрактной» форме.

Можно представить, что в «предмете живого» в процессе перевоплощения свойств из состояния существования в возможности в состояние существования в действительности, и наоборот, период «запоминания» изменений свойств не совпадает с периодом «вспоминания». Период «вспоминания» может быть «короче» периода «запоминания», и за один цикл «запоминания» может осуществиться множество циклов «вспоминания» с неопределенно большой «частотой», что может создавать условия для проявления признаков «ощущений», «восприятий» и «осмысления» изменений состояний и свойств существования данным «предметом живого». При этом для «предмета существа мыслящего» понятие «жизнь» представляется в его чувствах от ощущений взаимосвязи с измене-

ниями своих состояний и свойств и взаимодействия с изменениями состояний и свойств «других предметов», которые в образах осознаются в его мышлении. Однако с точки зрения трансцендентального материализма под понятием «жизнь» представляется факт существования всего существующего в неопределенно большом цикле перевоплощения существования в возможности в существование в действительности, и наоборот, независимо от того, «знает ли кто-либо» об этом существовании или «не знает». И каждый цикл перевоплощения может быть представлен как проявление признаков «жизненного цикла» некоторого существующего. Для данной области существования в возможности и действительности, ограниченной областью существования планеты Земля и Солнечной системы, признаки «живого» проявляются опредмеченными в неопределенно большом множестве «существ». Но можно представить, что в каких-либо других областях существования признаки «предмета живого» перевоплощаются в «предметы», для которых не требуется физическая форма существования, а признаки их «жизненного цикла» всецело имеют интеллектуальную форму существования. Поэтому может существовать некоторая закономерность «программирования жизненных циклов» для каждого «предмета живого», которая некоторым образом связана с понятием «генетического кода», присущего каждому «предмету живого» индивидуально.

Основываясь на факте того, что все существующее существует в циклическом перевоплощении из «одной» формы существования в «другую» форму существования, можно представить, что процесс этого перевоплощения создает условия для того, что все существующее осуществляет свои «жизненные циклы» существования в «прошлом» и существования в «будущем». На основании данного факта можно представить, что момент «осознания» «предметом существа мыслящего» своего существования в данной области существования в возможности и действительности уже есть факт его существования в «будущем». Каждый акт «осознания» своего существования есть акт перевоплощения существования в «прошлом» в существование в «будущем», поэтому представление о возможности существования в «настоящем» может быть заблуждением, иллюзией из-за «расхождения» в периодах «запоминания» изменений состояний и свойств существования и «вспоминания» о них. Данное «расхождение» создает условия для того, чтобы ощущения от взаимодействия изменений состояний и свойств «предмета существа мыслящего» с изменениями состояний и свойств «других предметов» предоставляли им повод для восприятия своего существования во взаимодействии с «другими предметами» как в «настоящем», хотя для них уже наступило «будущее». В связи с этим можно представить, что существование существующего в виде «чистой абстракции» может существовать одномоментно и в «прошлом», и в «будущем». «Жизненный цикл» «предмета живого» неразрывно связан с «жизненными циклами» других взаимодействующих с ним предметов, поэтому «вспомнить» свое прошлое для данного предмета может быть доступно, но «возврат» в прошлое свое существование невозможен, потому что акты «вспоминания» обеспечиваются интеллектуальной формой существования, которая одномоментно проявляет признаки своего существования с физической формой существования, для которой характерно свойство «запоминания», при котором в каждом акте перевоплощения проявляются признаки новых изменений свойств, уничтожающих «следы» прошлых запоминаний. При этом, чтобы «вспомнить» будущее, необходимо сначала «запомнить» изменения состояний и свойств существования в этом будущем. Поэтому «вспомнить» об изменениях состояний и свойств в момент существования предмета в возможности доступно только тогда, когда изменения состояний и свойств будут «запомнены» в момент существования в действительности. Потому что в отсутствие проявления признаков изменения состояний и свойств предмета в форме физического его существования не существует возможности проявления признаков изменения состояний и свойств предмета в интеллектуальной форме его существования. А без проявления признаков изменений состояний и свойств в интеллектуальной форме существования не может осуществляться

акт «запрограммированного» «жизненного цикла», признаки которого должны были бы проявляться в физической форме существования предмета.

Упорядоченность существования всего существующего в представлениях «предмета существа мыслящего» может дать повод для представления о том, что «способ» существования «предметов живого» должен «подчиняться» закономерности, в которой проявляются признаки «морали», «нравственности» и «совести». «Мораль, «нравственность» и «совесть» могут быть «первыми» понятиями «чистой абстракции» о «предмете живого» и быть основой его «жизненного цикла». Мораль «предмета живого» основана на максиме, что «сильному дано право поглощать слабого». Конкретизация максимы морали в «жизненном цикле» «предмета живого» состоит в том, что из цикла в цикл существования «предметов живого» может осуществляться перевоплощение изменений их состояний и свойств в изменения состояний и свойств «других предметов». Конкретные признаки нравственности проявляются в способах взаимодействия данного «предмета живого» с другими «предметами живого». Понятие «чистой абстракции» совесть конкретизируется в способности «предмета живого» «сдерживать» стремление к поддержанию своего «жизненного цикла» путем поглощения изменений состояний и свойств более слабого «предмета живого». Свойства всего существующего, проявляющего признаки морали, нравственности и совести, можно рассматривать в качестве конкретного фактора проявления признаков «предмета живого», при этом принадлежащих «предмету существа мыслящего». Кроме того, противоречия между свойствами морали, нравственности и совести в «предмете живого» могут создавать условия для зарождения и развития в нем признаков мышления. При этом «жизненный цикл» «предмета живого» может «регулироваться» запрограммированным изменением свойств морали, нравственности и совести. Свойства нравственности создают условия для «выборочного» поглощения изменений состояний и свойств определенных предметов и отказа от поглощения других предметов. Свойства совести создают условия для ограниченного поглощения других предметов или «абсолютный» отказ от поглощения состояний и свойств других предметов. Каждому «предмету живого» его конкретный «жизненный цикл» предоставляется осуществить один раз, поэтому существу мыслящему предоставлено право самому для себя определить направленность своего существования в этом «жизненном цикле». Это означает выбрать и применить свойства своей морали, нравственности и совести так, чтобы остаться запомненным в данной области существования как «поглощающее» других или стать поглощенным другими.

Таким образом, можно представить, что «программа» «жизненного цикла» каждого данного «предмета живого» в период его «жизненного цикла» в данной области существования развивается и совершенствуется. В момент «завершения» «жизненного цикла» «предмета живого» актом разложения изменений его состояний и свойств может происходить перевоплощение «программы» его «жизненного цикла» в совершенно новую «программу» «жизненного цикла» существования «иного предмета», признаки изменения состояний и свойств которого будут проявляться в «иной» области существования в возможности и действительности. При этом в качестве «программы» может быть «некий генетический код» последовательности изменений состояний и свойств существования, характерный для каждого определенного рода предметов, последовательно проявляющих определенные признаки своих интеллектуальной и физической форм существования в неопределенно большом множестве областей существования в возможности и действительности. Причем развитие и совершенствование «программ» «жизненного цикла» может способствовать «переходу» существования предмета из области с «низкими» показателями изменений состояний и свойств в область с «более высокими» показателями. Поэтому «обыденному» представлению о «вечной жизни» можно сформулировать более упорядоченное определение, как непрерывное и последовательное развитие и совершенствование «программ» «жизненных циклов» каждого данного предмета. Кроме того, можно представить, что «программа» обладает свойством «стремления» к непрерывному

изменению состояний и свойств интеллектуальной и физической форм существования предмета с целью создания условий для «перехода» изменений состояний свойств существования в области существования с более высокими их показателями. И наконец, в «программе» «жизненного цикла» «предмета живого» может быть «предусмотрено» направление развития изменений состояний и свойств интеллектуальной формы существования для совершенствования признаков морали, нравственности и совести, а развитие изменений состояний и свойств физической формы существования для совершенствования признаков «нового образа» «предмета живого». В связи с этим изложенное в данном трактате мировоззрение, основанное на «чисто абстрактных» понятиях, может быть конкретизировано в представлениях о «практике знаний» трансцендентального материализма. Знания феноменов, рассматриваемых в мировоззрении трансцендентального материализма, могут быть «опредмечены» в практике опыта существ мыслящих, стремящихся к достижению в своем «жизненном цикле» изменений состояний и свойств существования в данной области высоких показателей свойств морали, нравственности и совести на всем периоде своего «жизненного цикла». Потому что основным направлением практики знаний трансцендентального материализма должно быть развитие и совершенствование актов взаимосвязи, взаимодействия и взаимопонимания между всем социумом существ мыслящих, а также всеми «предметами живого» в данной области существования. И целью «практики знаний» может быть целенаправленное упорядочение творческой активности существ мыслящих на основании тщательного осмысления целесообразности результатов своего творения, способствующего оптимизации условий существования, как для их собственного «жизненного цикла», так и для «жизненных циклов» других «предметов живого», существующих в данной области существования. Однако конкретный «жизненный цикл» в данной области существования каждому конкретному «предмету живого» предоставляется только один раз, и на данном факте основывается определение первой максимы «практики знаний» трансцендентального материализма. Данная максима может быть изложена следующим образом: для организации управления взаимосвязью, взаимодействием и взаимопониманием между «предметами живого» данной области существования необходимым условием будет обеспечение оптимальных путей регулирования способностей «предметов живого» в отношении морали, нравственности и совести. На основании этого определения можно сформулировать вывод о том, что, согласно гипотезе о данной «практике знаний», целью «жизненного цикла» данной цивилизации «предметов живого» является достижение высокой степени упорядоченности их осознанного существования, путем приведения в опыте моральных, нравственных и совестливых свойств их существования в «жизненном цикле» к соответствию с трансцендентальными «знаниями».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Адорно Т.В. Проблемы философии морали / Пер. с нем. М.Л. Хорькова. - М.: Республика, 2000. - 239 с.
2. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. / Ред. В.Ф. Асмус. - М.: Мысль, 1976. - 550 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Том IV. Феноменология духа / Пер. Г. Шиета. - М.: АН СССР, 1959. - 442 с.
4. Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 1 / Пер. с лат. и англ.; Сост., ред. В.В. Соколов. - М.: Мысль, 1989. - 622 с.
5. Гольбах П. Система природы, или О законах мира физического и мира духовного / Пер. П. Юшкевича. - М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. - 457 с.
6. Декарт Р. Избранные произведения / Пер. с франц. и лат. ред. и вступ. статья И.П. Соколова. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. - 710 с.
7. Дильтей В. Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. Т. 3. Построение исторического мира в науках о духе / Пер. с нем. под ред. В.А. Куренного. - М.: Три квадрата, 2004. - 414 с.
8. Игнатов А.И. Жизнь как система форм движения материи. - М.: Знание, 1966. - 32 с.

9. Лейбниц Г.-В. Сочинения в 4 томах: Т. I. / Ред. и сост. В.В. Соколов; пер. Я.М. Боровского и др. - М.: Мысль, 1982. - 636 с.
10. Мораль XXI века / Соммер Дарио Салас. - М.: Кодекс, 2013. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8346810
11. Опарин А.И., Фесенков В.Г. Жизнь во Вселенной. - М.: АН СССР, 1956. - 224 с.
12. Опарин А.И. Жизнь. - М.: Наука, 1968. - 173 с.
13. Пирс Д.Ч. Биология трансцендентного. - М.: Гаятри, 2006. - 174 с.
14. Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т. I / Общ. ред. А.Ф. Лосева и др.; Авт. вступит. статьи А.Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. - М.: Мысль, 1990. - 860 с.
15. Попов П.В., Виноградов В.Г. Основные формы движения материи и их соотношение / Под ред. проф. Ф.Т. Архипцева. - М.: Высшая школа, 1967. - 88 с.
16. Расторгуев С.П. Жизнь и Смерть в контексте информации и знания / С.П. Расторгуев. - СПб.: Реноме, 2014. - 219 с.
17. Фролов И.Т. Философия и история генетики - поиски и дискуссии. - М.: Наука, 1988. - 416 с.
18. Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения в 2 т.: Пер. с нем. Т. 1 / Сост., ред., авт. вступ. статьи А.В. га. - М.: Мысль, 1987. - 637 с.
19. Шмальгаузен И.И. Проблема смерти и бессмертия. - М-Л.: Государственное издательство, 1926. - 92 с.
20. Шопенгауэр А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1: Мир как воля и представление: Т. 1 / Пер. с нем.; Под общ. ред. А. Чанышева. - М.: ТЕПРА-Книжный клуб; Республика, 1999. - 496 с.
21. Шредингер Э. Мой взгляд на мир / Пер. с нем. - Изд. 2-е. - М.: Либроком, 2009. - 152 с.
22. Шредингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физики? / Пер. с англ. А.А. го. - М.: РИМИС, 2009. - 176 с.
23. Янкелевич В. Смерть / Пер. с франц. - М.: Изд-во Литературного института, 1999. - 448 с.

REFERENCES

1. Adorno T. V. Problems of moral philosophy / translation with German. M. L. Khorkova. M.: Re-public, 2000. 239 p.
2. Aristotle. Works in four volumes. Vol.1. / Red. V. F. Asmus. M.: Thought, 1976. 550 p.
3. Hegel G. W. F. Sochineniya [Works]. Volume IV. The phenomenology of mind / Translated. G. Seeta. M.: AN SSSR, 1959. 442 p.
4. Hobbes T. Works in 2 Vol. 1 / Translated with lat. and English.; Comp., ed. V. V. Sokolov. M.: Thought, 1989. 622 p.
5. Golbach P. System of nature, or the laws of the physical world and the spiritual world / Translated P. Yushkevich. M.: State socio-economic publishing house, 1940. 457 p.
6. Descartes R. Selected works / Translated FR. and lat. ed. and accession. article I. p. Sokolov. M.: State publishing house of political literature, 1950. 710 p.
7. Dilthey W. collected works: In 6 volumes / ed. by A. V. Mikhailov and N. With. Plotnikova. Vol.3. The construction of the historical world in the Sciences of the spirit / Ed. with it. under the editorship of V. A. Kurenno. M.: Three squares, 2004. 414 p.
8. Ignatov I. Life as a system of forms of motion of matter. Moscow: Znanie, 1966. 32 PP.
9. Leibniz, G. W. Works in 4 volumes: Т. I. / Ed. and comp. V. V. Sokolov; translated by Y. M. Borovsky, and others. Moscow: Mysl', 1982. 636 p.
10. Moral of the XXI century / Sommer, Dario Salas. M.: Codex, 2013. Available at: URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8346810
11. Oparin A. I., Fesencov V.G. Life in the Universe. M.: AN SSSR, 1956. 224 p.
12. Oparin, A. I. Life. M.: Science, 1968. 173 p.
13. Pierce, D. H., Biology of transcendence. M.: Gayatri, 2006. 174 p.
14. Platon. Collected works in 4 vol.: Vol. I. Ls. ed. A. F. Losev, etc.; Ed. joins. article Notes: A. A. Takho-Godi; Transl. with ancient Greek. M.: Thought, 1990. 860 P.
15. Popov P. V., Vinogradov V. G. Basic forms of matter in motion and their relationship. edited by Professor F. T. Arkhiptsev. M.: Higher school, 1967. 88 PP.
16. Rastorguev S. P. Life and Death in the context of information and knowledge. S. P. Rastorguev. SPb.: Renome, 2014. 219 p.
17. Frolov I. T. Philosophy and history of genetics searches and discussions. M.: Science, 1988. 416 p.
18. Schelling F. V. Th. Works in 2 t.:Per. him. Vol. 1. Comp. ed., ed. Intro. articles by Gulyga Moscow: Mysl', 1987. 637 p.
19. Shmalgausen I. I. Problem of death and immortality. M-L.: State publishing house, 1926. 92 p.

20. Schopenhauer A. Collected works: in 6 vol. T. 1: World as will and representation: Vol. 1. / translation with German.; Under the General editorship of A. Chanyшева. Moscow: TERRA Book club; Republic, 1999. 496 p.
21. Schrödinger E. My view of the world / translation with German. Ed. 2-E. Moscow.: Librokom, 2009. 152 p.
22. Schrödinger E. What is life in terms of physics? / translation with English. A/A/ Malinovskogo. M.: RIMIS, 2009. 176 p.
23. Yankelevich V. Death / TRANS. FR. M.: Publishing House of the Literary Institute, 1999. 448 p.

Информация об авторе:

Кодола Валерий Григорьевич, доктор педагогических наук, академик Международной академии проблем человека в авиации и космонавтике,
Московская область, Россия
vkodola@mail.ru

Получена: 02.08.2018

Information about the author:

Valery G. Kodola, Doctor of Pedagogical Sciences, Academician of the International Academy of Human Problems in Aviation and Cosmonautics, Moscow Region, Russia
vkodola@mail.ru

Received: 02.08.2018

УДК 327

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-97-110

КУЗЬМИНА Виолетта Михайловна
Юго-Западный государственный
университет
г. Курск, Россия
kuzmina-violetta@yandex.ru

Violetta M. KUZMINA
South-West State University
Kursk, Russia
kuzmina-violetta@yandex.ru

**РОССИЙСКАЯ И КИТАЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ
ДИПЛОМАТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ
РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ИНТЕРЕСОВ**

**THE RUSSIAN AND CHINESE PUBLIC DIPLOMACY
AS AN INSTRUMENT OF REALIZATION OF
NATIONAL INTERESTS**

В современном мире механизм общественной дипломатии приобретает все большее значение в связи с эффективностью его функционирования и широтой спектра решаемых задач. Общественная дипломатия представляет собой комплекс действий, имеющий целью выстраивание и налаживание долгосрочных партнерских отношений с зарубежными государствами, а также защиту интересов национальной внешней политики на мировой арене. Сегодня все ключевые акторы международных отношений используют ресурсы общественной дипломатии для продвижения своих интересов и ценностей в мире, достижения внешнеполитических целей, формирования позитивного имиджа, а также усиления влияния на мировой арене. Россия и Китай развивают институты общественной дипломатии, поскольку считают общественную дипломатию важным инструментом проведения внешней политики государства. Приоритет развития данного механизма законодательно закреплён в основных программных документах в области внешней политики и государственных интересов. Общественная дипломатия России сегодня переживает фазу активного становления. Общественная дипломатия способствует расширению межкультурной коммуникации, привлечению зарубежной аудитории к культуре и ценностям нашей страны, укреплению положительного образа России и возрастанию ее влияния на мировой арене. Китайская общественная дипломатия также представляет собой значимый инструмент проведения внешней политики страны. В Китае данный механизм используется преимущественно в области информационного воздействия по вопросу реализации проекта «Один пояс - один путь». Руководство страны осуществляет контроль над деятельностью институтов китайской общественной дипломатии. Основными задачами данного механизма в Китае являются популяризация проекта «Один пояс - один путь» и поиск зарубежных инвесторов для его реализации, продвижение китайской культуры и языка за рубежом, трансляция китайских ценностей, создание позитивного имиджа китайских производителей и продукции, укрепление позиций страны в регионе и мире, представление Китая в качестве успешной державы, способной играть роль мирового лидера.

In the modern world, the mechanism of public diplomacy is becoming increasingly important in connection with the efficiency of its functioning and the breadth of the range of tasks to be solved. Public diplomacy is a set of actions aimed at building and establishing long-term partnerships with foreign countries, as well as protecting the interests of national foreign policy on the world stage. Today, all key actors in international relations are using the resources of public diplomacy to promote their interests and values in the world, to achieve foreign policy goals, to form a positive image, and to strengthen their influence on the world stage. Russia and China are developing public diplomacy institutions, as they consider public diplomacy to be an important instrument of the state's foreign policy. The priority of development of this mechanism is legislated in the main program documents in the field of foreign policy and state interests. Public diplomacy in Russia today is going through a phase of active development. Public diplomacy contributes to the expansion of intercultural communication, attracting foreign audiences to the culture and values of our country, strengthening the positive image of Russia and increasing its influence on the world stage. Chinese public diplomacy is also an important instrument of the country's foreign policy. In China, this mechanism is mainly used in the field of information impact on the implementation of the project "one belt - one road". The country's leadership exercises control over the activities of the institutions of Chinese public diplomacy. The main objectives of this mechanism in China are the promotion of the project "one belt - one road" and the search for foreign investors for its implementation, the promotion of Chinese culture and language abroad, the translation of Chinese values, the creation of a positive image of Chinese manufacturers and products, strengthening the country's position in the region and the world, the representation of China as a successful power that can play the role of a world leader.

Ключевые слова: Россия, Китай, общественная дипломатия, публичная дипломатия, внешнеполитический курс, стратегия национальной безопасности, государственные программы, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Кузьмина В.М. Российская и китайская общественная дипломатия как инструмент реализации государственных интересов. Историческая и социально-образовательная мысль.

2018. Том. 10. № 5 -1. с. 97-110.

doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-97-110.

Keywords: Russia, China, public diplomacy, public diplomacy, foreign policy, national security strategy, state programs, intercultural communication

For citation: Kuzmina V.M. Russian and Chinese public diplomacy as an instrument of realization of national interests. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no. 5-1. Pp. 97-110.

doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-97-110.

(in Russ)

Введение

В настоящее время в условиях динамично изменяющейся системы международных отношений, развития процесса глобализации и интеграции все чаще приходится говорить об использовании современного инструмента проведения внешней политики - общественной дипломатии. Сегодня в российских научных кругах существует развернутая дискуссия о степени тождественности общественной и публичной дипломатии. Существуют разнообразные точки зрения, которые поддерживают различные исследователи и приводят ряд аргументов в защиту выбранной ими позиции.

Теоретические основы изучения общественной дипломатии

Начало дискуссиям о содержании, формах и методах публичной дипломатии было положено Gullion, впервые употребившим термин «публичная дипломатия» [1]. Такие исследователи, как Ю.М. Смирнова, Е.Н. Гудилина, И.Л. Шершнеф, Т.Я. Румянцева, С.Ф. Мацевич, А.Д. Рогозин, Н.А. Цветкова, А.В. Лукин, придерживаются мнения о том, что публичная дипломатия и общественная дипломатия по сути являют собой один и тот же механизм, а появление расхождения в терминологии объясняется вариативностью перевода английского термина на русский язык. Данные исследователи аргументируют свою позицию тем, что термин «public diplomacy» на языке оригинала представляет собой целостное понятие, которое включает в себя обширную систему методов и инструментов воздействия на мнение общественности в выгодном для воздействующего направлении.

Другая группа исследователей, в которую входит А.В. Протасов, А.Г. Костырев, А.И. Сухарев, О.Н. Затепилина, считает общественную дипломатию одним из направлений публичной. По их мнению, общественная дипломатия охватывает более узкий круг направлений в данной области и являет собой лишь международное взаимодействие неправительственных организаций и экспертных сообществ, их межкультурную коммуникацию и совместные действия на мировой арене. Публичная же дипломатия, как считают данные исследователи, является более широким и общим понятием, в рамках которого действуют как государственные, так и негосударственные акторы [2].

Исследователь А.Н. Бобров приводит следующее определение общественной дипломатии: «Общественная дипломатия представляет собой комплекс действий, имеющий целью выстраивание и налаживание долгосрочных партнерских отношений с зарубежными государствами, а также защиту интересов национальной внешней политики на мировой арене» [3]. Общественная дипломатия, по мнению Т.В. Зоновой, являет собой инструменты воздействия на представления, установки и мнения иностранных правительств и населения зарубежных государств по поводу происходящего в мире с целью оказания влияния на их внешнеполитические решения в выгодном для воздействующего направлении [4]. Различные элементы общественной дипломатии, подчеркивает В.Г. Сеидов, на сегодняшний день находятся на различных уровнях развития. Каждый элемент обладает своими особенностями, которые необходимо учитывать при использовании инструментов публичной дипломатии [5].

В целом, определившись с пониманием термина «общественная дипломатия», рассмотрим практику реализации государственных целей и интересов России и Китая через призму общественной дипломатии.

Источники и методы анализа

В качестве источников изучаемой проблемы рассмотрены основополагающие документы обеих стран в области внешнеполитической стратегии и стратегии национальной безопасности.

Методы исследования подразумевают анализ данных программных документов с точки зрения практики реализации государственных интересов стран через призму общественной дипломатии. Проанализирована деятельность СМИ и основных информационных агентств России и Китая, которые играют значимую роль в популяризации деятельности стран за рубежом, а также в сфере создания благоприятного имиджа страны в глазах зарубежной общественности.

Результаты исследования

Основные национальные интересы, государственные цели и направления внешней политики России отражены в системе взаимосвязанных программных документов, среди которых:

- Концепция внешней политики Российской Федерации [6];
- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [7];
- Указ Президента РФ «О мерах реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» [8];
- Государственная программа Российской Федерации «Внешиполитическая деятельность» [9].

Табл. 1. Сводные результаты анализа программных документов РФ о роли общественной дипломатии в реализации государственных интересов

Table 1. Summary Results of the Analysis of Program Documents of the Russian Federation on the Role of Public Diplomacy in the Implementation of National Interests

Название документа	Тезис документа об общественной дипломатии как инструмента реализации государственных интересов	Вывод
Концепция внешней политики Российской Федерации	Российская общественная дипломатия является важным ресурсом для развития международного сотрудничества в различных сферах международной жизни, что является важным государственным интересом РФ	Российская общественная дипломатия сегодня выступает важным инструментом реализации государственных интересов России. С помощью данного инструмента РФ способна укрепить и расширить международные партнерские связи, усилить свое влияние и значимость на мировой арене, укрепить позитивный образ страны в глазах мировой общественности. Российская общественная дипломатия на сегодняшний день является важным направлением развития
Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года	Одним из государственных интересов РФ является ее превращение в мировую державу, что подразумевает соответствие современным реалиям развития системы международных отношений. Важной тенденцией ее становления выступает переход к многовекторной дипломатии, в том числе и к общественной дипломатии. Это подчеркивает значимость российской общественной дипломатии	

Указ Президента РФ «О мерах реализации внешнеполитического курса Российской Федерации»	В числе государственных интересов РФ - разрешение международных конфликтов мирными средствами и налаживание позитивного диалога с иностранными государствами. Общественная дипломатия способствует реализации данных интересов, а также повышению эффективности проведения российской внешней политики и формированию положительного образа нашей страны	нашего государства в современной системе международных отношений
Государственная программа Российской Федерации «Внешнеполитическая деятельность»	Важными государственными интересами РФ являются выстраивание многовекторных отношений дружбы, укрепление имиджа России как демократического государства, расширение влияния РФ в мире. Российская общественная дипломатия служит инструментом повышения лояльности к нашей стране в мире, а также способом достижения государственных целей	

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of a scientific article.

Механизм общественной дипломатии в России способствует реализации государственных интересов и достижению внешнеполитических целей. По мнению российского исследователя И.Л. Шершнева, российская общественная дипломатия служит государству для решения следующих задач:

- укрепление позитивного имиджа страны на мировой арене, распространение российских интересов, установок и ценностей;
- углубление международного сотрудничества в различных сферах и формирование системы устойчивых партнерских взаимоотношений с зарубежными странами;
- проведение работы с соотечественниками за рубежом, нацеленной на поддержание позитивного диалога;
- консолидация и поддержка представителей русского мира [10].

Новый виток развития российской общественной дипломатии произошел в начале XXI в. Так, например, в нашей стране в целях улучшения межкультурной коммуникации и реализации государственных интересов были предприняты следующие меры в области общественной дипломатии:

- мероприятия 2013 г. по реформированию «РИА Новости»: ликвидация работавшего с 1941 г. агентства и создание на его основе международного информационного агентства «Россия сегодня». В настоящее время данное МИА является одним из самых посещаемых новостных ресурсов России и стран СНГ. Имеет пресс-центры в Москве, Нью-Дели, Лондоне, Париже, Пекине и ряде городов ближнего зарубежья (Астана, Баку, Минск). Основным направлением деятельности и главной задачей агентства является всестороннее освещение государственной политики России и ее общественной, экономической, культурной, спортивной и научной жизни для зарубежной общественности. «Россия сегодня» является важным инструментом общественной дипломатии нашей страны;

- проведение в 2014 г. реформирования старейшего радио «Голос России»: замена данного СМИ новым радио «Sputnik», которое входит в медиагруппу «Россия Сегодня». Радио «Голос России» считалось одним из крупнейших мультимедийных мировых СМИ, однако было ликвидировано Указом Президента РФ. Сегодня «Sputnik» является крупным новостным агентством, целью которого выступает ознакомление зарубежной ауди-

тории с происходящими в России событиями в различных областях жизни, с российским взглядом на происходящее в мире, ведение диалога с соотечественниками за рубежом. Радиовещание данного СМИ неоднократно было блокировано в различных странах мира (Латвия, Турция) по политическим причинам;

- ликвидация в 2008 г. Российского центра международного научного и культурного сотрудничества при правительстве России («Росзарубежцентр»), создание нового федерального органа исполнительной власти - Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству («Россотрудничество»). К основным направлениям деятельности агентства относятся: содействие международному развитию (ведение продуктивного международного диалога, поддержание глобальной стабильности и обеспечение мировой безопасности, взаимодействие государств во всех сферах), продвижение русской культуры в мире, поддержка соотечественников за рубежом, укрепление позиций русского языка (реализация Федеральной целевой программы «Русский язык» до 2020 года, организация курсов русского языка за рубежом, проведение тестирований по языку и выдача сертификатов о владении русским языком), образование и наука (продвижение российских образовательных услуг, расширение сотрудничества между образовательными учреждениями), работа с зарубежной молодежью (краткосрочные ознакомительные поездки в Россию молодых представителей политических, общественных, научных и деловых кругов иностранных государств), развитие международных связей регионов России, международное взаимодействие в рамках Содружества Независимых Государств. «Россотрудничество» сегодня имеет широкую сеть представительств в 81 стране мира.

- создание в 2005 г. российского международного многоязычного информационного телеканала RT (в начале своей деятельности носил название Russia Today). RT отражает российскую позицию по главным вопросам международной политики, транслирует события из различных сфер российской жизни, а также предлагает альтернативный взгляд на текущие события и освещает сюжеты, не попавшие в другие мировые СМИ. Данный проект российской общественной дипломатии можно назвать успешным, поскольку он имеет высокую репутацию объективного средства массовой информации, был четырежды номинирован на премию Emmy International в секции «Новости». Несмотря на это, западная общественность регулярно обвиняет канал в предвзятости и искаженной подаче информации, которая руководствуется российскими внешнеполитическими интересами;

- создание в 2007 г. российской общественной организации - фонда «Русский мир», который осуществляет деятельность по популяризации русского языка и русской культуры в мире, а также поддерживает программы изучения русского языка в зарубежных странах. В рамках деятельности Фонда ежегодно проводится Ассамблея Русского мира, в которой принимают участие политические и общественные деятели, представители государственной власти, руководители различных государственных ведомств, представители российских университетов и школ, культурологи, журналисты, писатели.

Итак, в России сегодня функционирует множество организаций, способствующих более эффективному осуществлению общественной дипломатии. Наша страна прикладывает большие усилия для создания системы инструментов межкультурной коммуникации и формирования позитивного образа страны в глазах зарубежной общественности [11].

В настоящее время в нашей стране в рамках общественной дипломатии реализуется большое количество программ и проектов в культурной области. Среди них выделяют следующие:

- «Балканский диалог», «Потсдамские встречи», «Балтийский диалог», «Диалог во имя будущего», «Дипломатический семинар молодых специалистов», «Кавказский диалог», «Каспийская молодежная школа», «Российский взгляд», организованные Фондом поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова, которые позволяют налажи-

вать продуктивный диалог между представителями российской и зарубежной культурной, общественной, политической сферы [12];

- «Год кино», «Почитаем Пушкина», «Посольство мастерства», «Наши в космосе», «Новое поколение», «Россия - любовь без границ», «День русского языка», «День славянской письменности и культуры», организуемые Россотрудничеством, которые способствуют распространению русской культуры и российских ценностей в мире [13];

- Год российской культуры в странах мира (был проведен в Великобритании, Японии): способствует получению обширного представления о культурном наследии нашей страны, предусматривает зарубежные гастроли лучших творческих коллективов России из различных сфер искусства, что позволяет сформировать положительное впечатление о России за рубежом, а также наладить крепкие партнерские взаимоотношения с принимающей проект страной;

- Перекрестные годы России и зарубежных стран (уже проведены с Японией, Грецией, Италией, Великобританией, Китаем, Казахстаном и многими другими государствами): способствуют ознакомлению участников с культурой страны-партнера, активизации контактов в культурной, образовательной, деловой и других сферах, укреплению дружественных связей [14].

Сегодня также активно развивается нормативно-правовая база российской общественной дипломатии. Для данного направления ключевыми документами являются:

- Закон РФ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», который выделяет приоритетные направления международных культурных обменов РФ, среди которых - обмены образовательными программами. Закон подчеркивает активность России в сфере развития российской культуры за рубежом, поддержания связей с зарубежными соотечественниками и их потомками, организации культурных центров за пределами нашего государства [15];

- Концепция внешней политики Российской Федерации 2008 года, которая закрепляет следующее положение: «В рамках общественной дипломатии Россия будет добиваться своего объективного восприятия в мире, развивать собственные эффективные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом, обеспечивать усиление позиций российских средств массовой информации в мировом информационном пространстве, предоставляя им необходимую государственную поддержку, активно участвовать в международном сотрудничестве в информационной сфере, принимать необходимые меры по отражению информационных угроз ее суверенитету и безопасности» [16];

- Постановление Правительства РФ «О федеральной целевой программе «Культура России (2012-2018 годы)», которое продолжило курс нашей страны по вектору развития общественной дипломатии. Среди целей и задач Программы особо было выделено создание позитивного культурного имиджа России в мировом сообществе, что предполагает активное использование ресурсов общественной дипломатии [17];

- Распоряжение Правительства РФ «О плане мероприятий по реализации в 2016-2018 годах Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года», которое к главным задачам относит «использование ресурса общественной дипломатии путем вовлечения институтов гражданского общества в решение задач международного культурного и гуманитарного сотрудничества как средства налаживания межкультурного диалога, обеспечения взаимопонимания между народами». Среди основных мероприятий в данном документе выделена поддержка проектов общественной дипломатии, в том числе проектов Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова [18].

В систему материалов нормативно-правовой базы России, относящихся к общественной дипломатии, входят и другие документы, некоторые из них датированы 2018 годом, что подтверждает тезис об актуальности законодательного развития российской общественной дипломатии.

Рис. Принятие документов, регулирующих деятельность в области российской общественной дипломатии

Fig. The Adoption of Documents Regulating the Activities in the Field of Russian Public Diplomacy

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of a scientific article.

Таким образом, основные программные документы по проблемам внешней политики России четко определяют позицию нашей страны на мировой арене, подчеркивают главные направления внешнеполитической деятельности, выделяют новые вызовы и угрозы, уточняют отношение России к современным процессам международных отношений. Положения всех рассмотренных документов отметили важность развития российской общественной дипломатии как инструмента осуществления внешней политики нашей страны, средства разрешения международных конфликтов и укрепления международных связей в контексте всестороннего сотрудничества и стабилизации международной безопасности.

Все более влиятельным игроком на мировой арене в настоящее время становится Китай. Его экономические успехи напрямую влияют на уровень его влиятельности в мире. За последние годы Китай стал важным актором международных отношений, политике и интересы которого учитывают все современные ведущие державы.

Государственные интересы Китая отражены в нескольких основных концепциях и документах, принятых за последние годы:

- Стратегия национальной безопасности Китая [19];
- Концепция «Один пояс - один путь» [20];
- Концепция «Новая норма» [21].

Стратегия национальной безопасности Китая подчеркивает важность сохранения территориальной целостности и суверенитета страны, поддержания военной безопасности и укрепления национальной армии, преодоления противоречий коммунистических и капиталистических взглядов внутри государства. В данном документе определена цель

Китая к 2049 г.: создание могущественного современного демократического государства. Как отмечает документ, Китай сегодня стремится осуществить качественные улучшения в инфраструктуре страны, продолжить производство конкурентоспособных товаров, которые будут иметь большой вес на мировом рынке. Одной из главных целей страны сегодня является превращение юаня в резервную мировую валюту.

Стратегия национальной безопасности Китая отмечает важность развития инструмента «мягкой силы» - общественной дипломатии, поскольку руководство страны осознает возможности информационного воздействия в современном мире. Общественная дипломатия также является важным инструментом формирования положительного образа Китая в глазах мировой общественности, что делает его привлекательным торговым, экономическим, инвестиционным партнером. Это напрямую связано с достижением задач, связанных с развитием экономики страны. Кроме этого, общественная дипломатия активно используется для продвижения национальных ценностей и установок, политических идеалов. Это способствует достижению государственных интересов также и в политической сфере. Сегодня Китай стремится к активному использованию общественной дипломатии для достижения внешнеполитических целей и реализации государственных интересов [22].

Концепция «Один пояс - один путь» была выдвинута в 2010 г. как синтез двух ранее предложенных проектов: «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века». Целью реализации концепции является строительство развитой инфраструктуры, в том числе современной железной дороги, посредством которой будет налажено оперативное сообщение страны с государствами Европы. Реализация данной концепции станет важным этапом на пути к развитию глобальной торговой сети Китая на мировом рынке, будет способствовать снижению издержек и стоимости перевозки товаров, что закрепит за Китаем главную роль в мировой торговле. Эта концепция отражает один из важнейших государственных интересов Китая - становление страны в качестве ведущей торговой державы, с которой не смогут конкурировать другие развитые страны. Концепция рассматривает общественную дипломатию как средство информационного воздействия. Общественная дипломатия призвана популяризовать данную инициативу, представить реализацию концепции в позитивном ключе для остальных стран, задействованных в строительстве инфраструктуры, а также осуществить «брендинг» проекта для получения иностранных инвестиций. Китай, представляя в рамках данного проекта собственные интересы и амбиции, привлекает средства общественной дипломатии для воздействия на иностранную аудиторию, чтобы привлечь к реализации концепции как можно больше заинтересованных официальных лиц, иностранных инвесторов, представителей международных организаций [23].

Концепция «Новая норма», принятая в 2014 г., отмечает стремление Китая к развитию высокого качества экономической культуры в обмен на отказ от высоких темпов развития национальной экономики, к преодолению экономического разрыва между регионами страны, сокращению выбросов вредных веществ в процессе производства. Общественная дипломатия Китая, согласно концепции, ориентирована на популяризацию китайских товаров и преодоление стереотипа об их низком качестве, осуществление «брендинга» китайских производителей и их продукции в мире. Концепция подчеркивает важность развития китайской общественной дипломатии, поскольку рассматривает ее как важный инструмент информационного воздействия на зарубежную аудиторию в сфере торгового развития Китая. С помощью общественной дипломатии Китай рассчитывает на реализацию государственных целей, которые находят свое отражение в концепции «Новая норма».

Табл. 2. Сводные результаты анализа программных документов Китая о роли общественной дипломатии в реализации государственных интересов

Table 2. Summary Results of the Analysis of the Program Documents of China on the Role of Public Diplomacy in the Implementation of National Interests

Название документа	Тезис документа об общественной дипломатии как инструменте реализации государственных интересов	Вывод
Стратегия национальной безопасности Китая	Китайская общественная дипломатия является инструментом информационного воздействия, с помощью которого страна осуществляет формирование позитивного имиджа на мировой арене, продвижение интересов страны, распространение национальных ценностей и установок. Это способствует реализации нескольких государственных интересов: развитию масштабов торговли Китая и росту китайской экономики, постепенному становлению страны в качестве главной торговой державы в мире, а также повышению лояльности мировой общественности по отношению к политике Китая	Механизм общественной дипломатии играет важную роль в реализации государственных интересов Китая. Общественная дипломатия призвана способствовать достижению целей Китая в политической, экономической и торговой сферах, что отражает вектор современного развития данной страны. В современных условиях Китай осознает важность развития инструмента общественной дипломатии
«Один пояс - один путь»	Общественная дипломатия Китая выступает в качестве средства популяризации проекта в мире, способствует эффективному поиску инвесторов и других заинтересованных в его реализации лиц, осуществляет «брендинг» проекта. Это способствует реализации государственных интересов Китая в области развития национальной экономики, его выхода на новые мировые рынки, лидерства страны в регионе и на мировой арене	
«Новая норма»	Общественная дипломатия рассматривается как инструмент популяризации китайских товаров в мире, их продвижения в роли высококачественной и надежной продукции. Общественная дипломатия способствует реализации государственных интересов Китая в сфере защиты глобальных торговых интересов страны и развития высокой экономической культуры	

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of a scientific article.

Общественная дипломатия Китая имеет свои особенности. Это связано с некоторыми уникальными чертами государства. Так, Китай всегда отличало стремление к полной независимости и самостоятельности. Кроме этого, данное государство является аутентичным и в определенной степени уникальным, в том числе и в области подходов к осуществлению внешней политики. Общественная дипломатия Китая руководствуется следующими основными принципами:

- главнейшее место в иерархии национальных интересов занимает суверенитет и безопасность страны, никакому государству не позволено вмешиваться во внутренние дела КНР;
- страна самостоятельно определяет сферы и темпы проведения открытости;
- Китай твердо придерживается курса неприсоединения, защищает мир на земле, самостоятельно определяет свою политическую позицию, выступает за равенство всех стран.

Общественную дипломатию Китая в XX в. называли «панда-дипломатией» в связи с использованием китайскими политическими лидерами больших панд в качестве дипломатических подарков с целью решения всевозможных международных задач. В начале 1970-х годов Китай стал использовать «панда-дипломатию» для нормализации отношений с западными странами.

Уже в начале XXI в. общественная дипломатия стала рассматриваться представителями государственной власти Китая как серьезный инструмент проведения внешней политики страны. В настоящее время Китай предпочитает современные методы осуществления общественной дипломатии: формирование позитивного имиджа страны за рубежом и увеличение степени лояльности мировой общественности к Китаю посредством СМИ, международных организаций, научно-образовательных обменов, культурных проектов, деловых и личностных контактов. Среди ключевых целей общественной дипломатии Китая выделяют следующие:

- взаимовыгодное экономическое и политическое сотрудничество;
- развитие эффективной системы коллективной безопасности;
- налаживание диалога различных культур.

Основными задачами современной китайской общественной дипломатии являются:

- распространение информации о Китае в мире;
- создание благоприятных условий для продвижения китайской культуры и искусства: литературы, кино, единоборств, музыки, живописи, кухни;
- популяризация китайского традиционного и современного искусства в мире;
- мониторинг публикаций о Китае, выходящих в иностранных СМИ;
- проведение пресс-конференций с международным участием;
- создание и распространение электронной и печатной продукции по вопросам позиции Китая в сфере различных международных вопросов, внутреннего развития, интересов, установок и ценностей.

Важную роль в развитии китайской общественной дипломатии играют Министерство иностранных дел КНР, Министерство культуры КНР, Министерство образования КНР, Департамент по общественным делам, Государственная канцелярия по распространению китайского языка за рубежом, Центральное китайское телевидение (CCTV), новостное агентство «Синьхуа».

С 2005 г. среди руководства Китая началось активное обсуждение эффективного продвижения китайской культуры «вовне» с использованием механизма общественной дипломатии для реализации государственных интересов. Распространение китайского языка и культуры за рубежом стало одним из приоритетных направлений политики Министерства образования КНР, поскольку китайское руководство поставило задачу обеспечить возможность изучения китайского языка иностранцами по всему свету.

На современном этапе китайская общественная дипломатия переживает фазу активного становления. В сфере общественной дипломатии сегодня по всему миру реализуется большое количество проектов и программ.

Так, в соответствии с одной из ключевых задач китайской общественной дипломатии, повсеместно работают центры по изучению китайского языка и культуры - Институты Конфуция, которые направлены также на расширение и укрепление международного сотрудничества.

Китай сегодня эффективно осуществляет «брендинг» национального высшего образования. Происходит становление китайской системы образования как одной из лучших в мире. Ежегодно сотни тысяч иностранных граждан из стран Азии, Америки и Европы становятся студентами китайских университетов. Во многом привлечению иностранных абитуриентов способствуют грантовые программы на обучение в Китае, предоставляемые Правительством КНР, Советом по грантам, Институтом Конфуция.

Происходит всестороннее развитие инструментов межкультурной коммуникации Китая, в том числе и СМИ. Сегодня большинство китайских средств массовой информации публикуют материалы также и на английском языке, сотрудничают с представителями зарубежной прессы и телевидения. Центральное китайское телевидение (CCTV) се-

годня имеет семь каналов, осуществляющих теле вещание за рубежом. Новостное агентство «Синьхуа» зарекомендовало себя как авторитетный источник информации, чьи публикации цитируются по всему миру. Его популярность возрастает с каждым годом. Ежедневно агентство издает во всех странах около 15 тыс. новостных публикаций, из которых 80% связаны с действиями Китая.

Общественная дипломатия Китая активно реализует проекты в культурной сфере. Так, большой популярностью пользуются «годы культуры» и культурные фестивали Китая, проводимые в различных странах мира. Такие проекты способствуют продвижению китайской культуры, ценностей и идеалов. Результатом их проведения стало значительное расширение международного сотрудничества в сфере инвестиций, торговли, образования, культурных обменов.

Китайская общественная дипломатия использует весь спектр возможностей для позиционирования страны в мире и продвижения национальных интересов. Так, КНР ведет активную работу в области организации масштабных мероприятий с международным участием. За последние десятилетия состоялся ряд важных событий, в которых ключевым организатором выступил Китай.

Кроме указанных мероприятий, Китай также организует Всемирные выставки в Шанхае по различным отраслям: туризм, торговля, технологии, медицина, энергетика, строительство, кулинария (ежегодно), Фестиваль снега и льда в Харбине (ежегодно), Международный фестиваль воздушных змеев (ежегодно). В 2019 г. будет проведен год Китая на Украине.

На сегодняшнем этапе общественная дипломатия Китая также активно использует сеть Интернет для решения поставленных перед ней задач. Так, были разработаны и введены в использование сайты об истории, политике, культуре, образовании, науке, спорте Китая на многих языках мира. Список интернет-ресурсов, которые позволяют зарубежной аудитории ознакомиться с внутренней и внешней политикой страны, возрастает год от года. Это способствует открытому позитивному взаимодействию Китая с иностранными государствами, расширению системы партнерских международных связей, а также повышению лояльности мировой общественности по отношению к действиям Китая.

Выводы

Общественная дипломатия сегодня является эффективным инструментом проведения внешней политики и достижения государственных целей, а также средством формирования позитивного образа государства на мировой арене. Россия понимает преимущества всесторонне налаженного механизма публичной дипломатии в контексте реализации государственных интересов. Сегодня в нашей стране активно развиваются различные организации в сфере радио- и теле вещания, СМИ, образования и культуры, русского языка и истории, целью которых является организация продуктивного и позитивного диалога с зарубежной общественностью и продвижение интересов России в мире. Происходит активное становление нормативно-правовой базы российской общественной дипломатии, которая законодательно закрепляет важность развития данного инструмента проведения внешней политики и реализации государственных интересов нашей страны.

Все рассмотренные основные документы по вопросам внешней политики и государственных интересов Китая отмечают значимость использования общественной дипломатии для реализации современного курса развития страны. Общественная дипломатия Китая направлена на информационное воздействие на зарубежную аудиторию в целях продвижения ценностей и идеалов страны, популяризации китайских проектов, «брендинга» китайских производителей и их продукции, формирования имиджа передовой современной державы. Китайская общественная дипломатия в ее современном понимании начала свое становление с начала XXI в., когда руководство страны выделило ее в качестве важного инструмента проведения внешней политики и ведения продуктивного диалога с зарубежными государствами. С того момента общественная дипломатия переживает фазу активного становления. В Китае сегодня реализуется большое количество

проектов и программ, которые используют механизм общественной дипломатии: распространение китайской культуры и языка в мире, сотрудничество в политической сфере, организация крупных мероприятий с международным участием. Все они направлены на улучшение процесса межкультурной коммуникации, привлечение интеллектуальных ресурсов и иностранных инвестиций в страну, становление Китая как передовой державы не только в экономическом, но и в политическом, и культурном отношении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Public Diplomacy Before Gullion: The Evolution of a Phrase // Center on Public Diplomacy. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/public-diplomacy-gullion-evolution-phrase> (дата обращения: 15.09.2018).
2. Дискурс о публичной дипломатии // Дипломатика. URL: <http://diplomatica.ru/?pl=page&id=123&lng=ru> (дата обращения: 14.09.2018).
3. Бобров А. Дипломатия публичная или общественная - вот в чем вопрос // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1865> (дата обращения: 15.09.2018).
4. Зонова Т.Н. Публичная дипломатия и ее акторы // Российский совет по международным делам. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/publicnaya-diplomatiya-i-ee-aktory/> (дата обращения: 15.09.2018).
5. Сеидов В.Г. Значение публичной дипломатии в процессе реализации публичной политики // Мировая политика. URL: http://e-notabene.ru/view_article.php?id_article=21549&nb=1 (дата обращения: 15.09.2018).
6. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. N 640) // URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/71552062/paragraph/1:0> (дата обращения: 13.09.2018).
7. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // URL: <http://kremlin.ru/supplement/424> (дата обращения: 14.09.2018).
8. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 605 «О мерах реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» // URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70170934/paragraph/1:2> (дата обращения: 13.09.2018).
9. Государственная программа Российской Федерации «Внешнеполитическая деятельность» // URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/asset/content/id/62 (дата обращения: 15.09.2018).
10. Шершнев И.Л. Особенности становления и развития современной общественной дипломатии в современной России // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-stanovleniya-i-razvitiya-obschestvennoy-diplomatii-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 15.09.2018).
11. Особенности института общественной дипломатии в России // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1315> (дата обращения: 15.09.2018).
12. Программы Фонда // Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова. URL: <https://gorchakovfund.ru/projects/> (дата обращения: 13.09.2018).
13. Деятельность // Россотрудничество. URL: <http://rs.gov.ru/%20%20/activities> (дата обращения: 15.09.2018).
14. Публичная дипломатия России: становление и развитие // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publicnaya-diplomatiya-rossii-stanovlenie-i-razvitie> (дата обращения: 15.09.2018).
15. Закон РФ от 9 октября 1992 г. N 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» // Гарант. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/104540/doclist/selflink:0> (дата обращения: 15.09.2018).
16. Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 июля 2008 года N Пр-1440 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_85021/ (дата обращения: 14.09.2018).
17. Постановление Правительства РФ от 3 марта 2012 г. N 186 «О федеральной целевой программе "Культура России (2012-2018 годы)"» // Гарант. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70149760/paragraph/1:0>
18. Распоряжение Правительства РФ от 23 декабря 2015 г. N 2648-р «О плане мероприятий по реализации в 2016-2018 гг. Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года» // Гарант. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71195422/> (дата обращения: 15.09.2018).

19. КНР - сверхдержава XXI века: российско-китайские перспективы // Центр стратегических оценок и прогнозов. URL: <http://csef.ru/media/articles/8015/9404.pdf> (дата обращения: 15.09.2018).
20. Публичная дипломатия «Шелкового пути» как новый тренд внешней политики Китая // Высшая школа экономики. URL: https://www.hse.ru/data/2016/10/19/1107953742/%20silk_road_diplomacy.pdf (дата обращения: 15.09.2018).
21. Китайская мечта и ее составляющие // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/ideas/2015-12-04/5_ideas.html (дата обращения: 15.09.2018).
22. Особенности и специфика дипломатии Китая // Посольство Китайской Народной Республики в Республике Казахстан. URL: <http://kz.china-embassy.org/rus/dszc/emba/t210333.htm> (дата обращения: 15.09.2018).
23. Публичная дипломатия Китайской Народной Республики: становление и развитие // Диссертационные советы СПбГУ. URL: https://disser.spbu.ru/disser2/disser/krivohij_public_diplomacy_disser.pdf (дата обращения: 15.09.2018).

REFERENCES

1. Public Diplomacy Before Gullion: The Evolution of a Phrase. Center on Public Diplomacy. Available at: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/public-diplomacy-gullion-evolution-phrase> (accessed 15 September 2018).
2. Diskurs o publichnoy diplomatii [Discourse on public diplomacy]. Diplomatika. Available at: <http://diplomatika.ru/?pl=page&id=123&lng=ru> (accessed 14 September 2018).
3. Bobrov A. Diplomatia publichnaya ili obshchestvennaya - vot v chem vopros [Public or public diplomacy is the question]. Mezhdunarodnaya zhizn'. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1865> (accessed 15 September 2018).
4. Zonova T.N. Publichnaya diplomatia i ee aktory [Public diplomacy and its actors]. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. Available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/publichnaya-diplomatia-i-ee-aktory/> (accessed 15 September 2018).
5. Seidov V.G. Znachenie publichnoy diplomatii v processe realizacii publichnoy politiki [The importance of public diplomacy in the implementation of public policy]. Mirovaya politika. Available at: http://e-notabene.ru/view_article.php?id_article=21549&nb=1 (accessed 15 September 2018).
6. Konceptiya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utv. Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 30 noyabrya 2016 y. N 640) [foreign policy Concept of the Russian Federation]. Garant. Available at: <http://ivo.garant.ru/#/document/71552062/paragraph/1:0> (accessed 13 September 2018).
7. Strategiya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 goda [national security Strategy of the Russian Federation until 2020y]. Prezident Rossii. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/424> (accessed 14 September 2018).
8. Ukaz Prezidenta RF ot 7 maya 2012 g. N 605 «O merakh realizacii vneshnepoliticheskogo kursa Rossijskoj Federacii» [Decree of the President of the Russian Federation of may 7, 2012y N 605 "on measures to implement the foreign policy of the Russian Federation"]. Garant. Available at: <http://ivo.garant.ru/#/document/70170934/paragraph/1:2> (accessed 13 September 2018).
9. Gosudarstvennaya programma Rossijskoj Federacii «Vneshnepoliticheskaya deyatel'nost'» [State program of the Russian Federation "foreign Policy activities"]. Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii. Available at: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/asset/content/id/62 (accessed 15 September 2018).
10. SHershnev I.L. Osobennosti stanovleniya i razvitiya sovremennoj obshchestvennoj diplomatii v sovremennoj Rossii [Features of formation and development of modern public diplomacy in modern Russia]. KiberLeninka. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-stanovleniya-i-razvitiya-obshchestvennoj-diplomatii-v-sovremennoj-rossii> (accessed 15 September 2018).
11. Osobennosti instituta obshchestvennoj diplomatii v Rossii [Features of the Institute of public diplomacy in Russia]. Mezhdunarodnaya zhizn'. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1315> (accessed 15 September 2018).
12. Programmy Fonda [Fund Programs]. Fond podderzhki publichnoy diplomatii imeni A.M. Gorchakova. Available at: <https://gorchakovfund.ru/projects/> (accessed 13 September 2018).

13. Deyatel'nost' [Деятельность]. Rossotrudnichestvo. Available at: <http://rs.gov.ru/%20%20/activities> (accessed 15 September 2018).
14. Publichnaya diplomatiya Rossii: stanovlenie i razvitie [public diplomacy in Russia: formation and development]. KiberLeninka. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnaya-diplomatiya-rossii-stanovlenie-i-razvitie> (accessed 15 September 2018).
15. Zakon RF ot 9 oktyabrya 1992 g. N 3612-I «Osnovy zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o kul'ture» [The law of the Russian Federation of October 9, 1992 N 3612-I "Bases of the legislation of the Russian Federation about culture"]. Garant. Available at: <http://ivo.garant.ru/#/document/104540/doclist/selflink:0> (accessed 15 September 2018).
16. Konceptiya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii ot 12 iyulya 2008 goda N Pr-1440 [Concept of foreign policy of the Russian Federation of July 12, 2008 N PR-1440]. Konsul'tantPlyus. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_85021/ (accessed 14 September 2018).
17. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 3 marta 2012g. N 186 «O federal'noj celevoj programme «Kul'tura Rossii (2012-2018 gody)» [Order of the Government of the Russian Federation of March 3, 2012 N 186 "about the Federal target program" Culture of Russia (2012-2018)». Garant. Available at: <http://ivo.garant.ru/#/document/70149760/paragraph/1:0> (accessed 15 September 2018).
18. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 23 dekabrya 2015 g. N 2648-r «O plane meropriyatij po realizacii v 2016-2018 gg. Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki RF na period do 2025 g.» [the Order of the Government of the Russian Federation of December 23, 2015 N 2648-p "about the action plan for implementation in 2016-2018 of Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period till 2025"]. Garant. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71195422/> (accessed 15 September 2018).
19. KNR - sverhderzhava XXI veka: rossijsko-kitajskie perspektivy [China-superpower of the XXI century: Russian-Chinese prospects]. Centr strategicheskikh ocenok i prognozov. Available at: <http://csef.ru/media/articles/8015/9404.pdf> (accessed 15 September 2018).
20. Publichnaya diplomatiya «SHelkovogo puti» kak novyj trend vneshnej politiki Kitaya [Public diplomacy of the silk road as a new trend in China's foreign policy]. Vysshaya shkola ekonomiki. Available at: https://www.hse.ru/data/2016/10/19/1107953742/%20silk_road_diplomacy.pdf (accessed 15 September 2018).
21. Kitajskaya mechta i ee sostavlyayushchie [the Chinese dream and its components]. Nezavisimaya gazeta. Available at: http://www.ng.ru/ideas/2015-12-04/5_ideas.html (accessed 15 September 2018).
22. Osobennosti i specifika diplomatii Kitaya [Features and specifics of the diplomacy of China]. Posol'stvo Kitajskoj Narodnoj Respubliki v Respublike Kazahstan. Available at: <http://kz.china-embassy.org/rus/dszo/emba/t210333.htm> (accessed 15 September 2018).
23. Publichnaya diplomatiya Kitajskoj Narodnoj Respubliki: stanovlenie i razvitie [Public diplomacy of the people's Republic of China: formation and development]. Dissertacionnye sovery SPbGU. Available at: https://disser.spbu.ru/disser2/disser/krivohij_public_diplomacy_disser.pdf (accessed 15 September 2018).

Информация об авторе:

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия
kuzmina-violetta@yandex.ru

Получена: 15.09.2018

Information about the author:

Violetta M. Kuzmina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, South-West State University, Kursk, Russia
kuzmina-violetta@yandex.ru

Received: 15.09.2018

УДК 37.035.6

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-111-118

ХАДЖИЕВ Сайдхасан Магомедович
Чеченский институт повышения
квалификации работников образования
г. Грозный, Россия
khadzhiev76@mail.ru

Saydkhasan M. KHADZHIEV
Chechen Institute of Advanced Training
for Educational Workers
Grozny, Russia
khadzhiev76@mail.ru

НЮДЮРМАГОМЕДОВ Абдулахад
Нюдюрмагомедович
Дагестанский государственный университет
г. Махачкала, Россия
nudurmagomedov@mail.ru

Abdulahad N. NYUDYURMAGOMEDOV
Dagestan State University
Makhachkala, Russia
nudurmagomedov@mail.ru

**ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО
ВОСПИТАНИЯ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ
РЕГИОНЕ**

**DYNAMICS OF THE DEVELOPMENT OF
MULTICULTURAL EDUCATION IN THE NORTH
CAUCASUS REGION**

В статье на основе ретроспективного и сравнительного анализа рассмотрена динамика и специфика становления и развития поликультурного воспитания в Северо-Кавказском регионе. Выявлены тенденции развития межкультурных отношений и контактов в период регулирования межнациональных отношений на основе народных традиций, первичного влияния арабской и русской культуры, создания единой системы советского образования, научных исследований в области межкультурной коммуникации и современного состояния развития поликультурного воспитания на основе диалога культурных различий. Установлена аналогия поликультурного воспитания с межкультурной коммуникацией, интернациональным воспитанием, всесторонним развитием личности, диалогом гендерных культур, полилингвальным образованием и диалогом культурных различий. Поликультурное воспитание по сущности определено как специфический педагогический процесс, требующий наличия базовой культурной идентичности и направленный на адаптацию характера и поведения личности в многокультурной социальной среде. Предложена концепция развития поликультурного воспитания, структура которого включает: формирование идентичности со своей базовой культурой, знакомство с ценностями иных культур, признание культурных различий, адаптация в многокультурной социальной среде, самоактуализация через создание новых элементов субъектной культуры в реальной жизни и в условиях межкультурной коммуникации. В обобщении предложены результаты исследования проблемы развития поликультурного воспитания в интерактивной среде диалога внутренней культуры молодежи с культурными различиями.

The dynamics and specifics of the formation and development of multicultural education in the North Caucasus region are considered in this article. It has been made on the basis of a retrospective and comparative analysis. Also the trends of the development of intercultural relations and contacts during the settlement of interethnic relations which are established on the basis of folk traditions have been revealed. The primacy of the influence of Arab and Russian cultures, the creation of a unified system of Soviet education, scientific research in the field of intercultural communications and the current state of the development of multicultural education on the basis of a dialogue of cultural differences is shown too. We established an analogy of multicultural education with the intercultural communication, the international education, the comprehensive personality education, the gender dialogue and polylingual education. The multicultural education is a specific pedagogical process which requires a basic cultural identity and is aimed at adapting of the character and behavior of the individual in a multicultural social environment. We proposed a concept for the development of multicultural education, whose structure includes: the formation of identity with its basic culture, the acquaintance with the values of other cultures, the adaptation in a multicultural social environment, the self-actualization by the creation of new elements of subject culture in real life and in conditions of intercultural communication. As a generalization, it is also proposed the results of a study of the problem of the development of multicultural education in an interactive environment, a dialogue of the internal culture of youth with cultural differences.

Ключевые слова: культурные различия, диалог культур, внутренняя культура личности, этническая культура, поликультурное воспитание, поли-

Key words: cultural differences, dialogue of cultures, internal culture of the individual, ethnic dynamics of multicultural education, polylingual

лингвальное образование, межкультурные контакты, динамика поликультурного воспитания, региональная специфика межкультурных контактов, интерактивная среда диалога культурных различий

Для цитирования: Хаджиев С.М., Нюдюрмагомедов А.Н. Динамика развития поликультурного воспитания в Северокавказском регионе. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 5 -1. с.111-118. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-111-118.

education, intercultural contacts, dynamics of multicultural education, regional specificity of intercultural contacts

For citation: Khadzhiev S.M., Nyudyurmagomedov A.N. Dynamics of the development of multicultural education in the North Caucasus region. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no.5 -1. Pp. 111-118. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-111-118. (in Russ)

Поликультурное воспитание как социальное явление связано с расширением многосторонних связей между разными культурными сообществами. Этот процесс культурных, экономических, демографических и коммуникационных связей в последние годы приобретает различные формы и проникает в самые разные сферы жизни многих стран и народов. Но он имеет свои общие черты и специфику в разных регионах у различных этносов. Общие закономерности поликультурного воспитания исходят из потребности разных народов во взаимодействии и взаимопонимании, поскольку в современных условиях миграции населения и доступности информации о жизни и культуре народов нельзя жить изолированно. Различие и специфичность связаны с желанием каждого культурного сообщества, этноса, отдельного человека сохранять свою уникальную культуру, этническую и культурную идентичность. Таким образом, в сущности поликультурного воспитания скрыто взаимодействуют две противоречащие друг другу тенденции - поликультурность и субкультурность.

Анализ социокультурных и педагогических исследований показывает, что научная мысль и практика поликультурного воспитания склоняются к приоритету общих закономерностей межкультурной коммуникации, билингвальному образованию. При этом межкультурные связи разных народов сводят к обеспечению равных прав на образование и социальные условия жизни малочисленных народов. Под межкультурной коммуникацией при этом понимают «совокупность разнообразных форм отношений и общения между группами, принадлежащими к разным культурам» [1, с. 142]. В подобных случаях речь не идет о межкультурных контактах и диалоге ценностей разных культур. Известный социолог Э. Холл утверждал, что «...люди должны учиться переходить за пределы культуры и адаптировать ее к эпохе и к своему собственному биологическому организму». Одновременно с этим он указывал на то, что необходимо специальное приобщение к иным культурам на основе изучения и осознания уникальности культурных ценностей, непосредственно не проявляющихся в практическом общении людей [12]. В его позиции ясно проявляется противоречие между поликультурностью как адаптацией в многокультурной среде и этноцентризмом как сохранением уникальности каждой культуры. А как достичь их взаимодействия - такую исследовательскую задачу Э. Холл не ставит.

В официальных заявлениях Евросоюза предлагается воспитывать дружеские отношения между этническими группами, готовить молодежь к жизни в неоднородной культурной среде. Необходимость сохранения всех культур путем образования декларирует доклад «Образование для всех», в котором тенденцией развития поликультурного воспитания определен поворот от идей ассимиляции национальных меньшинств к курсу на мультикультурное воспитание [2]. Нужно согласиться с преимуществами многокультурного воспитания, поскольку в нем предлагаются сохранение уникальных ценностей субкультур и механизмы межкультурного взаимодействия.

Поликультурное воспитание молодежи в России как педагогическое явление в научном аспекте возникло в 1990-е годы, хотя в межкультурных отношениях оно существовало веками и имеет свою историю и специфику развития. Анализ истории развития образования и педагогики в России позволяет считать началом исследований межкуль-

турного взаимодействия научные труды А.И. Пирогова, А.С. Хомякова, К.Д. Ушинского, Н.И. Ильминского, впервые поднимавших проблему признания и уважения культуры и языка отдельных этносов в России.

В советское время это явление интерпретировалось как интернациональное воспитание, воспитание культуры межнационального общения и дружбы народов [3]. Интернациональное воспитание в то время определялось как приобщение граждан той или иной национальности к интернационалистским ценностям и традициям для воспитания дружбы между народами. При этом оговаривалось, что параллельно с воспитанием уважения и понимания культур иных народов необходимо воспитывать гордость за принадлежность к культуре и менталитету своего народа. Получается, что интернациональное воспитание является своего рода одним из видов поликультурного воспитания. Однако конечной целью его было достижение единомыслия, стирания национальной специфики в замыслах и деяниях советского человека; причем эту задачу стремились увязать с воспитанием всесторонне развитой личности.

Как известно, одним из важных требований к такой личности считалось раскрытие и реализация ее созидательных способностей, умственно-интеллектуального и творческого потенциала [4]. Соответственно, главным элементом всесторонне развитой личности является внутренняя культура человека, в которой гармонически взаимодействуют разные культуры. Поликультурность личности в таком воспитании выражается в диалоге созидательных сил человека с разными культурами, вне его существующими и влияющими на него. Основные направления воспитания всесторонне развитой личности (умственное, нравственное, трудовое, эстетическое, физическое и т.д.) можно принять за культурные различия, а их гармонию определить как внутреннюю культуру человека.

Такую позицию поддерживает в своем исследовании многокультурного образования Г.Д. Дмитриев, распространяя проблему межэтнического взаимодействия на область молодежных субкультур и необходимость формирования многокультурной идентичности [5].

Несколько отличаются от европейских и общероссийских проблем взаимодействие культур и поликультурного воспитания в Северо-Кавказском регионе. Если в США исследовали взаимодействие культур переселенцев из разных стран, в Европе ищут пути взаимодействия культур коренных народов с культурой мигрантов, а в восточных странах стараются сохранять глобальные национальные культуры, - то в Северо-Кавказских республиках проблема заключается во взаимодействии культур коренных народов между собой в непосредственных контактах. Такую необходимость отмечают даже сторонники глобальной культуры. Они считают неизбежным сохранение зон относительной независимости, автономности, дающих возможности межличностных контактов даже при грандиозном давлении на человеческое сознание всего информационного арсенала глобального общества [13].

Взаимодействие с культурой иных народов в этих республиках идет через опосредованное знакомство с ними в различных источниках информации. Здесь проживает множество коренных народов со сложившимися традиционными ценностями своей культуры, и им крайне необходимы механизмы и средства межкультурных контактов [6]. Каждая республика при этом имеет свои специфические условия поликультурной среды и воспитания молодежи в этой среде.

Основой межкультурного взаимодействия народов Северо-Кавказских республик всегда выступал жизненный уклад в примерно равных и трудных условиях горной местности. Такой регулятор социального поведения не требовал чего-то дополнительного во взаимопонимании этих народов и специального изучения иных культур и поликультурного воспитания молодежи. Межкультурные контакты при этом строились на основе взаимопонимания и взаимной поддержки.

В социальной практике межкультурного общения у народов Северо-Кавказских республик существенную роль выполняли этнокультурные стереотипы, как показатели

уникальности и различия культур разных народов, которые имеют противоречивый характер. Они одновременно выражали культурные различия и степень культурной идентичности. Уникальные элементы культуры выступали как преграда межкультурному взаимопониманию и одновременно как средство предвосхищения возможного варианта поведения представителя той или иной культуры. В опыте народов Северного Кавказа научились использовать их в качестве регуляторов социального поведения людей в регионе.

Поликультурное воспитание в этом регионе имеет свою специфику также в области контактов мужских и женских ролей. Как известно, в традициях народов Северо-Кавказского культурного сообщества социокультурные роли мужчин и женщин не предполагали гендерного равенства и имели социально обусловленные границы диалога ролей [7]. В исследовании Ф.А. Маршенкуловой выделены семь таких различий в маскулинной и феминной культуре народов Северного Кавказа, которые всегда учитывались в межкультурных контактах и поликультурном воспитании молодежи. К ним исследователь относит: многообразие социальных ролей, поведение в женских и смешанных коллективах, личное пространство мужчины и женщины, социальные и семейные роли, мотивы мужского и женского поведения и творческие занятия домашним ремеслом [8]. Все эти различия становятся предметом поликультурного воспитания даже в рамках одной этнической культуры и повседневной жизни.

В научно-поисковом аспекте первые формы исследования поликультурного воспитания можно отнести к миссионерским и захватническим планам арабских и русских правителей и их влиянию на культуру коренных народов Северного Кавказа. Хотя в это время еще не была обозначена проблема межкультурной коммуникации и поликультурного воспитания, на территории республик Северного Кавказа возникли проблемы управления сознанием кавказских народов. Но при этом политика доминирования любой сторонней культуры всегда приводила к протесту коренных народов, противостоянию и отвержению ими влияния иных культурных ценностей [9].

Однако народы Кавказа объективно нуждались в более продуктивных средствах развития своей культуры и обеспечения межкультурных контактов между собой. Анализ исторического опыта и научных исследований показывает, что восточная, мусульманская и русская культура помогли народам Северного Кавказа найти язык и другие средства межкультурных контактов. Так, арабские миссионеры, открывая школы, использовали арабский язык и пытались внедрить в сознание молодежи религиозные нормы и ценности своей культуры, но при этом старались использовать национальные традиции и создавать письменные родные языки для приобщения их к арабской и мусульманской культуре. Результатом такого межкультурного взаимодействия стало появление общего для всех родных языков алфавита «аджам» на основе арабской графики, пользуясь которым можно было писать и читать тексты на разных языках народов Северного Кавказа. Новый алфавит, примененный к разным языкам, при этом стал средством межкультурной коммуникации. Тогда еще не было теории межкультурной коммуникации, а уникальная практика уже существовала.

В таком же ракурсе проходила межкультурная коммуникация культур северокавказских народов с русской культурой. Большая заслуга в этом принадлежит исследователю языков народов Кавказа П.К. Услару и педагогу Н.И. Ильминскому, деятельность которых позволила сохранить культуру коренных народов и создала возможность приобщения этих народов к русской и мировой культуре. Известный дагестанский мыслитель и педагог А.А. Тахо-Годи позитивно оценивает практику межкультурного общения в русских и арабских школах на родном языке народов Дагестана, поскольку без письменности и знания арабского или русского языка горцы не имели возможности знакомства с культурой иных народов. Следовательно, деятельность таких школ можно считать поликультурным воспитанием, поскольку в них шло приобщение молодежи к иным культурам.

Кроме того в развитии поликультурного воспитания на Северном Кавказе был период, когда в социальной жизни, торговле, трудовых отношениях горские народы избрали тюркский язык как язык межнационального общения, более распространенный на равнинных территориях. В таком аспекте поликультурное воспитание шло как социализация молодежи в многоязыковой социальной среде.

Специфичным периодом развития поликультурного воспитания для северокавказских республик можно считать первые годы становления социалистических общественных отношений. Еще в первые годы советской власти в северокавказских республиках были признаны два принципа поликультурного образования и воспитания: принцип сохранения родного языка и создания социального пространства с единым языком межнационального общения [10]. Эти принципы до сих пор сохранились в системе образования и играют свою позитивную роль в создании национальных школ с родным языком обучения. Однако эти принципы стали основанием замены межкультурных контактов только языковыми проблемами. А язык, как известно, является только одним из компонентов культуры. Даже внутри одной языковой группы народов наблюдаются культурные различия, требующие диалога и взаимопонимания.

Еще одним из локальных аспектов поликультурного воспитания в регионе можно считать формирование культуры межнационального общения [11], предметом которого является общение, но при этом в содержании не отражены культурные нормы и ценности, не дается характеристика ни отдельным языкам, ни языку межнационального общения. Поликультурное воспитание возможно только в межкультурном взаимодействии, охватывающем все ценности культур, а не только в языковой коммуникации. Отступление от такого подхода может привести к потере народами своей культуры. Например, в Дагестане есть несколько бесписьменных народов андо-цезской группы, язык которых близок к аварскому языку; дети в этом этносе учатся в школах на письменном аварском языке. В настоящее время все взрослое население андо-цезов фактически является двуязычным. На устном разговорном родном языке андо-цезы говорят дома, в семье, на улице, а при встрече с жителями другого села переходят на аварский язык. На этом языке они пишут письма, читают книги и газеты, поют песни. Но никто не интересуется их культурой и традиционным укладом жизни. Поликультурное воспитание должно быть направлено на диалог культур, а не на понимание языка других народов. Все северокавказские народы говорят на русском языке, как языке межнационального общения, и здесь нет никаких проблем. Однако они сохраняют и пытаются развивать свою культуру и традиции социальной жизни. Для понимания друг друга на уровне культуры необходимы дополнительные средства, методы и технологии поликультурного воспитания.

Анализ различных этапов динамики межкультурных контактов в Северо-Кавказских республиках показывает, что поликультурное воспитание по своей сущности нельзя представить без развития. В нем постоянно происходит диалог культурных различий и внутренней культуры личности, и педагогам на каждом этапе такого диалога приходится в самом процессе искать новые, более совершенные средства, подходы, технологии и отношения.

В реальной практике каждый следующий этап поликультурного диалога уже должен качественно отличаться от предыдущего, соответственно, должен быть более совершенным, развитым. В связи с этим возникает проблема поиска и обоснования новой концепции развития поликультурного воспитания. В современных условиях его развитие обусловлено характером поликультурной среды, имеющей разный потенциал в разных республиках. Организованное в этих целях исследование отношений старшеклассников к межкультурным контактам позволило выявить ряд специфических особенностей. Так, в республиках Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии непосредственные контакты с представителями иных культур в массовой практике ограничены двумя коренными народами. В Республике Ингушетия и Чеченской Республике такие контакты ограничены в рамках образа жизни и традиций одного народа. Особым регионом поликультурной

среды при этом выступает Республика Дагестан, где проживает более тридцати народов и этнических малочисленных групп. Республики являются общей территорией и государственным объединением многих этносов, в связи с чем исторически всегда нуждались в межкультурной коммуникации и едином языке общения. В связи с этим в исследовании принято за основу предположение о том, что поликультурное воспитание должно быть построено в области культурных различий и развития внутренней культуры человека. Равноправный межкультурный диалог должен привести к смягчению негативных последствий и противоречий в несовпадающей части культурных ценностей. Поликультурное воспитание по своей сущности является специфическим педагогическим процессом, требующим наличия базовой культурной идентичности и направленным на адаптацию характера и поведения личности в многокультурной социальной среде. Процесс развития поликультурного воспитания включает: формирование идентичности со своей базовой культурой, знакомство с ценностями иных культур, признание культурных различий, адаптация в многокультурной социальной среде, самоактуализация через создание новых элементов субъектной культуры в реальной жизни и в условиях межкультурной коммуникации.

Развитие поликультурного воспитания возможно только в интерактивной поликультурной среде, создание которой требует поиска и использования интерактивных технологий. Для этого нами обоснована эффективность таких смылосозидающих технологий, как диалог размышлений, ассоциативное восприятие, частично-поисковая беседа, ситуативная технология, поликультурный мозговой штурм, пресс-конференция, разные способы объяснения мира, эмоционально-смысловое погружение, развертывание смысла народной мудрости и др. Сущностным механизмом стимулирования интерактивности учащих в восприятии и понимании ценностей культуры в этих технологиях определено создание участниками собственных смыслов в культурных различиях, в которых можно проследить динамические изменения в развитии внутренней культуры личности.

Анализ динамики развития поликультурного воспитания в северокавказских республиках России позволяет выделить следующие специфические особенности:

1. В республиках Северного Кавказа по своим социальным условиям поликультурная среда с реальными представителями разных культур не является привычным явлением.

2. В зависимости от характера поликультурной среды поликультурное воспитание можно организовать и как реальные диалоги между представителями разных культур, и как процесс имитации диалога культурных различий.

3. Развитие поликультурного воспитания в многонациональных регионах требует переноса акцентов с полилингвального образования и межкультурной коммуникации на интерактивные диалоги внутренней культурой молодежи с культурными различиями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
2. Образование для всех 2000-2015 гг.: достижения и вызовы. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002325/232565R.pdf> (дата обращения: 24.08.2018).
3. Кодякова Н.В. Интернациональное и поликультурное воспитание в формировании системы ценностей школьников и студентов // Современные проблемы науки и образования. - 2016. - № 3. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=24562> (дата обращения: 27.08.2018).
4. Конкретизация в педагогике содержания воспитания всесторонне и гармонично развитой личности. URL: <http://knigi.link/osnovyi-pedagogiki/konkretizatsiya-pedagogike-soderjaniya-20588.html> (дата обращения: 18.06.2018).
5. Дмитриев Г.Д. Многокультурное образование. - М.: Народное образование, 1999.
6. Нюдюрмагомедов А.Н., Хаджиев С.М. Тенденции развития многокультурного воспитания в этнокультурной социальной среде // Актуальные направления фундаментальных и при-

- кладных исследований: Мат-лы X Междунар. науч.-практ. конф., 7-8 ноября 2016 г. - North Charleston, USA, 2016. - С. 32-35.
7. Арсельгов А.У. Этнические стереотипы в культуре (на примере культур Северного Кавказа): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. - Ростов н/Д, 2011.
 8. Маршенкулова Ф.А. Проблемы изучения женской повседневности на Северном Кавказе // Современные проблемы науки и образования. - 2015. - № 2-3. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=23410> (дата обращения: 27.08.2018).
 9. Муханова И.В. Становление и развитие системы образования в Чеченской Республике // Сибирский педагогический журнал. - 2012. - № 6. - С. 119-127.
 10. Тахо-Годи А.А. О языке преподавания в Дагестане // Парта́рхив Даго́бкома КПСС. Ф. 1. Оп. 8. Д. 60. Л. 64.
 11. Гасанов З.Т. Воспитание культуры межнационального общения: методология, теория и практика. - Махачкала, 1998.
 12. Холл Э.Т. Beyond Culture [Больше чем культура] - Anchor Books, 1989.
 13. Хорни К. (1945) Our inner conflicts [Наши внутренние конфликты] / URL: <https://ru.scribd.com/doc/24795883/Our-Inner-Conflicts-Karen-Horney> (дата обращения: 12.08.2018).

REFERENCES

1. Grushevickaya T.G., Popkov V.D., Sadohin A.P. Osnovy mezhkul'turnoj kommunikacii. [The basics of intercultural communication] M.: YUNITI-DANA, 2003.
2. Obrazovanie dlya vsekh 2000-2015 gg.: dostizheniya i vyzovy. [Education for all 2000-2015 years. Achievements and challenges] Available at: URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002325/232565R.pdf> (accessed: 24.08.2018).
3. Kodyakova N.V. Internacional'noe i polikul'turnoe vospitanie v formirovanii sistemy cennostej shkol'nikov i studentov [The international and multicultural education in the formation of the value system of schoolchildren and students]. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = The modern problems of science and education. 2016. № 3. Available at: URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=24562> (accessed: 27.08.2018).
4. Konkretizatsiya v pedagogike soderzhaniya vospitaniya vsestoronne i garmonichno razvitoj lichnosti. [Concretization of the content of education comprehensive and harmoniously developed personality in pedagogy]. Available at: URL: <http://knigi.link/osnovyi-pedagogiki/konkretizatsiya-pedagogike-soderzaniya-20588.html> (accessed: 18.06.2018).
5. Dmitriev G.D. (1999) Mnogokul'turnoe obrazovanie. [The multicultural education] M.: Narodnoe obrazovanie = The public education, 1999.
6. Nyudyurmagedov A.N., Hadzhiev S.M. Tendencii razvitiya mnogokul'turnogo vospitaniya v ehtnokul'turnoj social'noj srede [The development trends of multicultural education in the ethnocultural social environment]. Aktual'nye napravleniya fundamental'nyh i prikladnyh issledovaniy: Materialy X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii = The current areas of fundamental and applied researches: the 10th scientific conference materials, 7-8.11.2016g. North Charleston, USA, 2016. Pp. 32-35.
7. Arsel'gov A.U. EHtnicheskie stereotipy v kul'ture (na primere kul'tur Severnogo Kavkaza) [The ethnic stereotypes in culture (the example of the cultures of the North Caucasus)] avtoreferat dissertacii kandidata filosofskih nauk = The author's abstract of the dissertation work of the PhD. Rostov na Donu. 2011.
8. Marshenkulova F.A. Problemy izucheniya zhenskoy povsednevnosti na Severnom Kavkaze [The problems of studying women's everyday life in the North Caucasus.]. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = The modern problems of science and education. 2015. № 2-3. Available at: URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=23410> (accessed: 27.08.2018).
9. Muskhanova I.V. Stanovlenie i razvitie sistemy obrazovaniya v chechenskoj respublike [Formation and development of the education system in the Chechen Republic.]. Sibirskij pedagogicheskij zhurnal = The Siberian Pedagogical Journal, 2012. № 6. Pp. 119-127.
10. Taho-Godi A.A. O yazyke prepodavaniya v Dagestane [It is told about the language of instruction in Dagestan.]. Partarhiv Dagobkoma KPSS = The party archive of the regional committee of the Communist Party of the Soviet Union of Dagestan. F. 1. Op. 8. D. 60. L. 64.
11. Gasanov Z.T. Vospitanie kul'tury mezhnacional'nogo obshcheniya: metodologiya, teoriya i praktika [The fostering a culture of international communication. Methodology, theory and practice.]. Z.T. Gasanov. Mahachkala, 1998.

12. Hall E.T. Beyond Culture. Anchor Books, 1989
13. Horney K. (1945) Our inner conflicts. Available at: URL: <https://ru.scribd.com/doc/24795883/Our-Inner-Conflicts-Karen-Horney> (accessed: 18.06.2018).

Информация об авторах:

Хаджиев Сайдахсан Магомедович, кандидат педагогических наук, доцент, Чеченский институт повышения квалификации работников образования, г. Грозный, Россия
khadzhiev76@mail.ru

Нюдюрмагомедов Абдулахад Нюдюрмагомедович, доктор педагогических наук, профессор, кафедра общей и социальной педагогики, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия
nudurmagomedov@mail.ru

Получена: 27.08.2018

Information about the authors:

Saydkhasan M. Khadzhiev, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Chechen Institute of Advanced Training for Educational Workers, Grozny, Russia
khadzhiev76@mail.ru

Abdulahad N. Nyudyurmagomedov, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of General and Social Pedagogy, Dagestan State University, Makhachkala, Russia
nudurmagomedov@mail.ru

Received: 27.08.2018

УДК 331.109

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-119-124

ЧЕБЕРДА Марта Андреевна
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия
martacheberda@mail.ru

Marta A. CHEBERDA
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
martacheberda@mail.ru

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ В РАЗРЕШЕНИИ
КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ В ТРУДОВОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**INTERNATIONAL EXPERIENCE IN RESOLVING
CONFLICT SITUATIONS IN LABOR ACTIVITY**

Статья посвящена исследованию международного опыта в разрешении трудовых конфликтных ситуаций. Актуальность работы обоснована развитием социально-трудовых отношений в России, которое зависит от наличия эффективной системы разрешения трудовых споров. В статье отмечено, что на сегодня нормы, которые создают действующую систему осуществления трудовых прав и интересов работников и служащих, имеют свое закрепление в целом ряде законодательных актов, принятых в разное время, что затрудняет их правоприменение, а предусмотренная процедура рассмотрения конфликтных ситуаций в трудовой деятельности является настолько сложной и казуистической, что использовать свое право на защиту трудовых прав и интересов представляется непростой задачей. Эти и другие обстоятельства создают необходимость в анализе ситуации по данному направлению в зарубежных странах и выработке предложений по совершенствованию системы разрешения трудовых споров. Автором проведен комплексный литературный обзор по направлению средств и методологий решения конфликтных ситуаций в трудовой деятельности в развитых странах. Отмечена специфика зарубежного опыта функционирования судебной системы в процессах разрешения трудовых споров, особое внимание уделено также медиации как методу мирного решения конфликта.

The article is devoted to the study of international experience in the resolution of labor conflict situations. The relevance of the work is justified by the development of social and labor relations in Russia, which depends on the existence of an effective system for resolving labor disputes. The article notes that today, the norms that create the current system for exercising the labor rights and interests of workers and employees are enshrined in a number of legislative acts adopted at different times, which makes them difficult to enforce, activity is so complicated and casuistic that to exercise its right to protect labor rights and interests is not an easy task. These and other circumstances create the need for an analysis of the situation in this area in foreign countries and the development of proposals for improving the labor dispute resolution system. The author conducted a comprehensive literature review on the direction of tools and methodologies for resolving conflict situations in labor activity in developed countries. The specifics of the foreign experience of functioning of the ship system in the processes of resolving labor disputes are noted, special attention is also paid to mediation as a method of peaceful solution of the conflict.

Ключевые слова: конфликт, трудовой спор, трудовая деятельность, разрешение, суд, медиация
Для цитирования: Чеберда М.А. Международный опыт в разрешении конфликтных ситуаций в трудовой деятельности. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 5 -1 . с.119-124.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-119-124.

Keywords: conflict, labor dispute, labor activity, permission, court, mediation
For citation: Cheberda M.A. International experience in resolving conflict situations in labor activity. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no.5 -1. Pp. 119-124.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-119-124.
(in Russ)

Современный этап социального и экономического развития характеризуется максимальной коммерциализацией общественных отношений, сложившейся под влиянием рыночной экономики и жесткой конкуренции, усиленной периодически возникающими кризисными явлениями, что значительным образом обостряет конфликтность и создает конфликтные ситуации в трудовом обществе. Исходя из вышесказанного, целесообразным является комплексное изучение специфики процессов эффективного разрешения конфликтных ситуаций в трудовой деятельности на предприятиях развитых стран.

Исследованию теоретических и практических проблем предупреждения и минимизации негативных последствий конфликтов на предприятиях посвящены труды отечественных и зарубежных ученых, таких как А.С. Бажин, О.В. Перевозова, Н.Н. Бандейкина, Е.А. Ветрова, А.Е. Гуляева, О.В. Ильинова, Е.В. Кашкин, М.Ю. Маркитанов, Л.В. Орлова, Т.В. Тимченко, Е.В. Сафронова и др. Целью данной статьи является проведение аналитического обзора и выделение основных путей выхода из конфликтных ситуаций на примере опыта зарубежных стран.

Трудовые конфликты представляют собой вид разногласий, с чем соглашается большинство современных исследователей в области права и социологии труда. Как указывает Е.В. Кашкин, в дефиниции трудового спора необходимо определять такой важный элемент, как их рассмотрение компетентными юрисдикционными органами [4, с. 17]. В свою очередь, М.Ю. Маркитанов обращает внимание на то, что трудовые споры - это не просто разногласия между сторонами, а лишь те из них, которые переданы на рассмотрение соответствующего юрисдикционного органа, то есть органа, уполномоченного государством принимать обязательные для сторон решения [5, с. 273].

Раскрытие понятия трудовых разногласий через термин «конфликт» на сегодняшний день является более удачным как с юридической, так и филологической точек зрения [8, с. 177]. На сегодняшний день порядок рассмотрения трудовых споров в РФ является законодательно урегулированным Трудовым кодексом (ст. 381, ст. 398).

Решение трудового конфликта в рамках законодательства РФ не только позволяет рассматривать разногласия по сути, но и определить причины их возникновения, пути преодоления, выясняет и регламентирует отношения между сторонами конфликта во время его возникновения, позволяет уменьшить непроизводственные расходы предприятия.

Управление социально-трудовым конфликтом в современных политических условиях - это преимущественно управление эмоциональными проявлениями неорганизованных забастовок [13, с. 125]. А лучшим средством управления любой забастовкой, конечно, является ее предупреждение, поскольку оно требует гораздо меньше усилий, чем ее решение.

Буквально ключевой проблемой в развитии институтов контроля над конфликтом является умение выявить его на самой ранней стадии [9, с. 43]. Предупредительное управление требует мастерства в решении конфликта до того, как он начался. То есть лучшим средством управления разрушительным конфликтом в трудовой деятельности является его предупреждение. Тем не менее далеко не все конфликтные ситуации в производственном процессе можно предотвратить, что является причиной возникновения проблемы непосредственного разрешения трудового спора [14, с. 317].

Общеввропейская практика классификации трудовых споров по субъектному составу и предмету спора предполагает деление их на четыре основных вида: коллективные, индивидуальные, споры интересов и споры права. Деление на споры прав и интересов было рационально обосновано и предложено Европейским фондом улучшения условий жизни и труда (European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions) [1, с. 204].

С позиции Международной организации труда (МОТ) спор права - это спор о возбуждении или толковании существующего права (или обязательства), закрепленного в законодательстве, коллективном договоре или трудовом договоре. Его сущность заключается в утверждении, что работник или группа работников не получили того, что предполагалось должным им по праву. Спор интересов возникает из несогласия относительно будущих прав и обязательств и обычно является результатом неудачных переговоров по заключению коллективного договора [9, с. 41]. Что же касается конфликтных ситуаций в трудовой деятельности по виду права, то они имеют место в случае текущего применения или трактовки норм, установленных законами, коллективными договорами или иными правовыми актами.

Право работников и работодателей на коллективные действия в случае конфликта интересов предполагается Европейской социальной хартией. Одна из основных норм международного уровня представляет собой Рекомендацию МОТ № 130 [2, с. 25]. Данная Рекомендация воспроизводит процедуру «Grievance procedures», распространенную в США и в ряде других стран. Она является своеобразной разновидностью примирительно-третейского разбирательства и предусматривает многоступенчатый процесс разрешения спора между администрацией или совместно представителями администрации и профсоюзов. Эта процедура завершается обращением к арбитру, решение которого имеет обязательную силу.

Отдельный интерес в контексте исследования международного опыта разрешения трудовых конфликтов представляет система специализированных трудовых судов Германии. Данная система состоит из трех инстанций:

- судов по трудовым делам первой инстанции, рассматривающих дела по существу;
- земельных судов по трудовым делам, которые рассматривают апелляции на решения судов низшей инстанции;
- Федерального суда по трудовым делам, который является верховной судебной инстанцией, имеющей право изменить или отменить решение любого трудового суда.

Федеральный трудовой суд подчиняется федеральному министру труда и социальных вопросов с правом совещательного голоса со стороны федерального министра юстиции. Трудовые суды первой инстанции состоят из одной или более палат, в состав которых входят профессиональный судья, который является председателем, и два судьи - представители работников и работодателей [12, с. 28]. Решение наиболее важных дел, а также принятие руководящих постановлений Федерального трудового суда осуществляется Большим сенатом (который возглавляет президент Федерального трудового суда), в состав которого также входят председатели других сенатов; кроме сената, председателем, соответственно, является президент, а также по три судьи - члены сенатов со стороны работников и работодателей [3, с. 156].

Еще одним важным принципом деятельности судов по трудовым делам является содействие достижению примирения между сторонами. Такое требование закрепляется на законодательном уровне. Так, Закон ФРГ о трудовой юстиции обязывает суды по трудовым делам добиваться примирения сторон на всех стадиях процесса. Конечно, дело начинается с попытки примирения сторон, которая осуществляется единолично председателем суда. В процессе примирения председатель обсуждает со сторонами суть разногласий и выражает свое юридически обоснованное мнение по существу спора, предоставляя тем самым сторонам возможность решить спорный вопрос. Это позволяет значительную часть трудовых дел (около 30%) завершить достижением компромисса, зафиксированным судом [10, с. 722].

В некоторых странах для процесса примирения сторон в конфликтных трудовых ситуациях предусмотрена специальная стадия разрешения трудового спора. Трудовые суды являются более доступными для работников. Хотя трудовые дела рассматриваются по правилам гражданско-процессуальных кодексов, то есть общие принципы рассмотрения в трудовых судах совпадают с рассмотрением в судах общей юрисдикции, существует ряд процессуальных особенностей рассмотрения трудовых споров в большинстве стран Европы [11, с. 57]. Процедура разрешения трудовых споров является более быстрой, упрощенной и дешевой (судебные расходы сторон меньше, чем в гражданских судах). Решения судов первой инстанции подлежат немедленному исполнению. Процедура рассмотрения спора характеризуется устностью. Судьи проявляют большую активность и инициативу в ведении процесса, сборе доказательств. Существует специфика в представительстве сторон, распределении бремени доказывания, оценке доказательств [6, с. 201]. Эти и другие особенности рассмотрения трудовых споров специализирован-

ными судами привели к формированию трудового процессуального права, что является свидетельством признания автономии трудового права и повышения его эффективности.

Помимо судебной системы особой спецификации, в зарубежных странах широко распространен такой метод решения конфликтных ситуаций в трудовой деятельности, как медиация. Медиация является подходом, направленным на обеспечение взаимодействия между сторонами, помощь им в концентрации внимания на реальных аспектах трудового спора и предложение вариантов решения проблемы, удовлетворяющих интересы и потребности соответствующих сторон. Медиация функционирует, как мост, между сторонами, помогая сгладить неровности, влияющие на решение сторон. Важно отметить, что медиация не заменяет получения юридической консультации. Медиацию можно рассматривать как процедуру, обеспечивающую взаимодействие с другой стороной, а также такую, что просто организует мысли человека по поводу конфликта в нужном направлении и определяет его отношение к этому конфликту. В процессе решения трудовых конфликтов посредством медиации особое место принадлежит третьей стороне - медиатору, который представляет интересы сразу обеих сторон, что выделяет такой метод среди многих других и отражает особое достижение современного социума [7, с. 17]. Существенную роль данное направление решения конфликтов имеет в трудовом праве многих стран Европы.

Итак, учитывая вышеизложенное, стоит отметить, что в развитых странах, а также в целом на международном уровне особое внимание по направлению решения конфликтных ситуаций в трудовой деятельности уделяется таким направлениям, как развитие судебной системы и применение медиации. Доступ к трудовым судам в странах Европы для работников шире, чем в обычных судах: процедура рассмотрения споров быстрее и дешевле, отсутствуют некоторые формальности, наблюдаемые в гражданском процессе, суды проявляют большую инициативу в ведении судебного процесса и привлечении доказательств. Существуют различия и в возложении бремени доказывания (которое в основном лежит на владельце), а также в способах доказывания. Создание трудовых судов в Российской Федерации, активное развитие трудовой юстиции - логическое завершение признания автономии трудового права.

Подводя итог сказанному, можно отметить, что названные тенденции на сегодняшний день, к сожалению, имеют недостаточно распространения в России, а потому в нашем государстве защита трудовых прав работников в индивидуальных и коллективных трудовых спорах характеризуется бюрократической сложностью рассмотрения дел, а медиация не воспринимается большинством предприятий как действенный метод предотвращения судебных разбирательств в разрешении конфликтных трудовых ситуаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бандейкина Н.Н. Социальная ответственность предприятий и конфликты в организации: опыт прикладных исследований // Конфликтология. - 2016. - № 1. - С. 198-208.
2. Ветрова Е.А., Гуляева А.Е. Особенности регулирования трудовых конфликтов в России // Материалы Ивановских чтений. - 2017. - № 1-2 (11). - С. 24-31.
3. Исмаил Р.Н.И., Ильинова О.В. Трудовые конфликты: причины возникновения и способы разрешения // Экономическое развитие России: тенденции, перспективы. - Нижний Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2016. - С. 153-157.
4. Кашкин Е.В. Особенности конфликтных ситуаций в организациях // Экономика и менеджмент инновационных технологий. - 2017. - № 5 (68). - С. 17.
5. Маркитанов М.Ю. Принятие оптимальных решений в условиях антагонизма интересов. Практическая интерпретация // Труды НГТУ им. Р.Е. Алексеева. - 2015. - № 2 (109). - С. 271-282.

6. Носир Г. Управление конфликтными ситуациями в организации // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. - 2015. - № 2-4 (169). - С. 199-202.
7. Орлова Л.В. Процедура медиации как инструмент урегулирования конфликтных ситуаций в сфере трудовых отношений // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. - 2017. - Т. 6. - № 3. - С. 12-16.
8. Шайхутдинова А.Ф., Перезовова О.В. Управление конфликтными ситуациями и роль управленца в их профилактике // Инновационная наука. - 2017. - Т. 2. - № 4. - С. 176-179.
9. Шойнхорова В.Р., Бажин А.С. Анализ основных причин конфликтов в организации с позиции антикризисного управления // Студент. Аспирант. Исследователь. - 2016. - № 9 (15). - С. 36-45.
10. Abu Bakar H. Conflict in the global workplace // Handbook of conflict communication: Integrating theory, research and practice. - 2013. - Vol. 27. - Pp. 713-736.
11. Isa Adamu A. Conflicts in Organizations: Causes and Consequences // Journal of Educational Policy and Entrepreneurial Research. - 2015. - Vol. 2, No.11. - Pp. 54-59.
12. Lytle T. How to Resolve Workplace Conflicts // Society for Human Resource management. - 2015. - Vol. 11. - Pp. 26-29.
13. Omisore B.O. Organizational Conflicts: Causes, Effects and Remedies // International Journal of Academic Research in Economics and Management Sciences. - 2014. - Vol. 3, No. 6. - Pp. 118-137.
14. Torrington D. Human resource management // England Pearson Education limited. - 2011. - Vol. 6. - Pp. 304-329.

REFERENCES

1. Bandeykina N.N. Social'naya otvetstvennost' predpriyatij i konflikty v organizacii: opyt prikladnyh issledovanij. [Social responsibility of enterprises and conflicts in organizations: experience of applied research] Konfliktologiya. Conflictology. 2016. No. 1. Pp. 198-208. (in Russ.)
2. Vetrova E.A, Gulyaeva A.E. Osobennosti regulirovaniya trudovyh konfliktov v Rossii. [Peculiarities of regulation of labor conflicts in Russia]. Materialy Ivanovskih chtenij. Materials of the Ivanovo readings. 2017. No. 1-2 (11). Pp. 24-31. (in Russ.)
3. Ismail R.N.I., Ilinova O.V. Trudovye konflikty: prichiny vozniknoveniya i sposoby razresheniya. [Labor conflicts: causes and methods of resolution]. Ekonomicheskoe razvitie Rossii: tendencii, perspektivy. Nizhny Novgorod: NGPU imeni K. Minina. Economic development of Russia: trends, prospects. Nizhny Novgorod: NGPU named by. K. Minin, 2016. Pp. 153-157. (in Russ.)
4. Kashkin E.V. Osobennosti konfliktnyh situacij v organizacijah. [Features of conflict situations in organizations]. Ekonomika i menedzhment innovacionnyh tekhnologij. Economics and management of innovative technologies. 2017. No. 5 (68). P. 17. (in Russ.)
5. Markitanov M.Yu. Prinyatie optimal'nyh reshenij v usloviyah antagonizma interesov. Prakticheskaya interpretaciya. [Optimal decision making under antagonism of interests. Practical interpretation]. Trudy NGTU imeni R.E. Alekseeva. Proceedings of the NSTU. R.E. Alekseeva. 2015. № 2 (109). Pp. 271-282. (in Russ.)
6. Nosir G. Upravlenie konfliktnymi situacijami v organizacii. [Managing conflict situations in the organization]. Vestnik Tadjikskogo nacional'nogo universiteta. Seriya social'no-ehkonomicheskij i obshchestvennyh nauk. Bulletin of the Tajik National University. A series of socio-economic and social sciences. 2015. No. 2-4 (169). Pp. 199-202. (in Russ.)
7. Orlova L.V. Procedura mediacii kak instrument uregulirovaniya konfliktnyh situacij v sfere trudovyh otnoshenij. [The procedure of mediation as a tool for resolving conflict situations in the sphere of labor relations]. Upravlenie personalom i intellektual'nymi resursami v Rossii. Personnel and intellectual resources management in Russia. 2017. V. 6. No. 3. Pp. 12-16. (in Russ.)
8. Shaikhutdinova A.F., Perevozhova O.V. Upravlenie konfliktnymi situacijami i rol' upravlenca v ih profilaktike. [Conflict management and the role of the manager in their prevention]. Innovacionnaya nauka. Innovation science. 2017. T. 2. № 4. Pp. 176-179. (in Russ.)
9. Shoinkhorov V.R., Bazhin A.S. Analiz osnovnyh prichin konfliktov v organizacii s pozicii anti-krizisnogo upravleniya. [Analysis of the main causes of conflicts in organizations from the per-

- spective of crisis management]. Student. Aspirant. Issledovatel'. Student. Graduate student. Researcher. 2016. No. 9 (15). Pp. 36-45. (in Russ.)
10. Abu Bakar H. Conflict in the global workplace. Handbook of conflict communication: Integrating theory, research and practice. 2013. Vol. 27. Pp. 713-736
 11. Isa Adamu A. Conflicts in Organizations: Causes and Consequences. Journal of Educational Policy and Entrepreneurial Research. 2015. Vol. 2, No.11. Pp. 54-59
 12. Lytle T. How to Resolve Workplace Conflicts. Society for Human Resource Management. 2015. Vol. 11. Pp. 26-29
 13. Omisore B.O. Organizational Conflicts: Causes, Effects and Remedies. International Journal of Academic Research in Economics and Management Sciences. 2014. Vol. 3, No. 6. Pp. 118-137
 14. Torrington D. Human resource management. England Pearson Education limited. 2011. Vol. 6. Pp. 304-329

Информация об авторе:

Чеберда Марта Андреевна, аспирант, социологический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
martacheberda@mail.ru

Получена: 01.08.2018

Information about the author:

Marta A. Cheberda, Postgraduate Student, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
martacheberda@mail.ru

Received: 01.08.2018

УДК 327

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-125-130

ЩЕДРИН Виктор Андреевич
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия
viktor-stchedrin@mail.ru

Viktor A. SHCHEDRIN
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
viktor-stchedrin@mail.ru

**РОССИЯ И ЕС: ПОСТРОЕНИЕ СИСТЕМЫ
ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В 2000-е гг.**

**RUSSIA AND THE EU: BUILDING A EUROPEAN
SECURITY SYSTEM IN THE 2000s.**

В статье рассматривается построение системы безопасности на европейском континенте. Уделяется внимание путям поиска построения диалога и сотрудничества между Россией и ЕС и НАТО, а также выстраиванию между ними продуктивного взаимодействия. Отмечается, что политика сотрудничества выстраивалась в сложных условиях расширения НАТО на Восток и наличия стремления России оказывать влияние на страны постсоветского пространства и бывшего социалистического лагеря. Особое внимание уделено противоречиям между Россией и представителями ЕС и НАТО. В статье неизбежно затрагивается украинский конфликт, который привел к агрессивной риторике стран-участниц НАТО и Европейского союза, а также нарастанию кризиса в многосторонних отношениях. Автор делает особый упор на политике стран Запада, проводивших свою политику без учета геостратегических интересов Российской Федерации. Результатом нарастания противоречий становится кризисная ситуация, которая усугубляется конфликтом на Украине. С другой стороны, автор рассматривает внешнюю политику России, отмечая ее сбалансированность и готовность идти на уступки в целях построения единой системы безопасности, актуальной для европейского континента.

The article deals with the construction of a security system on the European continent. Attention is paid to the ways of seeking a dialogue and cooperation between Russia and the EU, as well as building productive cooperation between them. It is noted that the policy of cooperation was built in the difficult conditions of NATO's expansion to the East and the existence of Russia's aspirations to influence the countries of the post-Soviet space and the former socialist camp. Particular attention is paid to the contradictions between Russia and the withdrawal of the EU and NATO. The article inevitably touches upon the Ukrainian conflict, which led to the aggressive rhetoric of the NATO member states and the European Union, as well as the growing crisis in multilateral relations. The author makes a special emphasis on the policy of the Western countries, pursuing their policies without taking into account the geo-strategic interests of the Russian Federation. The result of the growing contradictions is the crisis situation, which is exacerbated by the conflict in Ukraine. On the other hand, the author of the structure of Russia's foreign policy, noting her balance and willingness to make concessions in order to build a unified security system that is relevant for the European continent.

Ключевые слова: Россия, ЕС, НАТО, украинский конфликт, политика сдерживания, кризис, безопасность, расширение НАТО на восток

Keywords: Russia, EU, NATO, Ukrainian conflict, containment policy, crisis, security, NATO expansion eastward

Для цитирования: Щедрин В.А. Россия и ЕС: построение системы европейской безопасности в 2000-е гг. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 5 -1. с.125-130.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-125-130.

For citation: Viktor A. Shchedrin Russia and the eu: building a European security system in the 2000s. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no.5 -1. Pp. 125-130.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-125-130.
(in Russ)

Одним из основных вопросов в отношениях Российской Федерации и Европейского союза является проблема построения стабильной системы безопасности на европейском континенте. Эта проблема была поставлена перед Россией и Европой начиная со времен холодной войны. Дестабилизация в России или Европе чревата кризисом безопасности, который может повлечь за собой территориальные изменения и человеческие жертвы. Так было, например, в ходе распада Советского Союза, когда на политической карте мира появились новые государства, одни из которых обладали более-менее боеспособной ар-

мией и атомным оружием, в то время как территория других стала местом кровавого передела сфер влияния.

Конфликты, порожденные развалом СССР и социалистического лагеря, поставили хрупкое равновесие Европы под угрозу. Общие вызовы, вставшие перед Россией и ЕС, казалось, должны были сблизить эти две стороны. Тем не менее украинский кризис, произошедший в 2014 г. поставил это сближение под сомнение.

Тем не менее такие попытки построить единое пространство безопасности никогда не покидало лидеров РФ и Евросоюза. Даже сейчас, в результате политики санкций и давления друг на друга, стороны выступают за поддержание стабильности в регионе. Вместе с тем большинство стран Евросоюза одновременно являются членами НАТО.

Однако идеи построения «свободного, демократического, единого и неделимого сообщества Евroatлантической и Евразийской безопасности, простирающейся на просторах от Ванкувера до Владивостока, основанного на согласованных принципах, общих обязательствах и общих целях» [2] никогда не исчезали из риторики лидеров России и Европейского союза.

При этом декларации о намерениях так и оставались декларациями, за которыми стояло мало реальных дел, которые должны были бы способствовать построению этого единого пространства от Лиссабона до Владивостока. Уже в 2012 г. тогдашний президент Д.А. Медведев, выступая на международной конференции в Москве, фактически признавал, что за 20 лет сотрудничества не было достигнуто никаких результатов, а само евроатлантическое сообщество безопасности - всего лишь хорошая идея, которая способна воплотиться когда-нибудь в реальность [12]. И, по словам Д.А. Медведева, Россия все равно не прекращает действий по претворению идеи в реальность. Он подчеркивал, что «Россия, безусловно, добивается построения евроатлантического сообщества безопасности», потому что «глобальная значимость этой задачи очевидна» [12].

Эти неутешительные выводы подводил Д.А. Медведев в конце своего президентского срока, в то время как уже президент В.В. Путин подчеркивал, что «мировое сообщество по-прежнему далеко от создания основ универсальной и неделимой системы безопасности. На словах все вроде бы "за", но на деле значительное количество наших партнеров стремится обеспечить лишь собственную неуязвимость» [14], - отмечал В.В. Путин.

Это меткое замечание В.В. Путина обусловлено пониманием того, что Россия и ЕС по-разному выстраивают систему безопасности. Европейские государства объединены не только в политический и экономический блоки, но и в военный - НАТО, в то время как Россия предпочитает придерживаться внеблокового статуса или же возглавлять ОДКБ, который полностью ориентируется на политику Москвы. При этом российские лидеры предпочитают взаимодействовать с каждой страной отдельно, нежели со всем блоком одновременно.

Вместе с тем Россия не забыла итоги холодной войны, а также не хочет упускать из сферы своего влияния бывшие страны соцлагеря и Советского Союза, которые тянутся к вступлению в Северо-Атлантический альянс. Сама же Россия не готова вступить в НАТО из-за опасений потерять статус сверхдержавы, став лишь одним из членов союза, пусть и имеющего атомное оружие. Все это ведет к тому, что российское руководство не может до конца определиться с вектором во взаимоотношениях с НАТО. Как отмечал министр иностранных дел С.В. Лавров, для России «однозначно ключевой остается проблема выяснения с точки зрения восстановления истины: являемся ли мы стратегическими партнерами или по-прежнему смотрим друг на друга в качестве геополитических противников» [10].

В свою очередь, лидеры Североатлантического альянса пытаются заверить российские элиты, что расширение НАТО на Восток не влечет за собой никакой угрозы для России. Как неоднократно подчеркивал генеральный секретарь НАТО А. Расмуссен, начиная с принятия Основопологающего акта в 1997 г. стороны договорились не использовать оружие против друг друга, что включает в себя и противоракетную оборону [5].

Однако попытки выстроить адекватное двустороннее сотрудничество были. В частности, одним из таких примеров может служить создание Совета Россия-НАТО

(СРН) в мае 2002 г. По факту Россия получала статус особого партнера Альянса. В случае продуктивного развития и работы Совета могло сформироваться построение того самого идеального евроатлантического пространства безопасности, о котором неоднократно заявляли лидеры западных стран и России.

Тем не менее, разногласия между партнерами оказались слишком сильны для того, чтобы добиться согласованности действий. Россия выступала все это время против включения новых стран Центральной и Восточной Европы в военный блок, а также обвиняла НАТО в разжигании войны в Югославии, критиковала лидеров стран-участников в результате признания Косово в качестве независимого государства. Уже в Мюнхенской речи В.В. Путин признал, что в отношениях между Россией и НАТО произошел очередной спад.

В это же время выходит статья С.В. Лаврова с выразительным названием: «Сдерживание России: назад в будущее?», в которой он жестко высказывается о западной политике и отмечает, что страны НАТО снова проводят политику сдерживания по отношению к России. Он подчеркивает, что «в силу неделимости безопасности <...> откладывание решений накопившихся проблем грозит катастрофическими последствиями для всех государств» [13]. По его мнению, включение новых стран из бывшего социалистического лагеря в блок стран НАТО - это всего лишь создание нового «санитарного кордона» к западу от границ России.

Напротив, несмотря на агрессивную политику европейских партнеров, Россия продолжает держать «открытой дверь для позитивных совместных действий по обеспечению общих интересов на основе равноправия». Так или иначе, но статья демонстрирует кардинальное изменение направления курса российской внешней политики в отношении Европейского союза, который теперь уже не столько партнер и союзник в деле построения европейской безопасности. Однако это еще не окончательный разворот, но российское руководство устами своего министра иностранных дел поставило НАТО ультиматум, заявив о необходимости «выбирать между сдерживанием и сотрудничеством» [13].

И даже в таких условиях Совет Россия-НАТО не прекратил своего существования. Напротив, с уходом после второго срока президента В.В. Путина уже в 2009 г. на саммите Россия-НАТО в Страсбурге/Келе участники заявили о намерении «оценить в Совете Россия-НАТО возможности, которые позволят сделать его более эффективным и ценным инструментом для политического диалога и практического сотрудничества».

Впервые за долгие годы в НАТО, возможно, искренне задумались о необходимости понимания приоритетности российского вопроса и о необходимости понимания российской озабоченности политикой НАТО. Как отмечала западная сторона, «какими бы ни были преимущества расширения НАТО - а их много, - экспансия альянса, бесспорно, произошла за счет его отношений с Россией» [4]. И это признание свидетельствует, что и В.В. Путин, и С.В. Лавров справедливо и объективно оценивали ситуацию.

Но даже это признание за собой экспансионистской политики не означало одномоментного пересмотра своего поведения со стороны стран НАТО. Представители Альянса отмечали, что «ближайшей целью является не нахождение точной формулы взаимодействия с Москвой, а начало стратегического диалога, который ясно продемонстрирует, что члены НАТО искренне желают соединить Россию с евроатлантическим сообществом» [4]. Поэтому рассчитывать на конкретные действия снова было невозможно. В очередной раз двусторонний диалог сводился к декларациям о намерениях.

Но если руководство НАТО хотя бы декларировало свою готовность к трансформации, то российская сторона оставалась непреклонной даже в свете некой либерализации двусторонних отношений. Так, С.В. Лавров настаивал на необходимости того, что НАТО должно пересмотреть свою стратегическую концепцию [17].

Готовность НАТО пойти на некоторые уступки привела и к тому, что в 2010 г. М. Олбрайт говорила о возможности конструктивного взаимодействия с Россией [6]. И даже стала возможна выработка в ходе Лиссабонского саммита Россия-НАТО такого термина, как «подлинное стратегическое партнерство» [2]. За Советом Россия-НАТО призна-

вался статус для конструктивного двустороннего диалога, в том числе и по тем вопросам, которые вызывали у сторон разногласия [15].

Но даже в таком ключе Россия оказывалась не готовой идти на уступки. По мнению директора Департамента общеевропейского сотрудничества Министерства иностранных дел России И.Д. Солтановского, достигнутые результаты не являются необратимыми. Для их закрепления необходимо «движение вперед» [16, с. 2]. И в результате достижение согласия между Россией и НАТО практически невозможно по вине последних.

Он критиковал и сам формат СРН, подчеркивая, что сотрудничество в рамках Совета не устраняет «серьезных расхождений по некоторым фундаментальным вопросам» [16, с. 4].

И все-таки европейская система безопасности была поставлена под угрозу в результате конфликта на Украине, переросшего сначала в революцию, которая окончилась свержением президента В.Ф. Януковича, а затем и гражданскую войну на Юго-Востоке Украины.

В результате действий России по присоединению Крыма, поддержке режима украинского президента В.Ф. Януковича и так называемой «русской весны» НАТО и Россия выдвинули друг другу взаимные обвинения, а также перешли к состоянию конфронтации. По словам А. Расмуссена, европейские страны НАТО «должны принять жесткие решения, связанные с долгосрочным стратегическим воздействием агрессии России на нашу собственную безопасность» [7].

Все усилия России, направленные на то, чтобы заставить НАТО пересмотреть свои стратегические цели, оказались тщетными. Напротив, действия России заставили А. Вершбоу, заместителя генерального секретаря НАТО, заявить о необходимости «пересмотреть свою стратегию» в результате ситуации на Украине и действий официальной Москвы. Для А. Вершбоу снова началась пора, когда страны НАТО оказались перед вызовами, от которых надо защищать Европу и ее ценности. Он отмечал необходимость «полностью быть готовыми к быстрому реагированию на угрозу или применение силы против любого участника или региона альянса, включая сценарии, при которых у нас будет очень короткое время предупреждения» [1].

А. Расмуссен назвал действия российского руководства «военной агрессией на Украине» и отметил необходимость к возврату взаимного сдерживания. Действия России не нашли поддержки ни на Востоке, ни на Западе, где ей противостоит целый военнополитический блок. Как подчеркивает А. Вершбоу, «коллективная оборона всегда была основной задачей альянса. Она может стать более приоритетной, чем некоторые из миссий, которыми альянс занимался после окончания холодной войны» [9, с. 6]. Москва же не остается в долгу, в очередной раз, возлагая всю ответственность за провал российско-натовских отношений на Альянс. «В НАТО берут верх те, кто хочет вернуться к временам холодной войны и добиться нового сплочения альянса вокруг статьи 5 Вашингтонского договора» [11].

Однако руководство Североатлантического альянса признает, что последствия событий 2014 г. ни блок НАТО, ни США не способны решить самостоятельно. Он отмечал, что «события на Украине являются суровым напоминанием, что безопасность в Европе не может считаться чем-то само собой разумеющимся. И что ни Европа, ни Америка не могут добиться решения в одиночку» [8].

Убежденность Европейского союза в том, что события, произошедшие в Крыму весной 2014 г., нельзя считать ни чем иным, как аннексией части независимого государства, и полностью противоположная убежденность российской стороны, считающей, что все произошедшее в Крыму было вполне легально и легитимно, привели к разрыву отношений НАТО с Россией [18].

Таким образом, в период 2000-х годов двусторонние отношения развивались, как маятник: от либерализации к кризису и обратно. Однако если реальный кризис нарастал в отношениях практически все время, то декларации о намерениях возникали лишь время от времени, достигнув наибольшего количества в период правления президента Д.А. Медведева.

Тем не менее Минский переговорный процесс показал, что конструктивное взаимодействие сторон способно предотвратить эскалацию конфликта, даже такого сложного, как в данном случае. Впрочем Россия на протяжении 10 лет предпочитала не столько искать новые пути взаимодействия с НАТО, сколько противостоять его расширению на Восток, не добившись успеха в данном вопросе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. 10 years after NATO - Defence Cooperation between Denmark and Lithuania, Latvia and Estonia. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_109024.htm
2. Active Engagement, Modern Defence. Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the 11. North Atlantic Treaty Organisation. Adopted by Heads of State and Government in Lisbon. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68580.htm
3. Astana Commemorative Declaration^ Towards a Security Community. URL: www.osce.org.
4. Kupchan Ch. Decision time: NATO's hard choices // NATO Review. - 2009. - № 2.
5. Monthly press briefinfbby NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_76126.htm
6. NATO 2010: Assured Security; Dynamic Engagement. Analysis and Recommendations of the Groups of Experts on a New Stategic Concept for NATO. 17 May 2010.
7. NATO Security General in London for talks on Wales Summit. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_106833.htm?selectedLocale=en
8. «Why NATO Matters to America». Speech by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen at the Brookings Institution. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_108087.htm
9. «Возможно, нам придется пересмотреть всю свою стратегию». Блицинтервью Александра Вершбоу // Коммерсантъ. - 2014. - № 49.
10. Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова «Российской газете» от 11 июля 2011 г. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6B152FD7E350F216C32578CA0022EFD6
11. Интервью Постоянного представителя Российской Федерации при НАТО А.В. Грушко газете «Коммерсантъ». URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2038856
12. Конференция Российского совета по международным делам. URL: president.kremlin.ru/news/14834
13. Лавров С.В. Сдерживание России: назад в будущее? // Россия в глобальной политике. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_9236
14. Совещание послов и постоянных представителей России. URL: <http://события.президент.рф/новости/15902>
15. Совместное заявление Совета Россия-НАТО на заседании Совета Россия-НАТО в Лиссабоне 20 ноября 2010 г. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/news_68871.htm
16. Солтановский И. Отношения Россия-НАТО: размышления в связи с двойным юбилеем // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. - 2012. - Вып. 28 (44).
17. Стенограмма выступления и ответов на вопросы СМИ Министра иностранных дел С.В. Лаврова по итогам заседания Совета Россия-НАТО в Брюсселе, 4 декабря 2009 г. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/270586
18. Парламентская ассамблея НАТО прекратила отношения с Россией. URL: <http://polit.ru/news/2014/04/05/panato/>

REFERENCES

1. 10 years after NATO - Defence Cooperation between Denmark and Lithuania, Latvia and Estonia. Available at: URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_109024.htm
2. Active Engagement, Modern Defence. Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the 11. North Atlantic Treaty Organisation. Adopted by Heads of State and Government in Lisbon. Available at: URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68580.htm
3. Astana Commemorative Declaration^ Towards a Security Community. Available at: URL: www.osce.org.
4. Kupchan Ch. Decision time: NATO's hard choices. NATO Review. 2009. № 2.
5. Monthly press briefinfbby NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen. Available at: URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_76126.htm

6. NATO 2010: Assured Security; Dynamic Engagement. Analysis and Recommendations of the Groups of Experts on a New Strategic Concept for NATO. 17 May. 2010.
7. NATO Security General in London for talks on Wales Summit. Available at: URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_106833.htm?selectedLocale=en
8. «Why NATO Matters to America». Speech by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen at the Brookings Institution. Available at: URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_108087.htm
9. «Vozmozhno, nam pridetsya peresmotret' vsyu svoyu strategiyu». Blicinterv'yu Aleksandra Vershbouu. Kommersant. 2014. № 49. (in Russ)
10. Interv'yu Ministra inostrannyh del Rossii S.V. Lavrova «Rossijskoj gazete» ot 11 iyulya 2011 g. Available at: URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6B152FD7E350F216C32578CA0022EFD6 (in Russ)
11. Interv'yu Postoyannogo predstavatelya Rossijskoj Federacii pri NATO A.V. Grushko gazete «Kommersant». Available at: URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2038856 (in Russ)
12. Konferenciya Rossijskogo soveta po mezhdunarodnym delam Available at: URL: president.kremlin.ru/news/14834 (in Russ)
13. Lavrov S.V. Sderzhivanie Rossii: nazad v budushchee? Rossiya v global'noj politike. Available at: http://www.globalaffairs.ru/number/n_9236 (in Russ)
14. Soveshchanie poslov i postoyannyh predstavitelej Rossii Available at: <http://sobytiya.prezident.rf/novosti/15902> (in Russ)
15. Sovmestnoe zayavlenie Soveta Rossiya-NATO na zasedanii Soveta Rossiya-NATO v Lissabone 20 noyabrya 2010 g. Available at: URL: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/news_68871.htm (in Russ)
16. Soltanovskij I. Otnosheniya Rossiya-NATO: razmyshleniya v svyazi s dvoynym yubileem. Evropejskaya bezopasnost': sobytiya, ocenki, prognozy. 2012. Vyp. 28 (44). (in Russ)
17. Stenogramma vystupleniya i otvetov na voprosy SMI Ministra inostrannyh del S.V. Lavrova po itogam zasedaniya Soveta Rossiya-NATO v Bryussele, 4 dekabrya 2009 g. Available at: URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/270586 (in Russ)
18. Parlamentskaya assambleya NATO prekratila otnosheniya s Rossiej. Available at: URL: <http://polit.ru/news/2014/04/05/panato/> (in Russ)

Информация об авторе:

Щедрин Виктор Андреевич, аспирант, кафедра истории России XX-XXI веков, исторический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
viktor-stchedrin@mail.ru

Получена: 14.08.2018

Information about the author:

Viktor A. Shchedrin, Postgraduate Student, Department of Russian History of the XX-XXI centuries, History Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
viktor-stchedrin@mail.ru

Received: 14.08.2018

УДК 316.3/.4(30)

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-131-136

ЮРЧЕНКО Инна Вадимовна
Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр Российской
академии наук
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
polit-sociology@mail.ru

Inna V. YURCHENKO
Federal Research Center Southern Scientific
Center of the Russian Academy of Sciences
Kuban State University
Krasnodar, Russia
polit-sociology@mail.ru

ДОНЦОВА Мария Владимировна
Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр Российской
академии наук
г. Ростов-на-Дону, Россия
dontsova_79@list.ru

Mariya V. DONTSOVA
Federal Research Center Southern Scientific
Center of the Russian Academy of Sciences
Rostov-on-Don, Russia
dontsova_79@list.ru

ЮРЧЕНКО Наталья Николаевна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
nnyurchenko@mail.ru

Natalia N. YURCHENKO
Kuban State University
Krasnodar, Russia
nnyurchenko@mail.ru

**СУБРЕГИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ
КОНФЛИКТНОГО ПРОЦЕССА: МЕТОДОЛОГИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

**SUBREGIONAL MODELS OF THE CONFLICT
PROCESS: RESEARCH METHODOLOGY**

В работе представлены основные методологические подходы к исследованию субрегиональных моделей конфликтного процесса на Юге России. Обосновывается и подчеркивается значимость сценарного сравнительного метода и социального моделирования, делается акцент на использовании междисциплинарного научного инструментария, а также интегральной концепции Й. Галтунга. В статье подробно рассматриваются проблемы изучения и обеспечения безопасности политико-экономической структуры субрегиона, уделяется внимание концептуальным подходам к определению степени устойчивости ее основных функциональных составляющих в кризисных ситуациях, а также в условиях эскалации геополитических и социально-экономических конфликтов, роста миграционных потоков и информационного противоборства в глобальном пространстве. В данном исследовании авторами приводится аргументация причин возникновения и эскалации субрегионального конфликтного процесса на основании аналитической аксиологии полиэтнического региона. В процессе интерпретации понятия «субрегиональная модель» анализируются возможности научного моделирования и прогнозирования сценариев развития субрегиона на основе функционального анализа структурных элементов данной общности. Также в статье описываются основные проблемы реализации стратегии управления региональными конфликтами (в том числе определяется роль региональных этнических элит в формировании конфликтного процесса), очерчиваются приоритеты и принципы

The paper presents the main methodological approaches to the study of sub-regional models of the conflict process in the South of Russia. The author substantiates and emphasizes the importance of scenario comparative method and social modeling, focuses on the use of interdisciplinary scientific tools, as well as the integrated concept of J. Galtung. The article discusses in detail the problems of studying and ensuring the security of the political and economic structure of the sub-region, pays attention to conceptual approaches to determining the degree of stability of its main functional components in crisis situations, as well as in the context of the escalation of geopolitical and socio-economic conflicts, the growth of migration flows and information warfare in the global space. In this study, the authors provide an argument for the causes of the emergence and escalation of the sub-regional conflict process on the basis of the analytical axiology of the multi-ethnic region. In the process of interpretation of the concept of "sub-regional model" the possibilities of scientific modeling and forecasting of scenarios of sub-region development on the basis of functional analysis of structural elements of this community are analyzed. The article also describes the main problems of implementation of the strategy of management of regional conflicts (including the role of regional ethnic elites in the formation of the conflict process), outlines the priorities and principles of this strategy, in particular the development of personnel policy and increasing the structural responsibility of the sub-

данной стратегии, в частности развитие кадровой политики и повышение структурной ответственности субрегиональной власти. Авторами делается акцент на том, что на основе наиболее эффективных исследовательских практик и вариантов обоснований актуализированных эволюционных парадигм можно реализовывать научно-управленческую модель исправления и творения новой, более справедливой реальности и обеспечивать социальной системе жизнеспособность и благоприятные перспективы развития.

Ключевые слова: субрегиональные модели, конфликтный процесс, моделирование, прогнозирование, управленческая элита, конфликтогенные факторы, интегральная концепция, сценарное моделирование

Для цитирования: Юрченко И.В., Донцова М.В., Юрченко Н.Н. Субрегиональные модели конфликтного процесса: методология исследования. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 5 -1. с.131-136. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-131-136.

regional authorities. The authors emphasize that on the basis of the most effective research practices and options for justifying the actualized evolutionary paradigms it is possible to implement the scientific and management model of correction and creation of a new, more equitable reality and to ensure the viability of the social system and favorable prospects for development.

Keywords: sub-regional models, conflict process, modeling, forecasting, management elite, conflict factors, integral concept, scenario modeling

For citation: Yurchenko I.V., Dontsova M.V., Yurchenko N.N. Subregional models of the conflict process: research methodology. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. no.5 -1. Pp. 131-136. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-131-136. (in Russ)

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН на 2018 г., № государственной регистрации проекта AAAA-A16-116012610051-6.

Acknowledgement. The publication was prepared within the framework of the state task of the SSC RAS for 2018, the state registration number of the project AAAA-A16-116012610051-6.

Методологические проблемы исследования субрегиональных моделей конфликтного процесса, в контексте определения возможных сценариев развития Юга России, включают сравнительный подход, позволяющий раскрыть общие тенденции социально-политической жизни, с одной стороны, и выявить особенности политико-экономического развития конкретных субъектов ЮФО и СКФО. Актуальность этой проблематики обусловлена необходимостью учета факторов, повышающих эффективность действий властных механизмов с целью реализации политической стратегии современной России. Исследовательские задачи необходимо решать на основе комплексного, в том числе междисциплинарного, научного инструментария, способного обеспечить эвристические возможности полипарадигмального подхода и отказа от стереотипных оценок и прогнозов, констатирующих снижение уровня благосостояния различных социальных общностей и угрозы новых кризисов. Использование интеллектуального инструментария, создающего наиболее эффективные, инновационные методы познания, предполагает разработку таких сценариев развития регионов, которые позволяли бы выходить из состояния застоя и упадка социально-экономической сферы. В этом смысле продуктивной, на наш взгляд, представляется интегральная концепция Й. Галтунга, который предлагает в процессе осмысления связи между эмпирическими данными и аксиологическими характеристиками социального пространства того или иного региона попытаться не только понять, почему эмпирический мир таков, каким он является, но и при этом создать модель как образ предпочтительного будущего и определить потенциальные возможности его достижения через выработку и анализ предложений по проведению изменений [1, с. 42]. При таком подходе к моделированию речь идет не только об изучении, но и об «исправлении реальности» и творении новой реальности. А поэтому концептуальный анализ специфики развития различных регионов необходим не только для постановки новых научных и практических задач, но и их корректировки в соответствии с изменениями

природной среды, социальными и техногенными трансформациями и необходимостью адаптации общества к новым условиям. При этом подходе моделирование используется как средство прогнозирования на основе теоретических экспериментов, определяющих, какой из сценариев является наиболее благоприятным с точки зрения адаптации данного региона к новым условиям, достижения поставленных целей и их реализации.

Поскольку проблема регионального моделирования представляет собой разработку специфических вариантов регионального развития, так называемые субрегиональные модели конфликтного процесса необходимы для более четкого обоснования всех нюансов корректировки политического курса, с учетом обстоятельств, как отмечает Э.Н. Ожиганов, что «в Российской Федерации имеются специфические особенности, которые необходимо учитывать при оценке экономической, демографической и политической среды регионов. К ним относятся теневая экономика, неучтенные доходы и латентные отношения в сфере власти и администрации» [2, с. 168]. Безопасность политико-экономической структуры определяется степенью устойчивости ее основных функциональных составляющих в кризисных ситуациях. Надежность функционирования такой структуры при наличии внешних и внутренних угроз и постоянного воздействия в сфере информационного пространства обусловлена многими факторами, но особенно следует выделить проблемы ценностно-культурного взаимодействия в полиэтническом пространстве Юга России. В условиях эскалации геополитических и социально-экономических конфликтов, роста миграционных потоков и информационного противоборства, а также воздействия самых разнообразных факторов локального и глобального характера регионы Юга России являются сложным конфликтогенным пространством, во многом определяющим состояние безопасности для всего государства [3]. Так, например, о сложносоставном характере этничности на Юге России свидетельствует специфика менталитета не только различных народов, но и отдельных общностей внутри этноса. Об особенностях такой этнической группы, как шапсуги, являющейся составной частью адыгского народа, свидетельствуют оценки В.Ю. Зорина, курировавшего национальную политику в Правительстве РФ в начале 2000-х годов, который в результате длительных наблюдений и бесед с лидерами шапсугского движения отмечал, что «есть что-то неуловимое в характере, в общении, в образе мышления, логике выводов, в оценке действительности, в глубоком знании истории племени, своего народа» [4, с. 431-432]. Обстановка в регионе проживания шапсугов отличалась своеобразием, в том числе и напряженностью, связанной с недостаточным присутствием представителей местного населения в органах государственной власти, и особенно на уровне края, города, района. В столь противоречивой среде конфликтогенные факторы проявлялись как в социокультурной, так и бытовой сфере.

Наличие ценностных рассогласований объясняется исторически сложившимися лингвистическими, этническими и конфессиональными различиями социокультурных общностей. Но в то же время это является результатом распространения так называемых русофобских идей, как извне, так и со стороны имеющих в стране групп «космополитической ориентации», которые, параллельно с националистическими настроениями в ряде регионов, сознательно раскалывают складывающуюся веками полиэтническую общность [5, с. 109].

Понятие «субрегиональная модель» употребляется в контексте многосоставного характера южно-российского макрорегиона, в зависимости от того, какой конкретный субъект Федерации подвергается комплексному конфликтологическому анализу. При этом важно исходить из понимания концепта «региональная безопасность», который трактуется как совокупность характеристик, отражающих наличие механизмов защищенности жизненно важных интересов региональной социальной общности и местных институтов государства от внешних и внутренних угроз. Уровень защищенности определяется как с помощью статистических показателей, так и с помощью использования инвент-анализа, фиксации и всесторонней характеристики важнейших событий в исследуемом субрегионе. Применяются также концептуальные подходы на основе методов коли-

качественного и качественного анализа информационно-коммуникативного пространства. С точки зрения О.Ф. Шаброва, «интуитивные, концептуальные, математические, искусственные и эволюционные модели - мощный инструмент познания и прогнозирования в политической сфере, необходимый элемент политических технологий» [6, с. 15]. Нарастающий в мире процесс глобализации рисков требует разработки региональной моделей безопасности на основе субрегионального подхода и конфликтологической диагностики.

Комплексный анализ с помощью конфликтологической экспертизы строится на изучении взаимодействия влиятельных политических и экономических субъектов в регионе с целью выявления конфликтного и интеграционного потенциала сил, находящихся в состоянии противоборства, с учетом их основных ресурсов и тактики поведения. Это позволит определить наиболее вероятные сценарии развития ситуации в определенный промежуток времени и на определенной территории и построить субрегиональную модель конфликтного процесса. Для обеспечения безопасности политико-экономической структуры субрегиона необходима относительная устойчивость его основных функциональных составляющих. Особую значимость это приобретает в кризисных ситуациях, когда от степени устойчивости функционирования социально-политических и экономических структур при негативных внешних и внутренних воздействиях сохраняется некоторый уровень прочности и возможность проведения антикризисной политики. Эффективность региональной антикризисной политики создает дополнительный потенциал устойчивости в целом для страны, что определяет уровень безопасности и является ее императивом в контексте обеспечения на субрегиональном и макрорегиональном уровне.

Если моделирование является научным инструментом прогнозирования на основе статистического анализа, комплексных наблюдений и умозрительных экспериментов [7], определяющих, какой из сценариев будет наиболее благоприятен для развития субрегиона с точки зрения перевода конфликтного процесса в конструктивное русло, то, кроме определения цели, необходимо понять, как ее реализовать. В этой связи представляется полезным провести функциональный анализ структурных элементов исследуемой субрегиональной общности, который позволит определить источники социально-политической дисфункциональности и наличие конфликтов низкой интенсивности, которые при определенных обстоятельствах могут перерасти в жесткую деструктивную фазу, проявляющуюся как конфронтация субрегиональных политических акторов в контексте ценностных рассогласований, способных разрушить относительную устойчивость и динамическое социальное равновесие системы на субрегиональном уровне. Наиболее распространенными в этих условиях являются конфликты интересов в сфере экономики субрегиона.

Серьезным конфликтогенным фактором, постоянно усиливающимся в связи глобальными трендами, является процесс регионализации международного пространства. В этих условиях меняется морфология конфликтов, появляются модели развития социальных отношений по модели «спирали конфликта», в том числе и на субрегиональном уровне. Актуализируется концепция «негативного» и «позитивного» мира Й. Галтунга [8, с. 94-97], но в настоящее время распространяемые в информационно-коммуникативном пространстве картины мира структурируются новыми социальными медиа, на основе теории структурного насилия [9], которое Галтунг рассматривал, прежде всего, на макроуровне, как вред, наносимый человеку или какому-либо сообществу в результате деятельности определенной структуры в общественных отношениях. На наш взгляд, изучать этот феномен можно и на уровне субрегиона, вплоть до малых социальных групп, где структурные конфликты могут проявляться как более уникальные, менее типичные, и рассматривать их необходимо на основе принципов теории индивидуализации конфликтов. На региональном уровне стратегия управления региональными конфликтами включает в себя и управление локальными конфликтами. Однако, как правило, такая стратегия в ряде регионов отсутствует, а реакция власти остается по-прежнему ситуационной, спонтанной, бессистемной. Стремление этнических региональных элит

прийти к власти и при этом использовать потенциал недовольства населения и межэтнические противоречия может иметь серьезные последствия не только для стабильности в субрегионе, но и в целом для безопасности государства. В процессе разработки субрегиональных моделей управления конфликтами приоритет должна иметь кадровая политика, которая не может быть в современном обществе клановой или номенклатурной. Повышение структурной ответственности субрегиональной власти приведет к тому, что она станет более открытой, прозрачной и понятной для населения, и тогда субрегиональная социальная общность будет иметь возможность реально влиять на принимаемые решения. Управленческая элита в субрегионах до сих пор не может избавиться от тактики «пожарной команды». Любая реформа, любые преобразования вызывают конфликт интересов и ценностей, которые имеют субрегиональную специфику. Важно в процессе исследования течения этих субрегиональных конфликтов выявить возможности перевода трудноразрешимых конфликтов ценностей и интересов в конфликты предпочтений, которые сами по себе являются факторами кооперации и интеграции. Построение моделей субрегионального конфликтного процесса направлено на определение такой стратегии управления конфликтами, которая строится на принципах творческой делиберации, позволяющей субрегиональной власти наиболее полно реагировать на импульсы, исходящие от разных политических акторов, на изменения в расстановке политических сил в мире и в пространстве макрорегиона. Таким образом, методологические аспекты изучения субрегиональных моделей конфликтного процесса акцентируют наше внимание на том, что в научном исследовании необходим постоянно возобновляемый процесс поиска эффективных методов и инструментов, их переоценки, учета альтернативных подходов с позиций рационального выбора. На основе наиболее эффективных исследовательских практик и вариантов обоснований эволюционных парадигм можно реализовывать научно-управленческую модель исправления и творения новой, более справедливой реальности и обеспечивать социальной системе жизнеспособность и благоприятные перспективы развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Юрченко И.В. Полипарадигмальность социально-политического познания // Человек. Со-общество. Управление. - 2002. - № 1. - С. 30-44.
2. Ожиганов Э.Н. Стратегический анализ политики: теоретические основания и методы. - М.: Аспект-Пресс, 2006.
3. Бугай Н.Ф., Штурба Е.В. Межэтническое согласие как фактор безопасности России: XX-XXI вв. Очерки. - М.: Де'Либри, 2018. - С. 431-432.
4. Герасимов И.А., Савва Е.В. и др. К построению модели информационной безопасности полиэтнического региона (на материалах Юга России). URL: http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2010_4/2010_4_YurYurSavGer.pdf.
5. Проблема устойчивости политических систем современного мира: Мат-лы Междунар. науч. конф. / Под ред. С.Г. Еремеева, И.И. Кузнецова. М.: - Изд-во Моск. ун-та, 2018.
6. Шабров О.Ф. Моделирование социально-политических объектов: специфика и границы применимости // Моделирование в социально-политической сфере: Межвуз. науч.-практ. семинар, 27 апр. 2004 г. / Сост. О.Ф. Шабров. - М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2004. - С. 15.
7. Юрченко И.В. Национальная и региональная безопасность как политическая стратегия современной России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. URL: <http://cheloveknauka.com/natsionalnaya-i-regionalnaya-bezopasnost-kak-politicheskaya-strategiya-sovremennoy-rossii#4#ixzz5SayAx1nZ>.
8. Табухова Ж.Х. Теория структурного насилия Й. Галтунга // Сб. конф. НИЦ Социосфера. - 2015. - № 44. - С. 94-97.
9. Galtung J. Violence, Peace and Peace Research // Journal of Peace Research. - 1969. - Vol. 6. - No. 3. - Pp. 167-191. URL: <http://www.jstor.org/stable/422690>.

REFERENCES

1. Yurchenko I.V. Poliparadigmal'nost' social'no-politicheskogo poznaniya [The Multiparadigmatic Character of Social-Political Knowledge]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 2002. No. 1. Pp. 30-44. (In Russ.).
2. Ozhiganov E.N. Strategicheskij analiz politiki: teoreticheskie osnovaniya i metody [Strategic Policy Analysis: Theoretical Foundations and Methods]. Moscow: Aspekt-Press, 2006. (In Russ.).
3. Bugaj N.F., Shturba E.V. Mezhetnicheskoe soglasie kak faktor bezopasnosti Rossii: XX-XXI vv. Ocherki [Interethnic Harmony as a Factor of Russia's Security: XX-XXI Centuries. Essays]. Moscow: De'Libri, 2018. Pp. 431-432. (In Russ.).
4. Gerasimov I.A., Savva E.V. i dr. K postroeniyu modeli informacionnoj bezopasnosti poliehtnichnogo regiona (na materialah Yuga Rossii) [To the Construction of the Model of Information Security of the Polyethnic Region (on the Materials of the South of Russia)]. Available at: http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2010_4/2010_4_YurYurSavGer.pdf. (In Russ.).
5. Problema ustojchivosti politicheskikh sistem sovremennogo mira: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [The Problem of Stability of Political Systems in the Modern World: Proceedings of the International Scientific Conference]. Ed. by S.G. Ereemeev, I.I. Kuznecov. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2018. (In Russ.).
6. Shabrov O.F. Modelirovanie social'no-politicheskikh ob'ektov: specifika i granicy primenimosti. Modelirovanie v social'no-politicheskoy sfere [Modeling of Social-Political Objects: Specificity and Limits of Applicability. Modeling in the Social-Political Sphere]. *Mezhvuz. nauch-prakt. seminar*, apr. 27 2004. Comp. by O.F. Shabrov. Moscow: Izd-vo nac. in-ta biznesa, 2004. P. 15. (In Russ.).
7. Yurchenko I.V. Nacional'naya i regional'naya bezopasnost' kak politicheskaya strategiya sovremennoj Rossii: avtoreferat dissertacii na soiskanie stepeni doktora politicheskikh nauk [National and Regional Security as a Political Strategy of Modern Russia: Thesis Abstract for the Degree of Doctor of Political Sciences]. Available at: <http://cheloveknauka.com/natsionalnaya-i-regionalnaya-bezopasnost-kak-politicheskaya-strategiya-sovremennoj-rossii#4#ixzz5SayAx1nZ>. (In Russ.).
8. Tabuhova Zh.Kh. Teoriya strukturnogo nasiliya J. Galtunga [The Theory of Structural Violence of J. Galtung]. *Sborniki konferencij NIC Sociosfera*. 2015. No. 44. Pp. 94-97. (In Russ.).
9. Galtung J. Violence, Peace and Peace Research. *Journal of Peace Research*. Vol. 6. No. 3 (1969). Pp. 167-191. Available at: URL: <http://www.jstor.org/stable/422690>. (In Eng.).

Информация об авторах:

Юрченко Инна Вадимовна, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, профессор кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
polit-sociology@mail.ru

Донцова Мария Владимировна, кандидат социологических наук, научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону, Россия
dontsova_79@list.ru

Юрченко Наталья Николаевна, кандидат политических наук, доцент, руководитель лаборатории политического анализа и конфликтологической экспертизы проблем национальной и региональной безопасности, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
nnyurchenko@mail.ru

Получена: 05.09.2018

Information about the authors:

Inna V. Yurchenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Researcher, Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Professor of Department of Political Science and Political Management, Kuban State University, Krasnodar, Russia
polit-sociology@mail.ru

Mariya V. Dontsova, Candidate of Sociological Sciences, Researcher, Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia
dontsova_79@list.ru

Natalia N. Yurchenko, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of Laboratory of Political Analysis and Conflict Expertise of National and Regional Security Problems, Kuban State University, Krasnodar, Russia
nnyurchenko@mail.ru

Received: 05.09.2018

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

В 2018 году исполняется 160 лет включения Северного Приамурья и 158 лет вхождения Уссурийского края в состав Российской империи, а 20 октября этого же года – 80 лет со дня образования Хабаровского и Приморского краев. Однако не только юбилейные даты, но и современное развитие российского Дальнего Востока как одна из приоритетных национальных задач находятся в центре внимания представителей разных научных направлений и практиков-экспертов. К числу важнейших сегодняшних проблем относятся поиски ответа на вопрос как обеспечить развитие территории во благо всей России и дальневосточников. В современной познавательной ситуации важны не только оценка экономического, демографического, культурного потенциалов и возможностей страны с точки зрения реализации амбициозных целей и задач, но и адекватная оценка роли и места в этом процессе основных его участников, историографического осмысления, а также последствий принятых программ для населения. Наступило время подвести некоторые итоги осмысления дальневосточной проблематики.

На страницах научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» за 2018 г. в формате специального раздела **«Дальний Восток в российской истории: конец XX – начало XXI вв.»** предлагается обсудить следующие теоретико-методологические и прикладные проблемы:

- научные концепции, особенности, участники разработки стратегии развития Дальнего Востока;
- подходы к оценкам ее реализации в научном и экспертном сообществе;
- отражение последствий радикально-рыночных реформ и результатов осуществления планов развития региона в публицистике и др.

По всем вопросам можно обращаться по электронному адресу: akademus07@rambler.ru.

Приглашаются к публикации оригинальных текстов аспиранты, соискатели, преподаватели вузов, научная общественность. Редакция будет благодарна Вам за распространение данной информации среди заинтересованных персон.

Статьи в разделе **«Дальний Восток в российской истории: конец XX – начало XXI вв.»** будут публиковаться на безвозмездной основе. Авторы статей должны будут оплатить только стоимость журнала (300 руб.), почтовые расходы (200 руб. по России или 750 руб. – страны СНГ и ближнего зарубежья) и заплатить за присвоение DOI (1000 руб.)

С уважением,
главный редактор журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»,
доктор исторических наук, профессор
В.А. Штурба

DEAR COLLEAGUES!

160 years of inclusion of the Northern Amur Region and 158 years of the Ussuriisk Region's entry into the Russian Empire will be celebrated in 2018, and on October 20 of the same year will be 80 years from the date of the formation of the Khabarovsk and Primorsky Regions. However, not only the jubilee dates, but also the modern development of the Russian Far East as one of the priority national tasks are at the center of attention of representatives of various scientific trends and experts. Among the most important current problems are the search for an answer to the question of how to ensure the development of the territory for the benefit of all of Russia and the Far East community. In the modern cognitive situation, it is important not only to assess the country's economic, demographic, cultural potential and capabilities from the viewpoint of achieving ambitious goals and objectives, but also to adequately assess the role and place in this process of its main participants, historiographical comprehension, as well as the consequences of the adopted programs for the population. And it is time to sum up some of the results of understanding the Far Eastern issues.

On the pages of the journal "Historical and Social-Educational Idea" for 2018 in the format of a special section ***"The Far East in Russian History: end of the XX – beginning of the XXI centuries"***. It is proposed to discuss the following theoretical, methodological and applied problems:

- scientific concepts, features, participants in the development of the strategy for the development of the Far East;
- approaches to assessing its implementation in the scientific and expert community;
- reflection of the consequences of radical market reforms and the results of the implementation of plans for the development of the region in columns and notes, etc.

All questions possible to address to: akademus07@rambler.ru.

Post-graduate students, candidates of sciences, university professors, representatives of scientific community are invited to publish original texts. The editorial board is committed to free publish materials in the pages of its science journal. The editorial board will be grateful if you would circulate this information among the scientific community.

The articles in the section ***"The Far East in Russian History: end of the XX – beginning of the XXI centuries"*** will be published on a free basis. The authors of the articles will have to pay only the cost of the journal (300 rubles), postal expenses (200 rubles for Russia or 750 rubles for the CIS countries and near abroad) and pay for the DOI assignment (1000 rubles).

Sincerely,
Chief Editor of the Academic Journal
"Historical and Social-Educational Idea",
Doctor of Historical Sciences, Professor
V.A. Shturba

ЗАИМСТВОВАНИЯ, ПЛАГИАТ, РЕТРАКЦИЯ BORROWINGS, PLAGIARISM, RETRAINING

Редакционная коллегия журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» при рассмотрении статьи проводит проверку материала с помощью систем «Антиплагиат» и «Advego Plagiatus». В случае обнаружения многочисленных заимствований редакция действует в соответствии с правилами COPE.

Политика антиплагиата

С точки зрения редакции, плагиатом является:

- дословное цитирование любых материалов в любом объеме без указания источника;
- использование изображений, рисунков, фотографий, таблиц, графиков, схем и любых других форм графического представления информации без указания источника;
- использование изображений, рисунков, фотографий, таблиц, графиков, схем и любых других форм графического представления информации, опубликованных в научных и популярных изданиях без согласования с правообладателем;
- использование без письменного разрешения материалов, авторы или правообладатели которых запрещают использование своих материалов без специального согласования.

Допустимый объем цитирований, установленный редакцией – не более 20% от общего объема статьи. Обзоры и другие статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований, рассматриваются редакцией в индивидуальном порядке.

Проверка материалов на наличие заимствований

Все статьи, публикуемые в журнале, проходят многоступенчатую проверку по разработанной в редакции методике, включающей использование различных инструментов.

Проверка на уникальность проводится редакцией в двух системах: «Антиплагиат.ру» и «Advego Plagiatus».

В случае обнаружения заимствований, редакцией проводится их оценка, в ходе которой принимается во внимание авторство заимствованного текста, наличие или отсутствие должным образом оформленного цитирования и тип источника: научная статья, монография, диссертация, книга, учебное посо-

The editorial board of the journal "Historical and Social-Educational Idea" examines the material with the help of the Antiplagiat system. In case of multiple borrowings, the editorial board operates in accordance with COPE rules.

Anti-Plagiarism Policy

From the editorial point of view, plagiarism is:

- literally quoting any materials in any volume without indicating the source;
- use of images, drawings, photographs, tables, graphs, diagrams and any other forms of graphical representation of information without indicating the source;
- use of images, drawings, photographs, tables, graphs, schemes and any other forms of graphical representation of information published in scientific and popular publications without agreement with the copyright holder;
- use without the written permission of materials, authors or owners of which forbid the use of their materials without special agreement.

The permissible volume of citations established by the editors is not more than 20% of the total volume of the article. Reviews and other articles, for objective reasons requiring more citations, are reviewed by the editorial board on an individual basis.

Checking materials for borrowing

All articles published in the journal undergo a multistage check on the methodology developed in the edition, including the use of various tools.

The uniqueness check is carried out by editing in two systems: "Antiplagiat.ru" and "Advego Plagiatus".

In the case of loans, the editors held their assessment, in the course of which takes into account the authorship borrowed text, the presence or absence of a formal citation and source type: scientific articles, monographs, theses, books, study guide, or simply found on the network text without explicit attribution. On the basis of the analysis, a decision is made whether the article is possible or not possible.

бие или просто найденный в сети текст без явного указания авторства. На основе проведенного анализа принимается решение о возможности или невозможности публикации статьи.

Правила отзыва (ретракции) опубликованной статьи

Статья отзывается (ретрагируется) в случае:

- если в статье выявлены крупные некорректные заимствования (плагиат);
- если выводы, содержащиеся в статье, были ранее опубликованы в другом издании, и при этом отсутствуют надлежащие ссылки, разрешения и обоснования необходимости повторной публикации (т.е. случаи дублирующей публикации);
- если материал статьи описывает неэтичные исследования.

Цель отзыва (ретракции) опубликованной статьи

Отзыв является механизмом исправления опубликованной информации и оповещения читателей о публикациях, содержащих такие серьезные недостатки или ошибочные данные, которым нельзя доверять. Недостоверность данных может являться результатом добросовестного заблуждения или сознательных нарушений.

В случае отзыва (ретракции) статьи денежные средства, полученные издательством за редакционно-издательские услуги от автора (ов), не возвращаются.

Уважаемые авторы! По международным правилам этики научных публикаций уже опубликованная статья не может быть полностью удалена с сайта журнала. Будьте внимательны, отправляя статью для публикации!

Выявление технических приемов, искусственно повышающих уникальность текста

В последнее время участились случаи использования авторами различных программных продуктов и сервисов, искусственно завышающих уникальность текста при проверке.

Редакция настоятельно не рекомендует использовать любые технические приемы, позволяющие повысить оценку текста. Сотрудники редакции обладают достаточной технической и методологической базой для разоблачения всех подобных технических приемов.

Уведомляем Вас, что статьи, в которых

The rules of recall (retraction) of a published article

The article is recall (retracted) in the next cases:

- if the article identifies major incorrect borrowing (plagiarism);
- if the conclusions contained in the article were previously published in another publication, and at the same time there are no proper references, permissions and justifications for the need for a republication (cases of a duplicative publication);
- if the article's material describes unethical research.

The purpose of recall (retraction) of a published article

Recall is a mechanism for correcting published information and alerting readers to publications containing such serious flaws or erroneous data that can not be trusted. The inaccuracy of the data may be the result of bona fide error or conscious violations.

In the event of retraction of the article, the money received by the publisher for editorial and publishing services from the author(s) is not returned.

Dear authors! According to the international rules of ethics of scientific publications, an already published article can not be completely removed from the journal's website. Be careful when posting an article for publication!

Identification of techniques that artificially increase the uniqueness of the text

Recently cases of authors using various software products and services artificially inflating the uniqueness of the text during verification have become more frequent.

The editorial board strongly discourages the use of any technical means to improve the evaluation of the text. The editorial staff has a sufficient technical and methodological basis for exposing all such techniques.

We inform you that the articles in which signs of technical modifications are found with the purpose of artificial enhancement of the uniqueness of the text are not published in the journal (even if it

обнаружены признаки технических модификаций с целью искусственного повышения уникальности текста, в журнале не публикуются (даже в случае доработки). Если публикация статьи уже оплачена, деньги за публикацию не возвращаются.

Дублирующие публикации

Статьи, поступающие для публикации в журнале «Историческая и социально-образовательная мысль» не должны в момент поступления находиться на рассмотрении в других журналах. Если представляемый автором материал уже был полностью или частично опубликован ранее, автор обязуется сообщить об этом в редакцию, а также обосновать необходимость такой публикации. Решение по всем подобным случаям принимается редакцией в индивидуальном порядке. В случае обнаружения публикаций, полностью или частично дублирующих в журнале «Историческая и социально-образовательная мысль», редакция оставляет за собой право отозвать (ретрагировать) такую статью.

Обращаем Ваше внимание, что с 2018 года редакцией принято решение о повторной проверке уже опубликованных материалов на наличие заимствований. Это позволит:

- избежать последствий «веерных» рассылок статей авторами в несколько журналов одновременно, в результате которых одна и та же статья может быть опубликована в нескольких изданиях;

- выявить некорректные заимствования, которые не могли быть выявлены на момент публикации статей из-за отсутствия материалов в открытом доступе.

Повторная проверка статей будет проводиться дважды, через год и через два года после публикации. В случае обнаружения некорректных заимствований, которые не могли быть обнаружены ранее, или факта публикации статьи в другом издании, статья может быть отозвана (ретрагирована) в соответствии с правилами отзыва (ретракции) уже опубликованной статьи.

is modified). If the article is already paid for the money for publication is not returned.

Duplicate publications

Articles submitted for publication in the journal "Historical and Socio-Educational Thought" should not be considered in other journals at the time of admission. If the material submitted by the author has already been published in whole or in part, the author undertakes to notify the editors about this, and also to substantiate the necessity of such publication. The decision on all such cases is made by the editorial board on an individual basis. In case of the detection of publications that fully or partially duplicate in the journal "Historical and Social-Educational Idea" the editors reserve the right to recall (retract) such an article.

We would like to draw your attention to the fact that since 2018 the editorial board has decided to re-check the already published materials for borrowings. This will allow:

- to avoid the consequences of the "fan" mailings articles by the authors in several magazines at the same time, as a result of which one and the same article may be republished in several editions;

- to identify incorrect borrowings that could not be identified at the time of publication of articles due to lack of materials in the public domain.

A second check of the articles will be conducted twice, one year and two years after publication. In case of detection of incorrect borrowing, which could not be detected earlier, or the fact of publication of the article in another publication, the article may be recall in accordance with the rules of retraction has already published article.

ИНФОРМАЦИЯ для авторов журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»

Уважаемые авторы, в связи с подготовкой научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» к включению в международные базы данных библиографического описания и научного цитирования *Scopus* и *Web of Science*, обращаем Ваше внимание на то, что с 2014 г. существенно изменены правила оформления представляемых рукописей. Особое значение теперь приобретают англоязычная аннотация к статье (Abstract) и список использованной автором литературы (References), поскольку именно они, а не текст самой статьи, находят отражение в системах международных баз данных. По своему содержанию и информативности Abstract и References должны привлечь внимание зарубежных читателей к теме статьи. Соответственно, в интересах автора тщательно подойти к подготовке этих блоков статьи и обеспечить их максимально высокое качество.

Редакция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, лекций, отчетов о научных мероприятиях и научных программах и исследованиях в области истории, социологии, педагогики. Редакция принимает в выпуск только ОДНУ статью автора или идентичного коллектива соавторов.

Материалы следует направлять по электронной почте: akademus07@rambler.ru, либо через on-line форму сайта журнала <http://www.hist-edu.ru/>. Загружаемый в систему файл со статьей должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, *.rtf). Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными далее требованиями и тщательно вычитаны.

Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов на обработку и публикацию предоставленной персональной информации, а также подтверждает согласие авторов с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме в электронной и печатной версиях журнала.

Поступившая в редакцию рукопись проходит обязательное двойное слепое рецензирование (рецензент не знает авторов рукописи, авторы рукописи не знают рецензентов) и в двухнедельный срок принимается решение о возможности ее публикации. Редактор информирует автора о решении редколлегии. Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов. При переписке с редакцией автор каждый раз должен полностью указывать фамилию, имя, отчество и повод, по которому идет переписка.

Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-либо иных данных, равно как за точность цитируемых текстов и отсутствие правовых препятствий к размещению информации, несет полностью автор.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Журнал издается на средства авторов.

Авторам, обучающимся в аспирантурах государственных вузов и имеющим право в порядке очередности на бесплатную публикацию материалов своих научных исследований, необходимо предоставить справку из аспирантуры вуза установленной формы. Справку об обучении в аспирантуре, заверенную согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылается простым письмом на почтовый адрес редакции. Отсканированная копия справки прилагается к электронному письму отдельными файлами с расширением *.jpg или *.pdf. Статья аспиранта может быть опубликована бесплатно при условии, что он является единственным автором

научного текста. Статьи, где аспирант выступает в качестве соавтора, к бесплатной публикации не принимаются.

При подаче статьи на электронный адрес akademus07@rambler.ru просим Вас:

1. уточнять, в какой рубрике Вы хотели бы разместить статью;
2. указывать почтовый адрес с индексом, на который можно будет выслать авторский экземпляр журнала;
3. предоставлять копию проверки оригинальности текста в текстовом или графическом файле (скриншот результата проверки <http://www.antiplagiat.ru>). Оригинальность текста должна составлять не менее 80%.

Объем полного текста рукописи 10-20 страниц: не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов). В индивидуальных случаях по решению редакционной коллегии допускается публикация материалов большего объема. Количество авторов одной статьи – допускается не более 3-х чел.

Текст рукописи должен быть набран в редакторе Microsoft Word, в формате A4 с полями 25 мм, выравнивание по левому краю, междустрочный интервал – полуторный (1,5), шрифт -Times New Roman, размер – 14. Подзаголовки внутри статьи - прописными буквами. Шрифт библиографических ссылок – 12, междустрочный интервал – одинарный (1). Шрифт текстовых сносок – 11, межстрочный интервал – одинарный (1), без отступа.

Страницы текста должны иметь сквозную нумерацию. Автоматические переносы не допускаются. Автоматические сноски не допускаются.

Рукопись должна быть структурирована по нижеописанному принципу.

Блок информации на русском языке:

1. *Индекс УДК.*
2. *Название работы* (прописными жирными буквами), точно отражающее содержание работы.
3. *Авторы статьи.* Фамилии и инициалы авторов следует указывать полностью (без сокращений). Через запятую указываются ученая степень и звание, должность автора, полное (без сокращений) название кафедры, организации (необходимо привести официальное полное название организации без сокращений), которую представляет автор, полный почтовый адрес организации(й), электронная почта всех или одного из авторов. Если авторов несколько, то фамилия каждого следующего автора с полной аффилиацией начинается с новой строки.
4. *Русскоязычная аннотация и ключевые слова.* Аннотация характеризует основную тему, актуальность, проблему объекта, цели работы и ее результаты, выводы, новизну, что помогает быстрее уловить суть проблемы. Объем текста аннотация должен быть не менее 200-250 слов. Ключевые слова (не менее 10-и слов) способствуют индексированию статьи в поисковых системах. Они должны попарно соответствовать на русском и английском языке.

Блок информации на английском языке:

1. *UDC Index.*
2. *Article title.* Название на английском языке должно по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию и грамотно составлено с точки зрения английского языка.
3. *Authors' names & Affiliation.* ФИО необходимо писать в соответствии с заграничным паспортом. Также на английском языке указывается ученая степень и звание, должность автора(ов). Аффилиацию необходимо указывать официальное англоязычное название учреждения. Наиболее полный список названий учреждений и их официальной англоязычной версии можно найти на сайте РУНЭБ <http://elibrary.ru>.
4. *Abstract & Keywords.* Англоязычная версия аннотации статьи должна по смыслу и структуре полностью соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка. При переводе аннотаций должна использоваться англоязычная специальная терминология, следует избегать употребления общих, ничего не значащих слов, лишь увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Англоязычная аннотация должна быть оригинальной, то есть недопустима калька (дословный перевод) краткой русскоязычной аннотации. Объем англоязычной версии аннотации должен быть не менее 200-250 слов. «Аннотации на английском языке в русскоязычном издании

являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, проявляет интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т.д. Аннотация к статье призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации».

5. *Информация о спонсорстве* (на русском и английском языках). Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (грант, фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.).

6. *Благодарности* (на русском и английском языках) Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся её авторами.

7. *Текст статьи* (на русском, английском или обоих языках). Излагаемый в работе текст должен содержать вводную часть, где описываются цель, материалы, источники и методы исследования. Далее следуют результаты исследования, их обсуждение, заключение или выводы.

В тексте статьи ссылки на источники приводятся после цитаты в квадратных скобках арабскими цифрами с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы,

например: [1; с. 290-316, 344], [2; л. 290-316. Л л. 2-22, 23-30, 208-212], [7; л. 29-31, 31 об.].

Документы (архивы, ГОСТы, приказы, положения, постановления, нормативы, федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Некоторые нюансы:

- при первом упоминании лица обязательно указываются инициалы, которые отделяются пробелом от фамилии;
- в заголовках на английском языке все значимые слова пишутся с заглавной буквы;
- с заглавной буквы пишутся: Первая и Вторая мировые войны, Третий мир;
- названия фирм, организаций и т.п. следует указывать на языке оригинала;
- за исключением ООН, в названиях организаций (Европейский союз, и т.п.) с заглавной буквы пишется только первое слово;
- точка не ставится после рубрики, названия статьи, автора статьи, заголовков и подзаголовков, названий таблиц, рисунков, размерностей (с – секунда, г - грамм, м – метр);
- годы указываются только в цифровой форме: 1985–1990 гг., но 1990-е годы (а не 1990-е гг.); XX в.; XVIII–XIX вв. Годы и века даются только в сокращенном виде: в.; вв.; г.; гг.;
- буква «ё» ставится только в тех случаях, когда замена на букву «е» искажает смысл слова; во всех остальных случаях – только «е»;
- сокращения «др.», «пр.», «т.п.», «т.д.» даются только в конце предложения. Словесные формулировки «так как», «в том числе», «потому что» не сокращаются;
- при цифрах используется знак процента или промилле: 30%; 15‰;
- в цифрах миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются одним пробелом (700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами «млрд», «млн», «тыс». После сокращений «млрд» и «млн» точка не ставится;
- названия денежных знаков даются в сокращенной форме, принятой в научной литературе: «долл.», «фр.», «р.», «ф. ст.». Названия других денежных знаков пишутся полностью;
- в цитатах используются кавычки-елочки (« »). Если внутри цитаты есть слова, заключенные в кавычки, они должны быть другого начертания « — “ *** “ — ».

8. *Библиографические ссылки* (пристатейные списки литературы). Статьи без ссылок на используемые источники и литературу не принимаются.

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

В оригинальных статьях желательно иметь не менее 15 источников, в обзорных – до 50. Самоцитирования в списке литературы не должны превышать 10%.

Ссылки на иностранные источники должны составлять 30%.

Шрифт ссылок – Times New Roman, размер – 12, межстрочный интервал – одинарный (1).

В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены все авторы. В случае если у публикации более 4 авторов, то после 4-го автора необходимо поставить сокращение «и др.» или «et al.». Недопустимо сокращать название статьи.

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте, но не в алфавитном порядке. В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [1; с. 25].

Документы (приказы, ГОСТы, архивы, положения, постановления, нормативы, федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Если статья имеет DOI, обязательно следует указать его номер.

9. *References* (пристатейные списки литературы на английском языке и транслитерация названия статьи). Название статьи в ссылках должно быть транслитерировано (написана латинскими буквами) и дублирована на английский язык в квадратных скобках [].

При транслитерации можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.ru/?account=bgn>.

Если статья имеет DOI, то следует обязательно указать его номер.

Также следует обратить внимание на то, что название статьи и журнала не следует разделять знаком «//» и «–», а описания даты выхода, тома, номера журнала и страниц, на которых опубликована статья, разделяются точкой. Названия отечественных журналов сокращать нельзя.

Структура библиографической ссылки в *References* для русскоязычных статей из журналов выглядит так:

- авторы (транслитерация);
- название статьи в транслитерированном варианте;
- перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках [];
- название источника (транслитерация);
- выходные данные с обозначениями на английском языке, либо только цифровые;
- язык (необходимо указать язык, на котором написан полный текст рукописи). В случае, когда автор публикует статью на двух языках, необходимо указать двойную индексацию по языку (например, [ru; en], (in Russian); (in English), (in Italy) (in Arabic) и т.д.

Для транслитерации текста можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.ru/?account=bgn>.

Пример ссылки на статью из российского журнала:

- Mescheryakov A.V., Levushkin S.P. Perekrestnye jeffekty adaptacii k stressornym situacijam. [Cross-effects of adaptation to stress situations]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l* = Historical and Social-Educational Idea. 2015. Vol. 7. No. 3. Pp. 122-125.

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-67-78 (in Russ.).

- Kalakhanova (Borlakova) Z.M. Istoricheskiy ocherk razvitiya i ustroystva Kavkazskih mineral'nyh vod. [Historical outline of the development and structure of the Caucasian Mineral Waters]. Stavropol. 2015. P. 1 (in Russ.).

Пример описания статей из SCOPUS, имеющих DOI:

- Zhang Z., Zhu D. Experimental research on the localized electrochemical micromachining. *Russian Journal of Electrochemistry*. 2008. No. 44 (8). Pp. 926-930. Cited 2 times. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-67-78 Eng.).

Ссылка на Интернет-ресурс:

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (accessed 5 Feb. 2011).

Pravila Tsitirovaniya Istochnikov. (Rules for the Citing of Sources). Available at: <http://www.scribd.com/doc/1034528/> (accessed 7 Feb. 2011).

Материалы конференций:

Главное в описаниях конференций – название конференции на языке оригинала (в транслитерации, если нет – ее английского названия), выделенное курсивом. В скобках дается перевод названия на английский язык. Выходные данные (место проведения конференции, место издания, страницы) должны быть представлены на английском языке.

Примеры ссылок на публикации в материалах конференций:

Usmanov T.S., Gusmanov A.A., Mullagalina I.Z., Muhametshina R.Ju., Chervyakova A.N., Svishnikov A.V. Features of the design of field development with the use of hydraulic fracturing. [Osobennosti proektirovaniya razrabotki mestorozhdeniy s primeneniem gidrorazryva plasta]. Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma "Novye resursosberegayushchie tekhnologii nedropol'zovaniya i povysheniya neftegazootdachi" (Proc. 6th Int. Technol. Symp. "New energy saving subsoil technologies and the increasing of the oil and gas impact"). Moscow. 2007. Pp. 267-272. (in Eng.).

Antina E.V., Berezin M.B., Semeikin A.S., Dudina N.A., Yutanova S.L., Guseva G.B. Abstracts of Papers. XII Molodezhnaya konferentsiya po organicheskoi khimii (XII Youth Conference on Organic Chemistry). Suzdal. 2009. P. 248. (in Russ.).

Таблицы и иллюстрации:

- количество таблиц и иллюстраций в тексте – не более 10. Таблицы должны быть пронумерованы и иметь тематические названия на русском и английском языках;

- заголовки графиков должны быть на русском и английском языках, должны точно соответствовать их содержанию и иметь единицы измерения;

- заголовки к таблицам и рисункам должны быть указаны на русском и английском языках;

- цифры в таблицах располагают по центру, единицы размещают под единицами, десятки под десятками и т.д. Сокращения слов в таблицах, за исключением общепринятых, не допускаются;

- иллюстрации должны быть четкими, контрастными, рассчитанными на черно-белую печать без полутонов. В электронном виде иллюстрации предоставляются как внедренные объекты (в этом случае иллюстрации могут быть как созданные средствами Microsoft Office, так и представлены как графические объекты), либо отдельными файлами с расширением *.tiff и *.jpg с разрешением 300 dpi. В последнем случае имя файла должно содержать номер иллюстрации и ее название;

- фотографии, отпечатки экранов мониторов (скриншоты) и др. не рисованные иллюстрации необходимо загружать отдельно в специальном разделе формы для подачи статьи в виде файлов формата *.jpeg, *.bmp, *.gif (*.doc и *.docx - в случае, если на изображение нанесены дополнительные пометки). Файлам изображений необходимо присвоить название, соответствующее номеру рисунка в тексте.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы можете подписаться на журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» через Агентство «Роспечать» (подписной индекс П4427), а также через редакцию журнала.

Адрес редакции:

350080, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар,
мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301. akademus07@rambler.ru ,
сайт журнала: <http://www.hist-edu.ru>
телефон 8(861)2376219; 8(905)4713194

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей.

Идеи и выводы, высказываемые в публикуемых материалах, не обязательно отражают позицию редколлегии.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ!

Вы можете оформить подписку на журнал
«Историческая и социально-образовательная мысль»
по каталогу агентства «РОСПЕЧАТЬ»
Тел:/007 495/921-25-50 Факс: /007 495/785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru www: <http://www.rosp.ru>

ATTENTION OF FOREIGN SUBSCRIBERS!

You can subscribe to «Historical and Social-Educational Ideas»
through the «ROSPECHAT»
agency catalogue. «Russian Newspapers & Magazines -2016»
Phone: /007 495/921-25-50 Fax: /007 495/ 785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru www: <http://www.rosp.ru>

Уважаемые читатели!

Мы рады сообщить вам, что журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» доступен во Всемирной сети Интернет. Вы можете найти материалы вышедших в 2009 - 2017 гг. номеров журнала на: <http://www.hist-edu.ru>
<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Историческая
и социально-образовательная мысль
2018. Том 10 № 5/1

Подписной индекс П4427
в объединенном каталоге
«Пресса России»

Подписано в печать 01.10.2018
Формат 60x84 1/8. Бумага типографская №1
Печать RISO. Уч.-изд. 148 ст.
Тираж 550 экз.

Тираж изготовлен на полиграфической базе
Кубанской многопрофильной Академии подготовки, переподготовки
и повышения квалификации специалистов

г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32/301

© Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»